



Учредитель:
ООО «Артофвар»

Главный редактор:
Илья Плеханов

Редакционная коллегия:
Илья Плеханов
Аркадий Бабченко

Директор по распространению:
Анна Кунарева

Дизайн и верстка:
Татьяна Шверина-Кашина

Корректор:
Анна Кунарева

Адрес для корреспонденции:
115573, г.Москва,
а/я 65, Плеханову И.С.

Контакты:
<http://artofwar.ru/a/almanah/>
Email: almanah-war@mail.ru
Тел.: 8-903-524-16-19

Свидетельство о регистрации:
ПИ № ФС77-26362
От 30 ноября 2006 г.

Отпечатано в типографии:
ООО «ИПК Отис-Медиа»,
г.Москва, 5-я Кабельная ул., дом 2Б
тел.: 507-50-64

Тираж:
1000 экземпляров

Подписано в печать:
07.02.2007

В Москве журнал можно приобрести:

Магазин «Фаланстер».
Малый Гнезниковский переулок,
д. 12/27, стр. 3.
Тел. 629-88-21, 504-47-95
falanster@mail.ru

Киоск «Новой Газеты».
Страстной бульвар, д. 4

**Жители других городов могут
заказать Альманах по почте:**
almanah-war@mail.ru

Перепечатка или воспроизведение
в любом другом виде целиком или по
частям материалов из альманаха «Art
of War» без ссылки на альманах или
сайт запрещается.

От редакции

ОТ РЕДАКЦИИ

За последние пятнадцать лет мы привыкли к войне. Она прочно вошла в нашу жизнь. Мы знаем, как она выглядит — убитые люди, сгоревшая техника, разрушенные дома, жизни, судьбы. Мы видели не раз ее по телевизору, читали о ней в газетах. Мы привыкли.

Обратную сторону войны наши СМИ освещают не так активно. Слишком тяжело и не слишком красиво. Госпитали — «консервные заводы», где штопают, склеивают, латают разорванную человеческую плоть. Военная машина работает без остановок. Эту заштопанную плоть она выбрасывает обратно в мир, взамен здоровых, и тут же о них забывает. Мы к этому тоже привыкли.

Оказавшись на госпитальной койке, солдат остается со своей войной один на один. Только ты и твои проблемы. Крутись сам. Тому, как выживать без рук, без ног, без веры в будущее, не учат ни в учебках, ни на курсах офицеров. Такое у нас государство.

Мы назвали второй номер «Самый легкий день был вчера...» В нем мы расскажем о том, как солдаты справляются со своей жизнью после тяжелого ранения, увечья, перенесенной ампутации. О тех, кто, уже оказавшись за чертой, вцепился в эту жизнь зубами и сумел-таки вытащить свое изломанное тело обратно — по миллиметру, шаг за шагом, день за днем — и сумел подняться, переломить свою судьбу. Мы хотим, чтобы вы ощутили ту часть «фантомной» боли, которую испытывают они, чтобы вы вскрыли корку на своих душах и оглянулись вокруг, оценили свою жизнь.

Расскажем и о тех, кто сил в себе не нашел. Кто не смог, не сумел, отчаялся, сдался. Мы должны помнить всех.

Самый легкий день был вчера... Эту формулу можно применить ко всем бывшим солдатам. Рубеж, после которого борьба за жизнь только начинается.

Также мы хотим обратиться ко всем, кто держит сейчас в руках наш альманах. Наше прошлое замыливается. Давайте не дадим ему пропасть. Не оставайтесь в стороне — присылайте нам свои фотографии, письма, рассказы, воспоминания. Мы хотим, чтобы каждый по мере своих сил принимал участие в выпуске альманаха. Поверьте — мы отвечаем всем. И мы постараемся опубликовать большинство работ. Потому что каждый, кто прошел войну, должен оставить след о себе и после нее. Помните, если вы не расскажете о том, или ином событии, участником которого были, об этом не расскажет никто. Какой памятью будет начинена обойма истории — трассерами, броневойными или вареными пустышками — зависит только от нас. Ведь историю делаем мы сами.

Первый номер показал, что Альманах пользуется спросом. После начального тиража в 500 экземпляров мы допечатали еще 500, которые тоже разошлись «на ура». В редакцию потянулся тонкий пока еще ручеек писем с творчеством ветеранов и вопросами по содержанию. Нас просят прояснить название двух рубрик: «По периметру» и «Прямое попадание». В первой рубрике мы размещаем произведения о всех войнах и конфликтах происходящих на территории бывшего СССР, т.е. по периметру современной Российской Федерации. В «Прямое попадание» мы включаем интересные с нашей точки зрения высказывания авторов и читателей с нашего сайта. После первого номера мы также решили открыть рубрику «Москва-400», в которой будем размещать письма, приходящие на наш адрес.

Спасибо всем, кто помогает нам делать Альманах, и всем неравнодушным людям.

Читайте.

Содержание



От редакции 1

А ИХ НЕ СЛЫШНО В ЭТОЙ СУЕТЕ

Павел Андреев
«Самый легкий день был вчера» 4

Сергей Скрипаль, Геннадий Рытченко
«Невдалый» 6

Александр Арасланов
«Тамагучи» 9

Александр Хмурый
«Подвиг» 14

Игорь Негорюй
«Малыш и Карлсон» 21

СУДЬБА

Валерий Горбань
«Новая победа Дмитрия Матвеева» 26

АФГАНИСТАН

Артем Шейнин
«Корка» 30

ЧЕЧНЯ

Виталий Скворцов
«Шрам» 33

ПО ПЕРИМЕТРУ

Барбудос
«Васико» 39

ЮГОСЛАВИЯ

Илья Плеханов
«Нови Варош» 42

ВНЕ ЗОНЫ ВИДИМОСТИ

Михаил Кантария
«Закат в дебрях буша» 46

ИНТЕРВЬЮ

Альберт Зарипов
«Никто не поможет, кроме себя самого» 54

Беседовал Илья Плеханов

ПЕРЕВОД

Джеймс Хейден
«Адреналин» 58

Перевод Марты Малиновской

Содержание

БАЙКИ

Владислав Шурыгин
«Попал в десант — гордись, не попал — радуйся!» 61

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Зульфат Закиров
«Мы пили с Масхадовым чай» 62

ПАМЯТНИКИ

Мемориал погибшим в локальных войнах XX века в Уфе 63

ПОЭЗИЯ

Андрей Шкарин
«Третий тост...» 64

Александр Колесников
«Я не был там» 64

Сергей Школьников
«А ты шел когда-нибудь» 65

Алексей Муратов
«Ссэр» 65

ПРЯМОЕ ПОПАДАНИЕ

«К смерти нужно относиться уважительно. Соприкасаясь с ней, очень сложно не перешагнуть грань и не скатиться в черноту. Ведь чаще всего смерть выглядит неприглядно. А в наше время в мир и так выплескивается слишком много негатива. Цинизм стал явлением обыденным и давно никого уже не шокирует» 66

МОСКВА - 400

Письма в редакцию 68

РЕЦЕНЗИИ

Алексей Новоточинов
Рецензия на книгу Юрия Перфильева
«Террор. Бейрут — жаркий октябрь» 69

ВНЕ РУБРИК

«Молчание командиров» 72



А их и не слышно в этой суете



Павел Андреев

Сержант. Участвовал: Афганистан. 81-83 Кандагар

<http://artofwar.ru/a/afgan/>

САМЫЙ ЛЕГКИЙ ДЕНЬ БЫЛ ВЧЕРА

Над ним белел куполообразный потолок. Голова гудела, создавая в теле непонятную вибрацию, которая импульсами уходила в ноги, возвращаясь нестерпимой болью. Он судорожно приподнялся на локтях. Очередной приступ боли откинул его голову на подушку, но даже это не смогло заглушить поток чувств, нахлынувших после увиденного.

Его поразило не столько отсутствие ног, сколько издевательски четко набитые канты на солдатском одеяле, заправленном на его кровати. Укладывая его обрезанное, порванное осколками тело, одеяло откинули ровно на столько, на сколько требовалось, чтобы прикрыть обрубок, а там, ниже места, где когда-то были колени, оно лежало нетронутым, сохранив следы хорошо обученной солдатской руки. Нетронутость одеяла вызывающе демонстрировала безразличие окружающих к происшедшему — он теперь занимал чуть больше половины того, что ему было положено на кровати. Граница этой действительности проходила по его кровотокающим культям. Раньше — и теперь.

Ныли несуществующие, ампутированные ноги. Дырки в руке и животе не волновали его. В контуженной голове пульсировала одна единственная мысль — «Живой, зачем живой?» Эти две жизни — до того и после того — пересекались в его сознании хаосом цветного калейдоскопа с осколками событий и людей. Все, что было в нем, — знания, навыки, чувства — перевернула та мина. Он почти физически ощущал свое присутствие в воронке, что образовалась тогда при взрыве. Время, которое, как утверждают, лечит, почему-то отказывало ему в помощи в борьбе против сознания, снова и снова затягивавшего его в ту воронку. Жизнь, словно вода в горном ручье, обтекала его, песчинку, упавшую в песочных часах судьбы, — все, чему суждено было случиться, уже случилось, оставалось

лишь ждать, когда судьба в который уже раз перевернет их. Опыт выживания, приобретенный там, до воронки, подсказывал ему простые истины на основе фактов, извлекаемых из прошлого. Так, медленно, они выстраивались в фундамент пирамиды его нового сознания.

Рука судьбы жестко вела его, подчеркивая однократность, непоправимость и невозвратимость происходящего. Как разгадать случайность-неслучайность того или иного факта? Как при помощи анализа найти выход к разумному и доброму из кучи событий, толкающих тебя к гибели? Где граница между свершающимся и возможностью? Как реализовать возможность достижения истины, связав причины и действия? Как обмануть судьбу?

Чтобы узнать — необходимо время.

Чтобы стать — необходимо именно это время.

...«Будешь жить по Уставу — завоеешь честь и славу!» Плакат висел на стене, напротив его койки. Он засыпал и просыпался, читая этот лозунг. Было очередное ночное построение. Отжимания, качание пресса, гладиаторские бои и, как несбыточная мечта, отбой. Окончательно ошалев от усталости, уже не мечтая о возможности выспаться, он стоял и смотрел перед собой на проклятый плакат с лозунгом.

«О чем задумался, череп?» — спросил сержанта вернул его в казарму. «Будешь жить по Уставу — завоеешь честь и славу!» — прокричал он в ответ. Сержант смотрел ему в глаза, качаясь с пятки на носок. «Делать то, что тебя заставляют делать, легче всего. Труднее делать то, что положено делать, невзирая на обстоятельства. Поэтому запомните простое правило,



череп: «Знать и не действовать — это все равно, что не знать! Ты можешь не знать, но ты обязан быстро учиться! Поэтому не думай об этом, а делай это!» — сержант был явно доволен такой концовкой. «Отбой, череп!» — раздалась долгожданная команда.

Чтобы получить сержантское знание, надо прожить жизнь от курсанта до сержанта. Нужно учиться ставить и решать задачи. Нужно познать, на что ты способен. Нужно постоянно усваивать новое. Иначе не стать сильным. Как только эти силы приобретены, появляются и возможности использовать их...

До конца начала оставалось еще три месяца...

Если видишь, что борьба бесполезна, — сражайся с удвоенной силой.

...То, что он увидел, когда они все же прорвались к окруженным, запомнилось на всю жизнь.

Сменяя друг друга, восемь человек долбили основание дувала, отделяющего их от раненного в бедро товарища, упавшего со стены на другую сторону. Духи отсекали их огнем, не давая шансов перелезть через дувал — двое рискнувших были уже ранены. Группа перекидывала раненому сумки с магазинами к автомату, гранаты. Огнем АГСа пыталась поддерживать товарища, отстреливающегося от приближавшихся к нему духов. Ребя-

та долбили окаменевшую глину стены всем, что было у них под рукой. Он поразился, увидев, какую работу они смогли проделать почти голыми руками, умудрившись буквально прогрызть дувал насквозь.

Когда дыра в основании дувала была почти пробита, их товарищ получил еще одно ранение в правое плечо. Истекая кровью, теряя сознание от нестерпимой боли, он не выдержал напряжения и взорвал себя гранатой. Духи, видя бесполезность своей попытки взять его живым, отошли.

А они все добивали эту дыру, зная, что его уже нет в живых. Их товарищ не додержался ровно восемь минут. Спустя пять минут после взрыва гранаты духи пробили дыру в дувале. Еще через пять минут к ним пробилась другая группа.

И вот сейчас, не скрывая своих эмоций, двое из последней смены, пробившихся к другу, плакали как дети, размазывая слезы по покрытым толстым слоем пыли лицам. Тело их товарища лежало перед ними. Они все же протащили его в эту чертову дыру, не признавая бессмысленности совершаемого...

Лежа на госпитальной койке, он начинал понимать, что время наступления смерти целиком зависит от того, как и когда была поражена жизненно важная сила человека. Он видел, как порой тяжелая травма может убить человека мгновенно, тогда как другие, менее опасные физические атаки вызывали слабоумие, потерю самообладания, дезорганизацию воли. «Жить, жить и жить — это должно стать единственным и непреклонным решением», — так он понял тогда смысл происшедшего.

...«Главное сейчас для тебя — научиться жить без ног», — хирург ободряюще хлопнул его по плечу на перевязке, когда бинты были сняты и легкие окончательно устали от крика. Огромная страна не смогла выделить совсем небольшие средства для того, чтобы развивать социальную реабилитацию — и вовсе не потому, что этих средств не было. Чего стоили пешки в большой шахматной игре по реализации чьих-то государственных амбиций?

«Ограничение манипуляций» меняет человека на корню. Увы, порой не в лучшую сторону. А раздавая калякам подачки в виде так называемых «льгот», лишив их способов реализации собственных возможностей и це-

лей, можно обрести прекрасную возможность манипулировать людьми. Цель всегда неотделима от инструмента ее достижения: каждой цели соответствует свой инструмент.

У него была теперь одна цель, был единственный инструмент для ее достижения — его протезы, как символ человеческой боли и терпения. Он понимал, что его жизнь — это много-много дней, которые боль превратит в бесконечность. Когда земля уходит из-под ног — прыгай дальше. Если не знаешь, что делать, — делай шаг вперед. Война план покажет, главное ввязаться в драку, а там будет видно. «Рыба тактически выигрывает, ощущая вкус червяка, но стратегически проигрывает, оказавшись на крючке». Хокку, поэзия. «Никогда не вступай в навязанную тебе противником схватку — лучше вовремя отступить, чем позже перешагивать через собственный труп», — проза жизни.

Самый легкий день

Белые стены, белые простыни. Покой и тишина. Об этом он мечтал все время службы. Сейчас это воспринималось совсем иначе. Рядом сидел комбат. Пришедший с ним замполит роты принес новую парадку, тельник, берет, знаки, два РД, набитые кандагарскими гранатами, инжиром, яблоками, голландским лимоном «Си-Си».



«Вот здесь в пакете 500 чек. Это тебе от батальона, на первое время», — комбат положил на подушку простой солдатский конверт. «Чем будешь заниматься на дембеле, сынок?» — спросил комбат. Стараясь выглядеть бодрым, он ничего другого не придумал, как ответить: «Буду табуретки делать и на базаре продавать».

Жгучая боль в культях ударила в контуженную голову — комбат резким движением поднял его за простыню, обернутую вокруг его обрезанного тела: «Узнаю, что ты чмонеешь на гражданке как хлястик, сержант, — лично приеду и урэкаю тебя, понял? Запомни, сынок, самый легкий день был вчера! Война для тебя только начинается...»

Утром должен был быть самолет. Братва из роты уже затарила его, конкретно нашпиговав повязки на животе и руке пятаками чарза для подогрева кандагарских «рексов» в госпиталях Союза. Только что ушли его комбат с замполитом.

Он еще до конца не осознал занимаемого им положения, продолжая воспринимать мир через призму старых, не разрушенных новой действительностью, ощущений. Болели несуществующие ноги. Дырки в руке и животе не тревожили его. В контуженной голове пульсировала одна единственная мысль.

Самый легкий день был вчера...

1998 г.

А их и не слышно в этой суете



Сергей Скрипаль

Рядовой. Участвовал: Афганистан
http://artofwar.ru/s/skripalx_s_w/

НЕВДАЛЫЙ (Глава из повести «Контингент»)

Задиристый, белобрысый, маленького роста Игорь был первым забиякой и драчуном во всей школе. Стонали учителя, завуч, директор, побитые и униженные ученики. Усталая мать Матрена Карповна, старая, седая, неграмотная уборщица в школе только и слышала от педагогических работников: «А ваш...», «А Игорь...», при этом она съезживалась, становилась еще меньше ростом и худенькой ладошкой прикладывалась к сердцу. Директор беспомощно разводил руками. В колонию — мал. Да и драки обычные, мальчишеские, не уголовного характера. Считались с тем, что мать растит Игоря одна, да и уборщицы в дефиците. Тем более, что Матрена Карповна, чтобы хоть как-то реабилитировать себя и своего сына, со все большим старанием наводила порядок в школьных туалетах и коридорах, натирая до блеска старые стены и битый кафель с раннего утра до поздней ночи.

Дома Игорь получал нагоняй. Мать, пряча раздрыганные ботинки в шкаф, наказывала домашним арестом и горько вздыхала, хватаясь за больное сердце: «Невдалый, был бы отец, ужо всыпал бы ума через задницу. Сладу с тобой никакого! Вот вышибут из школы дурака, куда пойдешь?!» — и тихонько плакала при этом.

— А чо? В ПТУ, пойду, ясное дело, — зыряка исподлобья глазами, огрызнулся Игорь.

Дождался того момента, когда мать уйдет на кухню или на рынок за жалкими продуктами, своим, давно уже подобранным ключом открывая шкаф, доставал ботинки и мчался на улицу к друзьям, с которыми и покурить, и подраться, и денег у киношники «Октябрь» у тех, кто потрусилей, натрясти.

В ПТУ.... Как светлого дня ждали, когда закончит он восьмой класс. Все сделали для того, чтобы не остался в девятом, к тому же и на второй

год оставался дважды: в пятом и седьмом.

На одногодичном обучении в ПТУ Игорь развернулся во всей полноте своей натуры. Теперь уже стонали мастера, весь курс, район, в котором находилось ПТУ, и появилась непременная спутница — финка в рукаве засаленного пиджака. Игорь изменил внешность: оброс длинными волосами, стал носить широченные клеши, украшенные по вырезам разноцветными маленькими лампочками, включающимися вечером от батарейки в кармане. Стал выпивать — когда сколько. «Под настроение, — как он сам говорил. — А чо?».

Однажды случилась страшная драка с соседним ПТУ.

...До суда дело не дошло. Военный комиссар в разговоре со следователем пообещал через неделю забрать пацана по призыву и посодействовать тому, чтобы попал Игорь в самую горячую точку...

— Невдалый, — горько плакала Матрена Карповна. — Не посадили, так ведь убьют дурака-то, достукался, дубина!.. — и нежно гладила сухими пальцами затылок с непокорными коротко остриженными волосами.

— А чо! — вскидывался Игорь. — И в тюрьме люди сидят. А в Афгане дак вообще — орден зарабатую, в люди выбьюсь, небось, все и простят.

...Связанному Игорю не выкололи глаза. Он видел, как духи, радостно гогоча, под-

Геннадий Рытченко

Не военнообязанный



бдравили выкриками молодого, лет шестнадцати, мальчишку, когда он отрезал Шурке Сычеву половой орган и ему же, еще живому, засовывал его в разжатый тем же кинжалом рот, полный крови и каши из битых зубов. Потом самый старший из банды, взявшей в тяжелом бою блокпост, притащил ржавую двуручную пилу, перепилившую многие кубы сушиняка и досок в зимние холода, что согревали наших солдат, вырываясь ясными языками огня из тесной буржуйки.

— Сожгут, суки! — подумалось Игорю, — Вот шас, дров напилят и сожгут к ... матери, — и прикрыл истерзанные увиденным глаза.



Но нет, не собирались духи ни пить, ни тратить столь драгоценное для Афганистана топливо. Они, начиная с линии ягодиц, распилили на две части извивающегося под навалившимися на него горячими вражескими телами Гришу Скобина. Стонали мученической смертью погибавшие ребята, потихоньку с ума сходил все видевший, крепко связанный за локти, обгавдившийся от ужаса Игорь.

Из обрывочных знаний афганского языка да по ломаному русскому догадывался Игорь сквозь горячечный красный гул, что обращается этот гадский голос к нему:

— Смотри, шурави, смотри внимательно, расскажешь, что видел. Аллах тебя выбрал, живой останешься, всем расскажешь, что видел. Скажи, чтобы убирались с нашей земли, другим — страшнее смерть сделаем. Не мы, так наши дети! — и духи при этом, горделиво цокая языками, тыкали пальцами в молодого парня, чудовищно окровавленного, с широкой улыбкой. На груди молодого духа висело два ожерелья. Одно цветного бисера, видимо, надето на шею матерью «На удачу, бей неверных!» — другое... другое... На другом были наизнаны, как сухие грибы, уши. Человеческие уши. И не было секрета чьи, потому что в ожерелье тут же были добавлены новые, сочащиеся кровавыми бисеринками.

Ярко взметнулся разрыв за близким дувалом, как раз тогда, когда Игорь нащупал за спиной у края бетона блокпоста невесть откуда попавшую туда гранату и сжал ее слабой обескровленной рукой.

Вдалеке уже раздавалось раздраженное тарактенье «вертушек», запоздало пришедших на помощь вырезанному блокпосту в приграничье с Пакистаном кишлячке. Мощно рвались на окраинах погибающего селения первые снаряды — НУРСы, когда молодой душман наклонился над Игорем, разрывая на нем штаны для бесчестия мужского, для надругательства. Ярко взметнулся разрыв за близким дувалом, как раз тогда, когда Игорь нащупал за спиной у края бетона блокпоста невесть откуда попавшую туда гранату и сжал ее слабой обескровленной рукой. Дух, торопясь завершить дело, чтобы успеть за уходившими старшими товарищами, наклонился опять над Игорем, и цветной бисер и сухие ракови-

ны ушей ткнулись солдату в лицо, и, резко развернувшись всем телом на месте, ударил Игорь слабой рукой с гранатой прямо в висок афганскому мальчишке, разом обмякшему и обнявшему шурави. Игорь еще успел дернуть кольцо и швырнуть в спины духов, но подвела неловкость стянутых локтей, да мешавшее тело то ли убитого, то ли без сознания лежавшего на нем. Упала спасительная граната рядом с ногами Игоря... Взрыв... Забыть...

Обе ноги и левую руку отняли в госпитале. Долго проходил курс реабилитации и привыкания к новому способу передвижения — на красивом, блестящем никелем кресле с маленьким электрическим моторчиком, включая пальцами рычажки на правом подлокотнике из мягкой кожи.

Чин чином доставили к матери, наградили обещанным орденом Красной Звезды за солдатский подвиг и... забыли. Да ладно только о нем, об Игоре, забыли. Наверное, в спешке забыли оставить ему то замечательное заграничное чудо с блестящими колесами. Теперь Игорь передвигался на тележке, что притащила соседка — тетка Марья, раньше отчаянно ругавшая соседского мальчишку за его проделки и проказы. Теперь же она, потихонечку причитавшая и плачущая, достала из глубин кладовки и притащила наследство, оставшееся от мужа, забулдыги и пьяницы, же-

Невдалый



— Вы... Вас... Долг, вашу мать...

И приглашения прекратились, тем более что в последний раз в школе Игорь запустил в портрет Горбачева «утюжком», прорвав его наискосок, чем вызвал неслыханный переполох в маленьком городке и скандал в райкоме своими словами, обращенными к очередному генсеку:

— Может быть, и ты меня туда не посылаешь?..

Металась почерневшая от горя мать, выручающая, забирающая сына из вытрезвителя:

— Невдалый, опять дел натворил...

— А чо! Я ветеран, заслужил!

Игорь опускался и спивался.

Тихо сидя на своей тележке, ждал в углу пивной, пока оставят на столах недопитые кружки, подкатывал ловко к столикам и сливал недопитки в одну. Бывало, какой жальчивый мужик наливал стакан портухи, бывало, и водка перепала. Насосавшись, вкривь и вкось, словом «неприлично», как он сам называл свою пьяную «походку», катился Игорь по тротуару и громким треснувшим голосом орал:

— На два отрезка разрезал жизнь мою холодной острой бритвой Гиндукуш..., — или еще чаще:

— Батальонная разведка, мы без дел скучаем редко,

Что ни день, то снова поиск, снова бо-о-о-о-й...

Его не трогали — калека. Лишь сочувственно смотрели влед. Дома мать отстегивала его бесчувственное тело, легко поднимала укороченного

А их и не слышно в этой суете

своего ребенка и, плача, укачивала его на коленях, сидя на старой металлической кровати.

Вызывающий отвращение и брезгливость видом и запахом Игорь перекочевал на железнодорожный вокзал. Собирал бутылки, опять же допивал из них, сдавал приемщику со служебного входа, для скорости не по двенадцать, а по десять копеек, покупал дешевое вино и напивался, глуша, заливая страшную, не утихающую боль души, притупляя картину пыток, сотворенных над его товарищами и над ним, вечно стоящую перед глазами.

Если день был удачным, хмель притуплял, глушил воспоминания. Если охмелеть не удавалось, Игорь не покидал вокзал, пока не получалось «настрелять», выпросить мелочи на «бормотуху».

...Из подошедшей электрички вывалила «компаха» и, брякая награбленными в ночных вагонах медяками, цепочками и заклепками на кожаных штанах и куртках, направилась к зданию вокзала. Парни были не местные, и для них это было развлечением, полнотой жизни, удалством и ухарством. Молодые, лет по пятнадцать-шестнадцать, с волосами-гребнями на прыщавых выбритых головах, они никого и ничего не боялись — уверенная в своей силе стая шакалов, которая иногда нападает на льва.

Для Игоря день был неудачным. До самой ночи не удалось захмелеть. Так, жалкие полстакана «Осеннего сада» обломались у Сереги-грузчика. И покатила Игорь навстречу приехавшим парням.

— Эй, молодые! — крикнул он, торопясь догнать уходивших в вокзал парней. — Да погодите, пацаны! — еще громче закричал Игорь.

Они обернулись удивленно и, радостно гогоча, кольцом обступили сидящего на тележке Игоря.

— Гля! — радостно заорал один из них. — Обрубок! — повел глазами на друзей, чувствуют ли весь юмор ситуации. — Он еще и говорить умеет!

Компания заржала. Затлели огоньки папирос, по обезлюдевшему перрону потянулся приторный запах анаши. Игорь жадно сглотнул слюну:

— Пацаны, дайте «косячок», так, «догнаться» разочек по старой памяти! — сквозь пропитое сознание рвалась гордость, но давило его ожидание возможного скорого кайфа.

— Пош-ш-шел ты! — надвинулся на него главарь компании. — Кто тут тебе молодой, а?! Где ты тут, обрубок вонючий, пацанов увидел?

На допросе у следователя парни, подрастерявшие гонор, дали показания, где, как, каким образом раздобыли бензин. Фотографии заживо сожженного Игоря, подвешенного проволокой через толстую ветку огромного тополя в привокзальной лесополосе за целевизующую руку, произвели на них сильное впечатление.

Глубоко затынулся из «штакетины» главарь и, нагнувшись, выпустив струйку маслянистого дыма прямо в лицо Игоря, уже спокойным, но с глубоким глумлением в голосе спросил:

— Мослы-то свои где кинул?

— Там, где ты, ссыкун, был бы тише воды, ниже травы, — все же выплеснула ярость инвалида.

— Ссыкун, говоришь? Может быть, ты и прав.

— Во, дает! — зашлась в кривляющемся хохоте компания. — А ну, Дюдя, опохмели его!

Главарь ухмыльнулся, не торопясь выпрямился, расстегнул молнию кожаных обтягивающих штанов, и Игорь почувствовал, не сразу поняв, что в лицо бьет вялая струя мерзкой мочи, норовя попасть ему в сжатые губы, в глаза.

— Га-га-га! — разнеслось радостно по ночному перрону.

— Вот ты и «догнался», обрубок! — глумилась кодла.

— Не борзей, урод, вежливо разговаривать с людьми надо. Чо, мама не учила, что ли?! А то ссыкун, ссыкун...

Главарь, застегнув ширинку, наклонился к Игорю и негромко сказал:

— А теперь вали отсюда, козлина, если вообще когда-нибудь «догнаться» хочешь.

На доли секунды яркой ослепляющей вспышкой, осветившей небольшую площадку в афганских горах, со зверски замученными офицерами и солдатами блокпоста, с твердым шероховатым бетоном под спиной, с ребристой гранатой, зажатой в слабой ладони, полыхнуло Игорю в глаза свесившееся с шеи главаря бисерное ожерелье, повешенное на его шею «для понта», черт его знает, чьей сучьей рукой... На доли секунды... Но этого хватило для того, чтобы Игорь увесистым новеньким «утюжком» сильно двинул подонка в висок.

На допросе у следователя парни, подрастерявшие гонор, дали показан

ния, где, как, каким образом раздобыли бензин. Фотографии заживо сожженного Игоря, подвешенного проволокой через толстую ветку огромного тополя в привокзальной лесополосе за целевизующую руку, произвели на них сильное впечатление. И все же основную часть вины они пытались переложить на мертвого главаря Дюдю, анашу, неприязнь к бродягам нищим и постоянно подчеркивали свое несовершеннолетие. Когда следователь пытался вызвать в них хоть какие-то человеческие чувства и сказал, что Игорь был искалечен на афганской войне, один из кодлы как-то буднично сказал то, что частенько слышал от других:

— А чо! Мы его туда не послали!

...Пронзительно-хриплыми волнами плыл над городом голос Розенбаума:

— В Афганистане, в «Черном тюльпане»...

Под скорбное сопровождение тех слов несли короткое изуродованное Афганом и кодлой тело воина-интернационалиста Игоря Мухина в маленьком, несерьезном каком-то, закрытом гробу. Перед гробом несли несколько алых подушечек с наградами, а за гробом, еле передвигая ноги, вцепившись друг в друга птичьими с синими венами руками, шли две пожилые женщины — мать, Матрена Карповна, и соседка, тетка Марья...



Александр Арасланов

Участвовал: Афганистан

http://artofwar.ru/a/araslanow_a_a/

ТАМАГУЧИ

Слава с трудом, медленно, как сильно невыспавшийся, уставший человек, открывал глаза, шурясь от режущего до боли в затылке света и злясь неизвестно на что, не понимая, почему нужно просыпаться, если так хочется спать... Усталость ломала все тело, к тому же он ужасно неудобно лежал и страшно хотел перевернуться, но нужно было сначала проснуться. И даже открыв глаза, он долгое время ничего не видел. Ломило тело, болела голова, и что-то ярко светило в глаза. Немного привыкнув к этому яркому свету, он начал различать предметы вокруг. С удивлением обнаружил себя в какой-то комнате; из окна нещадно било в глаза солнце, мешая рассмотреть незнакомую обстановку. Спустя несколько минут, он уже четко видел почти все, но по-прежнему не мог понять, где находится. Широкая кровать, чистые, свежие простыни, какие-то странной расцветки обои на потолке... Попытался вспомнить, что было вчера, и не мог... Он редко пугался в этой жизни, но сейчас ему было явно не по себе: он не помнил, где и что было вчера... Оглядываясь вокруг и постепенно оценивая окружающее, он как бы нырял к себе в сознание все глубже и глубже, но ничего не понимал. Ответа не было даже на такой простой вопрос, как «кто я?», а не только «где я?»... Слава старательно напрягал и напрягал память, но ничего не менялось: ответов не было. Наверное, все-таки на это ушло не так много времени, потому что уже в следующий момент он был поражен еще одним открытием, таким же новым для себя: ему захотелось встать, если точнее, то вскочить, конечно, потому что он всегда так делал утром. Но, рванувшись, он вдруг понял, что даже не шевельнул головой на свой «рывок». Это ужаснуло! Ведь ничего плохого в себе не ощущалось! Уже не болела голова, не ломило тело, даже лежать уже бы-

ло совсем не неудобно. Но... он себе не подчинялся... Окружавшую его тщетные попытки что-либо понять тишину сломали шаги и звук открывающейся двери. Слава успел обрадоваться, что хоть видит и слышит, как увидел вошедшую в комнату женщину. Она шла к его кровати с выражением ликующего счастья на лице и говорила что-то, но он не слушал что... Он силился понять: «Кто она?» А она уже обнимала и целовала его, приговаривая: «Славочка, родной, наконец-то! Я знала, я верила!» — и, говоря все это, дотрагивалась до его лица, волос, плеч и груди, а он с какой-то странной радостью отмечал себе: «Так, лицо... плечи... руки... грудь... Я все чувствую, значит, это просто болезнь! Я болен! Я еще просто слаб от этой болезни и поэтому ничего не помню и не могу встать... пока...» И сознание порадовало его немедленным открытием: «Это... моя... жена... !!!! Конечно, жена! Марина!!!» Он уже ликовал и счастлив

был за себя, что он ВСЕ! помнит. И от радости громко, как ему показалось, позвал: «Марина... Марина! Марина!» — и тут же услышал, что получилось только тихое и нечленораздельное мычание. Губы не слушались, точнее, кривилась изо всех сил только верхняя губа, а нижняя была совсем не своя. Как при наркозе... Ну да, конечно, подумал он тут же: это последствия наркоза. Наверно, была операция: он чувствовал, что чем-то был сильно болен. Жена, услышав его мычание, не смогла скрыть испуг, но вовремя справилась, и Слава этого не заметил. А на его вопросительный взгляд вдруг начала, сама того не замечая, рассказывать ему все, что было до того, забыв обо всех договоренностях с врачами и свекровью «не травмировать психику». Слава слушал ее и тихо сходил с ума. Точнее, конечно, оставался вполне в своем уме с точки зрения медицины, по крайней мере, но мозг отказывался верить в то, что он слы-



А их и не слышно в этой суете

шал. Это было тем более дико, что женщина, любившая его без ума и отдавшая ему все свое время, терпение и здоровье, сбивчиво рассказывала ему о двух годах ожидания его с войны, а затем о целых полутора годах его беспамьяства и лечения, а он не помнил НИЧЕГО!

Слава не помнил, конечно, как его с раздробленными осколками РСА ногами, сломанным позвоночником и пробитым о бронированный борт БТРа черепом, доставили вертолетом в Кабул. Не знал и о том, сколько операций ему довелось пережить... Но вполне достаточно было и того, что узнал: ВСЕГО полтора года назад он был сильным, крепким и красивым молодым комбатом на той далекой и ненужной никому Афганской войне. И что теперь он инвалид, без ног, со сломанным позвоночником, без памяти, без возможности пошевелить хоть чем-нибудь из скудного остатка того, что было когда-то им. Наверное, только то, что Слава не помнил ничего о том, кем и каким он был, удержало его тогда от шока. Потому, что все-таки он немножко не верил в то, что слышал и, главное, не ощущал пока никаких таких «ужасных» вещей. Слово все это рассказывалось о ком-то другом, а он, отслеживая себя изнутри, как бы уговаривал себя: «Нет! Этого не может быть! Я просто болен и выздоравливаю уже... Я же чувствую себя ХОРОШО!» И действительно чувствовал себя, казалось, на все 100. Он не замечал пока ни неподвижности тела и рук, не ощущал еще отсутствия ног, ампутированных намного выше колена, не чувствовал потребности говорить, так как главное сейчас было — слушать. В общем, Славу ничто пока не заставило понять, что он инвалид. Настолько инвалид, что нормальному человеку трудно даже представить такое. Он слушал, как жена рассказывает ему о госпиталях, где его лечили, результатах операций, бесконечных ее дежурствах у его кровати в реанимациях и его таком долгом и ужасном для нее беспамьястве. Но она верила, что выходит его, верила, что он будет жить и... Она никогда не думала, что «и»... Она не хотела так далеко заглядывать, Марина хотела только увидеть его открытые глаза, услышать его голос. Она не знала еще, что и говорить он тоже не сможет никогда. Теперь ее радость мешалась с шокком: неужели Слава никогда не сможет говорить? Врачи вообще не гово-

рили ничего об этом. Ее предупреждали, что будет трудно, что он навсегда останется неподвижен, что он никогда не вспомнит многое из того, что было, и, может быть, даже не узнает ее... Но говорить?... Марина совершенно зациклилась на этой ужасной новости и не могла думать ни о чем другом. Рассказывала ему автоматически все события, произошедшие с ними за эти полтора года, а сама, не слыша себя, думала и думала только об одном: «Ну, за что мне это?! Почему он не говорит?!» Она опомнилась только тогда, когда поняла, что не должна была столько всего сразу ему говорить, когда увидела его неподвижные, сухие, смотрящие куда-то в потолок глаза. Она словно наткнулась на этот замерший в пустоте взгляд и испугалась, что с ним случилось что-то еще. Робко позвала его раз, потом снова и снова и, уже успев испугаться, заметила, что он все же отреагировал. Слава перевел взгляд на ее лицо, и Марина сразу заметила, как потеплели и повлажнели его глаза. Она судорожно бросилась успокаивать его, говорила какие-то бестолковые глупости, только бы отвлечь мужа и смягчить удар от своего необдуманного рассказа о том, чего он о себе не знал. У нее было ощущение, что он сейчас заплачет, покажет как-то лицо, какой это удар для него, но он смотрел на нее спокойным ровным взглядом человека, который просто устал и рад встрече, и абсолютно спокоен. Мелькнула даже мысль о том, что, может быть, он не все понимает? Марина тут же решила выяснить это. Попыталась наладить с ним систему разговора без слов с его стороны. Слава воспринимал все сразу и спокойно реагировал на ее вопросы, сам помогал ей, говоря «да» или «нет» глазами. Она испытывала странные чувства: рада была, что он, наконец, «ожил», и поверить не могла, что можно так просто и спокойно воспринять ТАКИЕ сообщения! Не понимала, как это оценить и что это означает для него и для нее? Это был совсем другой человек. Она не знала такого Славы! От него отдавало каким-то холодком машины, робота. Запутавшись совсем в оценках, она



устала сама и спросила Славу, не устал ли он, тут же заметив бисеринки пота на его висках, и сразу получила утвердительный ответ. Смешавшись от столь скорого ответа и сразу, поженски, отметив, что ее так быстро отвергают, она сделала вид, что направляет одеяло и, отвернувшись, чтобы он не видел слез на глазах, быстро вышла из комнаты.

А Слава лежал и чувствовал, как мучительно защемило и не отпускает сердце. Он никогда не знал, где находится этот человеческий орган, а теперь чувствовал каждый его клапан и желудочек, чувствовал, как оно еле шевелится, придавленное какой-то невозможной тяжестью. Нет!!! Нет!!! Тысячу раз уже он прокричал себе мысленно это «нет», но ничего не менялось. Он понимал, что это не сон, что все так, как она говорит, но в это невозможно было поверить. Подумал вдруг: «Это как уснуть, а проснуться мертвым...» Он даже не оценил абсурдности выдуманного им сравнения, просто поверил, что это может быть так. Уже не пытаясь вспомнить что-нибудь из прошлой жизни, собравшись, сказал себе: «Все! Стоп! Начнем сначала!» Глубоко вдохнул полной грудью и, медленно выдыхая воздух через сомкнутые губы, начал медитировать. Слава не помнил, чтобы его учили этому, просто знал, что может это делать и делал так же, как всегда. То есть он никогда не произносил мысленно никаких текстов, типа: «Я спокоен. Сердце бьется ровно...» и т.д. Как-то сразу, еще тогда, в той жизни, внушил себе, что это мура и обман, и неосознанно выбрал самый правильный способ — он просто мысленно пытался посмотреть на себя изнутри. Точнее, это было даже не так: он сначала концентрировал свое сознание в маленький теплый светя-

щийся шарик, который по его командам как бы медленно продвигался внутри его тела, и он, ощущая тепло именно там, где этот шарик находился, проверял каждую клеточку своего тела. По ощущению тепла точно знал, что это место его тела абсолютно расслаблено, а по каким-то одному ему понятным нюансам отражения этого тепла в шарик, определял, как там себя чувствует та или иная часть его организма. Ни тогда, ни сейчас его никто этому не учил, наверно, это он умел всегда. Совершенно отрешенно проверил руки, почувствовал, что они в порядке, то есть, все на месте, и, проверяя как обычно расслабленность мышц, вдруг понял, что они абсолютно отрелаксированы, но не им самим. Обычно при медитации с первого раза возникали какие-то проблемы в релаксации мышц рук: они никогда не хотели легко расслабляться. Сейчас, «рассматривая» их, он чувствовал, что с ними все хорошо, но не понимал, почему они не его. Он пошел дальше, проверил грудь, живот, перешел в ноги: везде было одно и то же. Ему не нужно было ничего расслаблять: ни к чему!.. Он начал смещаться по бедру вниз и тут немного запаниковал. Он не узнавал себя. Это были не его мышцы, не его ноги... Вдруг он «увидел», как его «закрутило» вниз бедра, и наткнулся на какой-то ярко светящийся и весь перемешанный в беспорядке пучок. «Культи!!!!!!» — в каком-то диком ужасе, вываливаясь мгновенно из состояния медитации, понял Слава. Голова гигантской качелью взлетела к потолку, сдвинулись и захоронили стены комнаты, и он опять увидел вспышку далекого взрыва...

Ноябрь 1987 года был теплым, спокойным и многообещающим месяцем для Вячеслава Аникеева. Впервые, ему только что исполнилось 33 года, возраст Иисуса Христа, вторых, оставалось каких-то 2-3 месяца до возвращения домой после очередных двух лет его войны в Афганистане, ну, и, наконец, в-третьих, за свои четыре Афганских года он, участник многих операций и тяжелых боев, ни разу не был ранен или контужен. Первые два года Афгана он провел в качестве командира взвода десанта в Кандагаре. Получил хороший боевой опыт, пару медалей на грудь и перспективу дальнейшего продвижения по службе. В Союзе (как тогда это называлось) быстро стал сначала командиром роты, за-

тем батальона и без задержек получил звание и капитана, и майора. Но три года, проведенные в спокойной мирной обстановке, накачали в нем такое желание бросить всю эту размеренную и скучную жизнь гарнизонного служака, что, даже женившись, наконец, он только утвердился в мысли, что предназначение воина — это воевать, если есть с кем, а не «бдиль службу» в тихом и скучном гарнизоне. Он подал рапорт на отправку в Афган, не посоветовавшись с молодой женой, и, довольно быстро получив положительный ответ, просто поставил ее в известность, что идет воевать. Марина, конечно, поплакала и, как любая жена, робко поинтересовалась, а нельзя ли не ездить, ведь они только начали жить. На что получила короткой, чисто «десантный» ответ: «Это приказ!» — не особо разъяснявший, чей приказ и почему именно ему. Но она чувствовала, что муж уже мысленно там. Он никогда не рассказывал ей об Афганистане, но ей всегда казалось, что Слава тоскует по тому времени и, хоть не говорит об этом, но все время вспоминает об этом сам... Так он попал сюда второй раз, прошел еще два долгих года войны и боев и теперь уже, наевшись этой войной, стремился только домой, к жене, отдохнуть и завести, наконец, детей... В ДРА намечался вывод войск, война заканчивалась, и десантный батальон Аникеева, только что вернувшийся с Кундузской операции, назначен был обеспечивать

выход колонн по дороге домой в районе Пули-Хумри. Жили в палатках недалеко от дороги и обеспечивали патрулирование и сопровождение длинных колонн наших войск в своем районе. В тот день они, как всегда утром, выехали на контроль блоков с начальником штаба на двух БТРах. С утра уже было тепло, хотя роса после ночи еще не высохла, и ехать было хорошо, так как свежий теплый ветер гор, не подмешанный мелкой и вредной афганской пылью, приятно обдувал лицо, и настроение просто играло. Они двигались к своим блокам у Саланга, самым дальним и наиболее часто обстреливаемым. Ожидалась очередная колонна, и они выполняли обычный приказ о проверке готовности батальона к обеспечению проводки на своем участке. Посты давно молчали о каких-либо происшествиях или обстрелах, и ничего не предвещало проблем на сегодня. Все было спокойно и на подходе к третьему блоку, самому дальнему, и самому ближнему к горам. БТР Аникеева шел первым, и он, подбрав к кладке блока, подождал, когда приблизится БТР начальника штаба, соскочил с борта своей машины, отключившись от выведенной на верх БТРа рации, и пошел навстречу подбегавшему бронетранспортеру, помахивая шлемом... Последнее, что он помнил, — это вспышка света впереди, боли не было...

Очнувшись и, наверно, отдохнув за это время от кошмарных открытий



А их и не слышно в этой суете

явившегося к нему бытия, Слава вновь продолжил опыты по исследованию своего тела. Даже пошутил мысленно сам с собой, что может быть это единственное «развлечение», которое у него осталось. Но теперь можно было спокойно оценить, что из всего этого можно еще заставить работать. Он проверил каждую мышцу лица, рук, ног. Особо стараясь прояснить себе ситуацию с «онемением» нижней губы и языка. Ему все еще казалось, что это последствие наркоза, потому что это было похоже на испытанную им когда-то местную анестезию. Слава не знал, что лежит дома уже 10 дней, в этой новой, полученной его женой для него, инвалида, двухкомнатной квартире. И что наркоза он не испытывал уже более месяца с момента последней операции. Он никак не мог «проникнуть» в мышцы нижней челюсти и языка. Челюсть управлялась абсолютно не по его командам. Слава силится открыть рот и никак не мог, а когда прекращал усилия, рот неожиданно открывался, причем каждый раз по-разному: то быстрее, то медленнее, то как-то в два приема, рывками. Он понимал, что управляет им, но не мог приспособиться. То же было и с языком. Правда, им он только «почти» управлял. Ощущение было такое, словно пытаешься рулить на велосипеде с помощью длинных, длинных «ходуль» на руках и ногах. То есть то, чем он управлял, было где-то далеко-далеко, а он как бы висел над ним и еле-еле «дотягивался»... Через некоторое время, Слава почувствовал, что устал и, закрыв глаза, снова увидел вспышку взрыва и мгновенно заснул.

Прошел месяц. И Слава, и Марина уже начали привыкать к сложив-



шему укладу жизни. Каждый решил для себя все вопросы в отношении того, что и как делать, и чего ожидать от такой «новой» жизни. Жить становилось все тяжелее экономически, Славиной пенсии, конечно же, не хватало ни на что, и Марине приходилось много работать. Она не роптала даже в душе, а как любая русская женщина, поняла, что это ее крест и решила терпеливо нести его всю оставшуюся жизнь. Слава за это время точно выяснил, что не сможет научить себя говорить и тем более двигать чем-либо. С трудом, но он преодолел эту страшную для себя истину и решил сейчас только одну проблему: стать как можно легче. В прошлом он был, конечно, не Шварценеггер, но ни ростом, ни мускулатурой обижен не был и первое время, даже в таком «усеченном» виде для жены был очень тяжел. Правда, за полтора года жизни на аппаратах и искусственном кормлении, конечно, сильно похудел. Тем не менее, от его ста девяти сантиметров и девяносто пяти килограммов осталось еще очень немало, и он старался всеми силами «помочь» жене таскать его каждый раз, такого большого, в ванну и из ванны. Целый месяц Слава старательно изучал свои теперешние возможности в медитации. Для него пока это было действительно единственным развлечением в жизни. Постепенно научился «удобно» существовать в своей «капсуле», как он в шутку мысленно именовал теперь свое тело. Управлять ему оставалось только своими чувствами, и он старательно осваивал эту науку. Он стал почему-то быстро уставать днем и существовал в бесконечном режиме «заснул-проснулся».

Решив отладить этот режим, Слава ежедневно «ползал» в поисках «винтика», отвечающего за сон по всему своему мозгу. Попутно много чего нашел: например, научился повышать и понижать температуру своего тела. Развивая далее свои новые способности (которые, если честно, он абсолютно не знал, как и куда применить), он понял,

что может регулировать кровоснабжение в некоторых участках тела. В те дни, без устали узнавая свои возможности, Слава «наткнулся» на «красный центр». Так он поначалу назвал то место в головном мозге, где обнаружил какое-то красное, как ему казалось, сгущение сосудов. Он долго «подходил» к нему, не зная, как с ним обойтись, боясь почему-то коснуться его при медитации, а когда все же коснулся, тут же переименовал его в «красную кнопку». По аналогии с Красной кнопкой в ядерном чемоданчике Президента. Его не смущали аналогии: он действительно чувствовал себя в капсуле не меньше чем Президентом. К тому же ведь это была «игра». Так вот, коснувшись ее в первый раз, Слава почувствовал, как резко замедлилась жизнь в его капсуле. Испугался сначала, но в ту же секунду понял, что изменил ритм сердца. Прислушался к себе — все работало как в полусне — и тут же «отпустил» кнопку. Все сразу восстановилось. Он успокоился, но пробовать больше не стал. Позже, отретпировав все варианты работы своей красной кнопки он научился замедлять в своих жизненных процессах, наверно, до уровня спящей в анабиозе лягушки. Ну, и, в конце концов, Слава нашел все-таки способ легко управлять и своим сном. И вот теперь он решал проблему стать легче. Ему казалось, что это смешная проблема. Смешная, потому что он помогал жене облегчить ее труд с помощью усыхания, хотя четко знал, что уж кости-то он все равно никуда не денет. И потому что понимал невозможность объяснить все ей, тем самым просто превращая ее физические страдания в моральные. Жена же никак не могла понять, почему он катастрофически худеет. А Слава делал это легко, совершенно не мучаясь, с помощью своей любимой красной кнопки. Кнопкой он пользовался теперь и вместо сна: двойное нажатие давало такое замедление ритма жизни, что он словно спал, хотя мог все и видеть, и слышать при этом, но главное — почти не потреблял никаких ресурсов организма. Усмехаясь в душе, он думал, что, может быть, попробовать научиться летать? Кажется это называлось «у них» левитация? Хотя, конечно же, это был бы полный бред. Однажды, пребывая в этом своем «лягушачьем» сне, он лежал с закрытыми глазами и не захотел почему-то отреагировать на вопрос жены: «Сла-

ва, ты спишь?» Она только пришла с работы вместе со своей мамой, которая иногда приходила к ним в гости. Как всегда в таких случаях (раз уж он спит), они прошли на кухню и стали потихоньку обсуждать свои проблемы. У Славы всегда был отличный слух, но в последнее время после болезни и операций, а, может быть, из-за его инвалидности слух еще более обострился. Он всегда четко слышал все, что жена делает или говорит на кухне, даже если говорит вполголоса. Но они говорили тогда только поначалу стараясь сдерживать повышенные тона, видимо, ругаться начали еще на улице. И тема была, в общем, обычной: «Зачем тебе этот инвалид?! Ты еще молодая... Никогда не будет детей, даже из детдома не взять, ведь он хуже ребенка! И т. д.» Он не прислушивался, хотя и слышал все, но никак не реагировал, просто привык уже к этому. Главное тогда было не то, что он категорически ненавистен теще, а то, что она сказала впервые, что у него удалена часть головного мозга. Объяснила она и почему: была проломлена и раскрошена затылочная кость черепа, и вместо нее стоит пластинка. В общем, тогда

Теперь он жадно поглощал новый для него мир. Оказывалось, столько всего случилось, пока он «отдыхал» по госпиталям. Страна оживала. Начиналась вся новая жизнь, незнакомая и оттого непонятная ему.

он узнал, что в госпитале предупредили, что с таким состоянием мозга долго не живут... А он собирался летать!!! Ему стало до смерти тоскливо и смешно одновременно, от того, что последнее время он только и делал, что узнавал, чего еще у него не хватает. Наверно, будь у него в то время возможность чем-то себя убить, сделал бы это, не задумываясь, в тот же момент. А на следующий день жена торжественно внесла ему в комнату стойку и телевизор. Телевизор был маленький, 34 см диагональ, но он крепился на специальной стойке для экранов мониторов и висел над кроватью как раз удобно для его глаз. Правда, он не мог им управлять, но это и не требовалось. Его просто включали с утра и выключали вечером перед сном, а смотрел он (пока не было жены) только первую программу. Он обрадовался, как ребенок, и, хотя внешне это никак не выражалось, внутренне Слава просто «скакал» от радости. Забыв все свои

проблемы с инвалидностью и «недостачей» некоторых частей тела. Действительно, было так тоскливо жить наедине с собой, да еще в полной неподвижности.

Теперь он жадно поглощал новый для него мир. Оказывалось, столько всего случилось, пока он «отдыхал» по госпиталям. Страна оживала. Начиналась вся новая жизнь, незнакомая и оттого непонятная ему. Слава старательно вникал во все, заломив новые термины, его интересовало все. В тот день утром впервые он узнал о Тамагучи. В сводках новостей, в самом конце, было маленькое сообщение, что в Японии, где так плотно заселены города, и проблема жилищности не позволяет большинству японцев держать домашних животных, изобрели новую компьютерную игрушку. Ее назвали Тамагучи. Он не знал, что



машнего животного — оно должно знать, как к нему относятся... Но Тамагучи это было все равно: на любовь или не любовь он реагировал очень просто — или жил, или умирал... Той ночью Славе приснился странный сон: он был Тамагучи. Но не тот смешной брелок, а маленький компьютерный шарик, который жил в его теле и реагировал на все команды извне. Он бегал внутри и закрывал и открывал глаза, замедлял или убыстрял сердце или включал слух... Старался всюю, потому что боялся, что его забудут, и он умрет. Проснулся Слава в отвратительном состоянии большой, детской какой-то, обиды. Он не понимал, на что был обижен, словно обиделся на весь свет и ни на что конкретно. Долго приходил в себя, пока не понял, что сон был вещим: он действительно стал Тамагучи. Домашнее животное, маленький бессловесный компьютер, его любили, конечно, но из-за него Марина выбивалась из последних сил. Права была теща: он не нужен Марине. Просто «так случилось», что он ей достался и теперь ей некуда деваться, а он, чурбан, брелок несчастный, до сих пор не мог этого понять! Зачем он тупо суетится в своей капсуле? Чего ждет? Впереди ничего нет: все, что было, уже прошло, будущее — это тюрьма собственного тела. Чистая и аккуратная, но тюрьма. И не только для него, но и для Марины тоже! Как он раньше не мог этого понять?!

Он закрыл глаза, привычно переместился внутрь своей капсулы и, впервые нарушив собственный запрет «не говорить слов во время медитации», произнес: «А ты молодец, Тамагучи!» А затем три раза аккуратно нажал на красную кнопку...

А их и не слышно в этой суете



Александр Хмурый

Майор. Участвовал: Чечня

http://artofwar.ru/h/hmuryj_a/

ПОДВИГ

В палату вошла строгая медсестра. Здесь, в военном госпитале, где женщины, мягко говоря, пресыщены мужским вниманием, они становятся строгими. Примерно так, как избалованные кошки, начинают фыркать даже на тех, на кого фыркать не рекомендуется. Скользя по больным холодным взглядом и наведя его на меня, она процедила:

— Товарищ военный, вам на инъекцию пора. Ждать лично вас никто не намерен.

Злость сквозила в каждом слове девушки.

— Да-да, спасибо, милочка, я уже поднимаю свои старые кости.

— Я уже не раз говорила вам, чтобы вы не называли меня милочкой!

— Я помню. Милочка.

Девушка сделала вид, как будто она разговаривает с глупой жабой и ушла.

— Сань, да отстань ты от нее.

Степан, командир танковой роты, получивший тяжелую травму руки при вполне мирных обстоятельствах, устало приподнялся с подушки.

— Степ, я все равно ее сделаю. Люблю наказывать злость и напыщенность.

Степа улыбнулся:

— На такие пустяки тратить время....

Что касается времени, то в госпитале я столкнулся с интересным чувством, когда организм, привыкший что-то делать, устает от предоставленной ему свободы. Кажется, лежи, отдыхай, но получается наоборот, усталость приходит от отдыха. Парадокс. В сложившихся обстоятельствах на ум приходят различные способы скрасить унылые больничные будни. О некоторых из них хорошо осведомлен начальник отделения гнойной хирургии, где лежат такие же, как и я, бедолаги. Причем, как ни странно, только половина получила свои раны в результате боевых действий. Остальные — исключительно по собствен-

ной, или их товарищей, безалаберности. Вот за такими несчастными, искалеченными и подраненными в результате воздействия человеческого фактора и ведет свое пристальное наблюдение начальник нашего отделения подполковник Толпаров. Но, несмотря на все его попытки пресечь экстремальные виды досуга, некоторые военнослужащие успешно обходят его козни и ловушки. Например, только два дня назад солдатик, расстрелянный собственным дежурным по части, который в темноте принял его за террориста из-за надетой «гражданки», не вняв уроку судьбы, вторично был атакован, на этот раз — местным патрулем. Отпетым борцам с кавказской угрозой показалось подозрительным сразу несколько вещей: во-первых, спортивный костюм зимой, во-вторых, бритая голова, в-третьих, среднеазиатская морда и, наконец, торчащие в разные стороны, трубки капельницы. В результате их активных мер по задержанию подозрительной личности парень получил еще и сотрясение мозга и успешно был доставлен в родные пенаты, т.е. назад в палату. И теперь мы все вместе, палата огнестрельщиков, весело обсуждали это происшествие.

— Джумабек, а нахрена ты в город-то пошел?

— Девушка хочу знакомиться. Девушка сильно хачу.

— Все хотят...

— А как ты из госпиталя-то выбрался, там ведь охрана из ментов?

— Три пачки сигарет, там, когда старшего нет — ребята могут пропустить.

Я заинтересовался.

— Джума, а когда там нет старшего наряда?

— А когда он уезжает на смену, около восьми вечера.

Я запомнил нужную информацию. Сегодня я ожидал приезд гостей. Из части должны приехать, навестить раненного воина. Таков порядок. Так-

же со мной еще не беседовали дяди с большими звездами. Порядок присутствует и в этом. При любом ЧП всегда ищут крайнего. Ребята весело ржали от пересказа очередных подробностей задержания Джумабека. Я неспешно встал с кровати, надел тапочки и решил пройтись, размять затекшее тело. Голова тут же начала кружиться, большая кровопотеря сразу не восстанавливается. Минуту подождав, я вышел в коридор. Злая медсестра сидела на посту. Я решил начать развлечение именно с нее.

— Вас, кажется, Наташа зовут?

— Когда кажется — нужно креститься.

— Почему вы такая злая?

— Я нормальная. Отстаньте, не мешайте работать.

— Эх, зря вы так... Может, я хотел предложить вам руку и сердце.

Я улыбнулся. Девушка медленно подняла на меня свои красивые черные глаза, сузила их и шипящим голосом произнесла:

— Пошел вон.

Никогда раньше не встречав такой отпор, я отошел несолоно хлебавши. Думая о перипетиях судьбы, я стоял и смотрел во двор. На залитом дождем асфальте прапор из продслужбы распекал солдатика. Два больных офицера сидели на лавочке в парке, пили водку. Они старательно маскировались под шахматистов. В воротах стояли армейские менты, военнослужащие срочной службы МВД. Да, охрана у нас серьезная, подумал я, вспомнив про Джумабека с его сигаретами. Мысли снова вернулись к медсестре, странная она все-таки. Вроде, молодая цветущая девушка, но столько злости, что в пору сравнить ее со старухой.

— Сюда без халата нельзя, что вы себе позволяете!

Послышался как раз ее нервный голосок. Я обернулся. В дверях стоял здоровый военный, что-то очень знакомое угадывалось в нем.

— Да я на минутку, девушка.

— Наденьте халат и скажите, к кому вы.

— К старшему лейтенанту Иванову.

Я услышал хорошо знакомый мне голос. Душа сразу возликовала.

— Кондрат!

— Хмурый! Ну, как ты?!

Мы обнялись. Пройдя мимо злой медички, спустились в фойе и продолжили наш приятный разговор там. Разговор двух старых друзей, чья дружба была проверена много раз. Друзей, которые считают, что дружба — это очень важное определение. Кондрат рассказал мне последние новости из части. Сказал, что мое ранение очень переживают мои ребята. Ждут меня и болезненно реагируют на любое неслестное замечание в мой адрес. До того болезненно, что один сержант даже сидит пятые сутки на губе. А капитан из соседней части ищет хорошего стоматолога. И еще много чего рассказал майор Кондратьев.

— Что это у вас дама такая злая?

— Да кто его знает.

— Хмурый, ты и еще не знаешь?! Уже третьи сутки тут паришься, а еще не разведал обстановку. Я тебя не узнаю!

Кондрат смеялся. Я тоже пошутил.

— Дайте срок, все будет в порядке.

Мы еще некоторое время поговорили, наконец, Кондрат засобирился.

— Ладно, Сань, мне пора, я тут по делам. Пойдем, я тебя провожу. Мы поднялись на второй этаж. Кондрат

пропустил меня в двери отделения, зашел сам.

— Ну, давай, выздоравливай!

— Разговаривайте потише!

Медичка снова вписалась в разговор присущим ей тоном.

— Ты почему такая злая, красавица? Такая симпатичная и такая злая, нехорошо. Вокруг столько настоящих мужиков. Радоваться нужно.

— Вы закончили посещение? Идите.

Кондрат нахмурился. Буркнул зло:

— Дура ты набитая.

— А ты алкаш в форме. Как водку жрать — так вы все мастера, а как...

Девушка не успела договорить, Кондрат рывком скинул халат, обнажив грудь в орденах, ступил на шаг к медичке.

— Да я тебя, потаскушку, в порошок сотру!!

— Кондрат, Кондрат, хорош!

Я встал между ними. Девушка часто заморгала, покраснела и убежала по направлению к кабинету начальника отделения.

— Вот теперь тебе действительно пора.

— Извини, Сань, так нехорошо получилось. Я убежал.

Кондрат быстрым шагом направился к выходу. Я вернулся в палату. Через пять минут к нам, широко открыв дверь, вошел начальник отделения.

— Так... Старший лейтенант Иванов, пройдите со мной в мой кабинет.

— Есть.

Сидя в кабинете напротив Толпарова, я не испытывал угрызений сове-

сти, поэтому смотрел ему в глаза совершенно спокойно.

— Лейтенант. Ваш посетитель нагрубил медперсоналу. Что вы можете сказать по этому поводу?

Мне почему-то не хотелось мстить девушке подобным образом. Я считал это не достойно мужчины, а исключительно женской прерогативой.

— Простите его, у него три контузии. Несдержанный человек. Больше такое не повторится.

— Я надеюсь. Вы тоже поймите меня правильно. Девушке сейчас очень тяжело. Вот она и срывается на всех.

— А что у нее случилось?

— У нее месяц назад погиб брат. У нее никого больше не осталось, родители умерли несколько лет назад.

— Ах, вот оно что... Я не знал, простите.

— А вы и не должны это знать. Идите.

Толпаров внимательно посмотрел мне в глаза и, как мне показалось, кивнул. Выйдя из кабинета, я по-новому взглянул на ситуацию. В таком случае девушка заслуживает не наказания, а понимания. А может, и помощи. Наташа сидела на посту, читала книгу. Я встал позади нее и молча смотрел на ее спину. Через несколько минут она первая не выдержала.

— Ну, и не надоело вам стоять?

— А я не только стою, я еще и смотрю.

— Идите к себе в палату, там и смотрите.

— Наташ, я хотел бы с вами поговорить, извиниться за друга.

— Не стоит.

— Ну... все равно извините.

Да, первая атака захлебнулась. Ладно, мы не из тех, кто так быстро отступает от цели.

В палате шла игра в карты. Причем, не на просто так. Проигравший бежит в город за сигаретами. Проигрывал, конечно, Джумабек. Это его судьба, помимо своей воли он всегда будет находиться в самом эпицентре всех мировых катаклизмов. Игра закончилась. Джума убежал исполнять проигрыш. Дверь приоткрылась, голос медички произнес ожидаемое всеми приглашение на ужин. Все ушли, я решил пропустить прием пищи. Также остался майор. Должность его была неизвестна, о себе он не говорил. И никогда не улыбался. Несколько минут стояла полная тишина. Вдруг майор тяжело вздохнул и заплакал.

— Майор, ты чего?



А их и не слышно в этой суете



Видимо, не ожидая, что в палате он не один, майор вздрогнул. Вытер глаза рукой.

- Ничего.
- Может, больно где?
- Нет, все нормально.
- Ну, смотри....

Я решил выйти, пусть поплачет. Если ему тяжело.

Тяжело тут было почти всем. Дух близкой смерти, обошедший на этот раз всех, кто тут лежал, все равно стоял в воздухе. Он никуда не ушел. Просто ему не повезло в этот час. Но он не собирался сдаваться. Он выжидал. И выбирал удобный случай. И иногда он торжествовал. Результатом его торжества были стоны матерей и седина отцов. Крики отчаяния сестер и скрип зубов братьев. А главное — рождалась злоба в сердцах всех этих людей. Злоба на все: на войну вообще, на чеченов в частности. На правительство. Иногда просто на окружающих. С этой злобой нужно было жить в обществе. Она постепенно распространялась, заражала всех вокруг. Мир изменялся под натиском ее. Иногда возникало такое чувство, что все эти войны и конфликты призваны служить одной цели. Эта цель была полная победа зла над всем мирозданием. Над разумом, над существованием жизни вообще. Тут, в госпитале, такие мысли приходили в голову особенно легко. Я представил, как убитый каким-то своим горем майор вдруг вторгнется в зону душевной боли медички. В результате этого может быть только обоюдное усиление злобы. Это плохо. А почему бы мне не помочь этим людям? Это в моих силах. Ведь только человек, переживший подоб-

ную боль, сможет понять другого, того, у кого душевная рана еще кровоточит. Сидя в курилке, я размышлял на эту тему, а веселый боец из соседней палаты что-то рассказывал мне, демонстрируя рубцы на животе от сильного ожога. Я иногда кивал ему. Но мои мысли были поглощены проблемой майора и медички. Наконец, я решил. Нужно помочь.

Начать я решил с майора. Оценивая ситуацию, я понимал, что людям, прошедшим через войну, через боль потерь и разочарований особенно свойственно недоверие. Поэтому я сознательно выбрал более трудный вариант. Проходя мимо поста медички, к слову сказать, она сменилась, и ей на смену пришла пожилая добрая тетя, я остановился. Сделав доброе лицо, обратился к ней:

- Добрый вечер.
- Здравствуйте.
- Можно у вас кое-что узнать?
- Узнавайте.
- Скажите мне, пожалуйста, имя-отчество майора, который лежит в моей палате.

Тетя внимательно на меня посмотрела.

— Понимаете, мужику очень тяжело, он вообще на контакт не идет, хочу помочь ему.

Тетя, подумав, кивнула.

— Сергей Сергеич, — изрекла она, покопавшись в бумагах.

Вернувшись в палату, я застал там привычную картину: игра в карты. Ребята шумели и смеялись. Майор, отвернувшись к стене, делал вид, что спит.

— Мужики, давайте уважать друг друга, приглушите ржание.

Я постарался сказать это максимально мягко. Ребята переглянулись, но притихли. Я воткнул кипятильник в розетку, задумав попить чайку. Взглянув на майора, я увидел пожелтевшие пальцы на правой руке.

— Сергеич, пойдём покурим.

Майор вздрогнул. Замер. Через минуту пошевельнулся. Видно было, что в нем идет некая борьба. Наконец, он встал. Посмотрел на меня.

— Пойдем, только у меня нет.

Я протянул ему пачку «Наша Марка».

— Джума, заварить мне чайку?

В курилке мы молча курили, сидя на корточках. Майор молчал тяжело, я — выжидающе. Выкурив сигарету, он посмотрел на пачку у меня в кармане. Я протянул еще.

— Благодарю.

— Не стоит. Сергеич, ты где служишь?

— Там.

Сергеич просто качнул головой. Но понятно стало все. Мы еще помолчали.

— Тяжело?

Он кивнул.

— Знаешь, я тоже переживаю все в себе. Но иногда так тошно, понимаешь, что, если бы было с кем, поделился бы. Держать в себе боль тяжело. Но если найти в себе силы пережить ее еще раз, поделиться с человеком, у которого есть чувство сопереживания, то тяжесть станет меньше. Поверь, Сергеич. Я не хочу лезть тебе в душу, просто мне тяжело смотреть, как ты маешься.

Сергеич слушал внимательно, выражение его глаз немного изменилось.

— Тяжко мне... Хоть стреляйся.

Я молчал, не хотелось прерывать человека. Я видел и знал, что если сейчас Сергеич замкнется, то это будет навсегда. Как на рыбалке, видя первые пробные поклевки, рыбак немного выжидает, когда рыба, привыкнув к наживке и убедившись в ее безопасности, заглочит ее, и можно будет подсечь с максимальной эффективностью.

— Жена и дочка...

И Сергеич, не стесняясь меня, громко разрыдался. В курилку вошел какой-то солдатик.

— Пошел вон!!!

Я вытолкнул его. Сергеич продолжал рыдать. Я положил ему руку на плечо. Успокаивать его сейчас было не нужно. Контакт состоялся. Он плачет, тяжесть с сердца уходит со слезами. Иногда некоторые говорят, что мужчина не плачет. Они не правы.

Иногда мужчина ревет! Иногда просто убивается от переполняющих его чувств. Не всегда это бывает заметно внешне. Не все способны показать свою боль. Также не все способны пережить ее до конца. Иногда вместо слез мужчины плачут кровью. Душевную боль не успокоить никакими обезболивающими. Даже водкой не всегда. Наконец, Сергеич стал успокаиваться.

— Сергеич, знаешь, что я скажу. Тебе нужно водки выпить. Обязательно.

Он вытер нос рукой.

— Водки? Так, где ее тут возьмешь-то?

— Так, после отбоя я тебя подниму, пойдём попьём в укромном месте. Иначе ты так с ума сойдешь. Или еще чего хуже... Я все решу.

Он кивнул. Умылся. Мы вышли из курилки, Сергеич пошел в палату, я отправился к начальнику отделения.

— Товарищ подполковник, разрешите?

— Да.

— У меня к вам необычная просьба. Мм... Вот вы прекрасный хирург, и в свое время я вас еще буду благодарить.

Он замахал руками. Я продолжил:

— Вам под силу любая рана, кроме душевной. Я не ставлю вам это в вину. Каждый должен заниматься тем, что он может и тем, что ему подсказывает его долг. Вы согласны?

— Ну, в общем, да.

— У майора, который лежит со мной в палате, совсем плохие мысли. Можно, конечно, накормить его транквилизаторами. Но можно поступить иначе. Я понимаю, что вы, скорее всего, откажете, но...

Я слотнул.



Подвиг

— ...я все равно попрошу. Дайте мне, пожалуйста, ключи от перевязочной на ночь.

— Зачем?

— Этой ночью мы с майором напьемся водки. И, вы сами это понимаете, человек, может быть, вернется к жизни.

Я замер. Толпаров возмущенно поднял брови и задумался.

— У меня психологическое образование. Беспорядков не будет никаких. Гарантирую. Если вдруг что... Я выкрал ключи и спровоцировал групповую пьянку. Это шанс для него. Вы вылечили ему тело, я попробую вылечить душу.

— Гм... Вы понимаете, что вы мне предлагаете?

— Понимаю, если бы не понимал — я бы к вам и не пришел.

— Это черт знает что, авантюра.

— Но это шанс.

— Мм... Ну, предположим, я соглашусь. Где вы возьмете водку? Закуску? А беспорядок?

— Закуску я найду. С водкой подумаю. Беспорядка не будет.

Толпаров задумался. Его мысли убежали далеко. Наконец, он улыбнулся.

— Знаешь, старлей, я мог бы вам отказать. И ты меня понял бы. Но я соглашусь, потому что в свое время рядом со мной не оказалось такого, как ты. И я жалею до сих пор. И это... Там в столе полтора литра спирта. Только держите себя в руках.

Я улыбнулся, подполковник открыл свой дипломат.

— Это вам. Не ресторан, конечно, но что есть.

Несколько бутербродов в газетном свертке были очень кстати.

— Иди. Медсестру я предупрежу, она утром уберет.

— Спасибо вам большое!

Время до вечера пробежало быстро. Прошел ужин. Наступил отбой. Ребята еще некоторое время погалдели, но вскоре утомнились. Я, громко вздохнув, встал, громко пошуршал сигаретами.

— Сергеич, не спишь? Пойдем курнем что ли, перед сном.

— Ага.

Мы вышли из палаты. Пожилая медичка читала книгу. Проходя мимо, я кашлянул. Она, не отрываясь от книги, открыла стол, достала оттуда ключ, подвинула его на край стола. Взяв ключ, я положил вместо него пару конфет, и мы отправились в глубины коридора.

Разбавленный спирт долго остывал под струей холодной воды из крана. От ужина нам передали несколько котлет, тарелку салата из капусты. Графин компота. В общем, можно пить и можно жить.

— Ну, давай, Сергеич, по первой.

Ух...

Обжигающая жидкость огненной лавой ринулась в желудок, чтобы через несколько минут так же быстро подняться в голову и хоть на время унести проблемы и печали. За первой последовала вторая, затем третья, четвертая.

— Сергеич, ты это... ик... закусывай. А то око... окосеешь совсем.

— Да что ты все Сергеич да Сергеич. Просто Сергеа.

— Ну, как скаже...шь.

В бутылке было еще больше половины.

— Сань, а как ты с подполковником-то договорился?

— Да мы раньше служили рядом. Много общих знакомых.

— Здорово. Давно вот так не сидел хорошо.

— Да, иногда нужно давать себе расслабиться.

Серегин локоть соскользнул со стола — и он грохнулся на пол. Я засмеялся и снова икнул. Получился довольно громкий ик. Я заржал еще громче, Сергеа засмеялся.

— Ну, давай, Серег, еще по одной. Ух...

— Ух... Хорошо пошла.

Помолчали. Закурили.

— Знаешь, Сань, вот помню, несколько лет назад, ну, когда еще не было всего этого....

Серег нахмурился и махнул рукой. Я кивнул, понимая.

— ...долбанного кавказского конфликта, мы с женой отдыхали в Адлере. Встретил я там офицера знакомого. Вот мы тоже тогда так хорошо посидели. Напились до

А их и не слышно в этой суете



Сергея засмеялся.

— Жена потом пилила месяц.

Улыбка сползла с его лица, глаза стали печальными.

— Сереж. Ты, конечно, не хочешь — не отвечай. Извини. Что с женой?

Сергея уставился в пол остекленным взглядом.

— Нет ее больше. И дочки нет. И смысла жизни тоже не стало.

Он закрыл лицо руками.

— Серег, давай еще по одной. За жену и дочку. Ух...

— Ух... Мм... Бррр... Бля. Плохо пошла.

— Закусывай давай.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

— Я служил там с самого училища. Все нормально. Соседи, чечены, добрые и отзывчивые люди. Ну, конечно, всяко бывало. А когда это началось...

Бл... Дошло до того, что я понял: нужно сматывать удочки. Да и начальство то же самое сказало. Дали мне перевод. Уехал я. Эх! Если бы знать тогда...

Своих-то, слышь, оставил... Думал: куда я их потащу... А тут хоть дом. Вернулся через две недели... А моих нет уже. Я к соседям, мол, где... А они меня прогнали. Мол, русским тут не место...

Суки! Еще вчера, слышь, пили за одним столом вместе, а сегодня... бл... я, значит, тут не должен жить. Ну, не суки, Сань? Ты скажи.

— Конечно, суки.

— Я туда, я сюда. В-общем, довели меня люди до бандита одного. Полевой командир, бл... Мразь какая-то.

Рожа в навозе, при мирной жизни бичевал, наверное. Горный цыган ...от! А он мне и говорит: вези денег, верну тебе жену и дочку. И денег, говорит, не жалей. Пи...ас!! Откуда у меня,

Сань, деньги!? А что делать? Я к сослуживцам старым, часть-то нашу недалеко перевели, мол, говорю, помогите, братишки! Ну, правдами и неправдами на броню поехали мы его громить. Я уж и не надеялся увидеть своих... Да...

— Давай. Ух...

— Ух... Вот. Их банда в старой мельнице базировалась. Я спустился. Говорю: видите два бетра, или... Или сейчас все к матери разнесем. А потом говорю: я твою семью перебью. Я ведь там давно живу, многих знаю. Перебил бы, Сань, нашел бы. Верить?

Я кивнул. Сергей продолжал:

— А эта мохнорылая мразь мне и говорит: я их продал. Меня убьешь — никого не получишь.

Сергея помолчал.

— Убили мы там всех, Сань. Никого не оставили. Этот черт, когда я его резал, сказал мне, сказал, что мои в Г-ну, у его свояка. Мы — туда, благо километра три всего. Так же навели бетры на поселок. Я пошел, говорю: отдавайте. А другой мудака бородастый мне и говорит...

Сергея сглотнул, по щеке потекли слезы.

— Говорит: твоя жена сама себя убила. И дочку тоже. Привел он мне солдатака пленного, забирай, говорит, его, он последний с ними говорил. Отошли мы с пацаном этим. Он мне все и рассказал. Насиливали ее чичи, и к дочурке присматривались. Она во сне дочурку и...

Сергея заплакал. У меня дыбом встали волосы. Про себя я ругался такими словами, что многие их должны были услышать впервые.

— Серег, ну, Серег. Давай, выпей. Давай. Ух... Гык... Ик.

— Ух... Мм... Суки!!! Пидоры мохнорылые, всю оставшуюся жизнь буду давить их!!! Всех! Всегда!! Пока не останется на этой земле ни одного!!! Суки...

Последнее слово он сказал шепотом. И я заметил у него седину на висках. Просто раньше не обращал внимания. Он замер, задумавшись.

— Да, Серег, будем их давить, будем. Всегда и везде. Я с тобой полностью согласен. Давай еще по одной. Ух...

— Эх, бл... Ух...

— Будем мы их давить еще долго. Эта мудацкая война бл... Она еще долго будет длиться. Даже когда все закончится. Еще долго теперешние дети будут помнить вражду. Наши народы поссорили не на одно поколение. Б...ть!! Гребаные мудаки в правительстве... Я, пока жив, конечно, не прошу чичам их грехи. Но веришь, Серег, нутром я понимаю... ик... что я не совсем-то и прав.

Сергея уставился на меня удивленно.

— Да! Серег, убивать мы их будем долго... Но ради чего? Ради мести за наших близких? Ну, перебьем их всех, а потом что? Что?! Скажи мне, Сережа... Это ведь путь в никуда... Кем мы-то станем потом. Останется ли у нас душа? Или только большой комок черной злобы. Знаешь... я однажды отпустил одного чеха, подумал... что какой бы он ни был поганый, но все равно он когда-нибудь вспомнит это. Может, вспомнит, когда будет думать о судьбе очередного мальчишки-солдата. И, может, даже отпустит. Скажи мне, Серег, может, я не прав?

— Сань, а кто мне вернет дочку и жену. Кто?!

— Ты прав, Серега. По законам человечности лишивший жизни заслуживает смерть. И никак иначе. Но эта война несет много горя и тем, кто ее не хочет. Ты хочешь причинять боль тем, кто ее не заслуживает? Хочешь?

— Прав ты, Сань. Прав... Давай. Ух...

— Ух... Наша с тобой профессия — одна из немногих, несущих смерть. Поэтому мы с тобой в большой ответственности. Семь раз отмерь, один... ик... отрежь. Это точно про нас. Я и не призываю тебя сложить оружие. Я и сам еще не один десяток гадов перемочу. Я просто стараюсь объяснить тебе, что мы можем и должны сеять вокруг не только смерть, но и... добро. Да, Серега. Добро. Мир. И любовь. О, кстати. Давай за любовь. Ух...

— Ух... Я скоро отъеду... Крепкую развели...

Сергея едва сидел.

— Ша, покурим еще по одной — и спать.

— Не... мм... я больше не смогу.

— Да ладно, ты чего, завтра не на службу же. Спи целый день, отыхай.

— Ну, ладно, давай. Но только по последней. Знаешь, Сань, классный ты мужик. Мы еще с тобой не раз выпьем.

— Естественно. Давай... Ух...

— Ух... ммммм... Ээээ.....

Сергея потянулся за куском бутера, но непослушная рука его не нашла. Тело потерялось в пространстве. Начало заваливаться и, наконец, упало на пол. Через несколько секунд раздался бодрый храп. Все, готов. Я и сам едва сидел. Поднявшись, я понял, что штормит баллов на восемь. И палуба ходит ходуном. Ух, ты, какая сильная качка. Да и приступы морской болезни тоже очень досаждают. Я вышел в коридор. Медичка не спала. Увидела меня. Поспешила мне на встречу.

— Ну, что, готовенькие?

Она улыбалась. Я помог ей отнести Сергею в палату. Или помешал. Но она справилась.

— Мать, как тебя зовут?

— Тетя Галя.

— Теть Галь, ты золотая женщина. Спасибо тебе. Мы там намусорили немного.

— Не бери в голову, я сейчас все уберу и проветрю. Вот вам по паре таблеток, утром примите. А то похмелье уже не придется. Давай, иди спать.

Упав в кровать, я еще покачался немного и лежал. Но вскоре сон начал овладевать мной. Я засыпал с чувством человека, у которого получилась тяжелая и кропотливая работа. Сергею во сне захрапел, что-то сказал и повернулся. Я закрыл глаза и уснул.

Наступило утро. Наступило тяжелым сапогом на голову и живот. Причем, не просто наступило, а жестоко топтало. После этого топтания голова трещала, как пулемет Дегтярева, а в животе, казалось, напрочь отсутствуют органы, растворенные и перемешанные в фарш вчерашними возлияниями. Я открыл глаза. Утренний свет ударил по ним так сильно, что в голове зашумело, тошнота подступила к горлу.

— Господи, за что мне это...

Нужно было вставать и принимать меры по реанимации организма. Я приподнялся. Оценив реакцию орга-

низма на это движение, понял, что делать этого, в принципе, не стоило. Собрал все силы, я встал. На тумбочке стоял холодный чай, и лежали две таблетки. Проглотив их и запив чаем, я опять прислушался к ощущениям. Желудок возмущенно заурчал. Жидкость, как будто растворив остатки спирта, действовала не хуже стопки водки. Жить стало чуть веселее. Боль в голове притупилась.

— Сергеич?

— Ам... гм... ох... бл...!

— Ясно. Сергеич, давай таблеточки примем.

— Ага.

Скормив Сергеичу таблетки и напив вчерашним компотом, я решил сходить умыться. Ребята в палате с недоумением смотрели на все происходящее. Наконец, поняв причины нашей обезображенности, Степан изрек: — Везет же людям!

Приняв водные процедуры, я обрел внешность вполне порядочного человека. На медицинском посту еще сидела вчерашняя медичка, в ее взгляде я увидел сочувствие и улыбку. Я тоже ей улыбнулся виновато и извиняющийся. В палате уже раздавался легкий смех, сопровождающий попытки Сергеича вернуться к жизни.

— Джума, ты сможешь совершить подвиг?

— Какой, товарищ старший лейтенант?

Я подозвал его поближе:

— Слушай, нужно сходить в город, найти цветы. Недорогие, но красивые. И тайно принести их мне.

— Вообще можно. Но трудно.

Подвиг

— Джума, вот деньги, купи там, что еще нужно, сигарет или еще чего, тебе видней. Но цветы мне принеси. Понял?

— Сделаем.

Джума улыбнулся.

— Может, вам что принести? Для здоровья.

— Нет, спасибо, мы уж так как-нибудь починимся.

Я прилег и задремал. Джума вернулся менее чем через час. У меня в тумбочке оказался небольшой красивый букетик садовых цветов. Его аромат пробивался даже через тяжелые последствия вчерашней пьянки. Выждав момент, когда старая медсестра уже ушла, а новая, Наташа, должна была вот-вот подойти, я поместил букетик в стакан с водой и поставил его на медсестринский стол.

Она вошла в отделение, как обычно, хмурым облаком. Привычно окинула рабочий стол деловым взглядом и уставился на букет. На секунду ее взгляд просветлел. Затем опечалился.

— Кхм... Товарищ медсестра. У меня к вам есть просьба.

— Какая же?

Ее тон был, как всегда, сух, холоден и деловит.

— Очень важная. Очень. И только тебе, Наташ, я могу это поручить.

— Я...

Я поднял руку, перебивая ее:

— Подождите, пожалуйста, я очень прошу, послушайте меня минуту, не перебивая. Наташа, я знаю, что ты пережила очень тяжелый момент в жизни. Очень. Поверь, я по-



А их и не слышно в этой суете

нимаю, хоть ты так и не думаешь. Каждый человек принимает свою боль ближе и острее, чем чужую, это нормально. Так и должно быть. Но это не значит, что мы должны забыть о других, стать черствее. Просто на мгновение подумай, что ты можешь помочь человеку, переживающему точно такую же боль, что и ты, если в тяжелую минуту его жизни протянешь ему свою руку, дашь ему понять, что принимаешь его боль, понимаешь его переживания. Я думаю, что ты не только сможешь вернуться к жизни этому человеку, но и вернешь к жизни себя. Да, я понимаю, что сейчас тебе об этом даже думать не хочется. Жизнь дает нам эти испытания, порой несправедливые, в том числе и для того, чтобы сделать нас сильнее и человечнее. Не все это могут. Стать хуже намного легче, чем стать лучше. Поверь мне, твою боль видят и понимают многие, и многие хотят помочь. Но, если в этот момент ты сама протянешь руку помощи, ты станешь сильнее не только в глазах окружающих, но и в своих собственных. Сила — в добре. Это особенно важно для женщины. Для красивой женщины.

Наташа слушала — и ее глаза принимали совершенно другое выражение. Осмысление происходило медленно, боль противостояла принятию того, что она слышала. Но часть услышанного пробилась сквозь стену отчуждения и осела в сердце девушки.

— Так... в чем ваша просьба?

Голос девушки прозвучал совсем не так, как раньше. Он стал тише, глуше и приятнее.

— Наташ, в моей палате лежит майор, оно потерял не только семью, он потерял смысл жизни. Для настоящего мужчины смерть, конечно, страшна, но гораздо страшнее — когда ему приходится умирать каждый день, когда каждый день приносит ему нестерпимые муки. Когда жизнь оставлена ему только для того, чтобы заставить почувствовать, что значили



для него самые дорогие ему люди. После этого мужчина вправе сам решить, жить ему или отправиться к своим близким. Очень немногие решают остаться. Я бы не остался... Ты хочешь ему помочь? Скажу так, что увидев и поняв тебя, я решил обратиться именно к тебе. В жизни мне везло, я редко ошибался в людях. Особенно в хороших. Думаю, что я не ошибся и сейчас. Или ошибся?

Девушка опустила глаза. Такой я ее никогда еще не видел.

— Наверное, не ошиблись.

Я улыбнулся, положил свою ладонь на ее руку.

— Я очень рад, что не ошибся.

— А как я смогу ему помочь?

— Просто поговори с ним. И все...

Когда ты увидишь в глазах человека не только боль, но и другие чувства — тебе самой станет гораздо легче, поверь мне.

— А что у него случилось?

— Он сам тебе расскажет. Его рассказ будет первой ступенькой на пути к жизни.

Я встал, улыбнулся.

— Ты умничка. И еще очень красивая девушка.

Не оглядываясь, я пошел по коридору к себе в палату, переполненный не очень объяснимым, но явно позитивным и конструктивным чувством.

— Сергеич, жив?

— Не уверен.

— Значит жив.

Я подсел к нему поближе.

— Сергеич, у меня к тебе просьба.

С тобой разговорит Наташа, не отгадывай ее и не запирайся. Попробуй понять.

Сергеич задумался.

— Попробую.

— У тебя получится.

После обхода врачей ко мне заглянул Толпаров.

— Я вижу, вчерашние процедуры пошли на пользу.

Его глаза смеялись.

— Твое командование ходатайствует о переводе тебя в их лечебное заведение. В принципе, я не против. Завтра-послезавтра могу тебя отправить. Хочешь?

— Да, хочу.

— Ну, значит, так и будет. И еще, там к тебе приехали два подполковника. Наберись терпения прежде, чем будешь с ними говорить. Их мнение будет учитывать ВВК. Понял?

— Так точно, товарищ подполковник.

Он наклонился ко мне и пожал мою руку:

— Спасибо тебе, старлей. Я видел глаза этого майора. В них появились частички жизни.

— Мне этого хотелось, товарищ подполковник.

— Все, поправляйся.

Беседа с двумя облеченными властью подполковниками, у которых стояла важная задача понять, почему произошло ранение офицера, и можно ли в дальнейшем предотвратить подобное в таких же ситуациях, прошла нормально. Подписав несколько бумаг, которые они три часа писали при мне, я облегченно вздохнул. Подполковники уехали на «Волге», казалось, что они были удовлетворены. Хотя, на их лицах можно было прочесть только одну эмоцию: раздражение. Дальнейший день я посвятил сну. Только вечером, отправившись в туалет, я случайно увидел, как медичка и Сергеич сидят в столовой за чаем. Они вели неспешную невеселую беседу, поднимаясь ступенька за ступенькой по длинной лестнице возвращения души к жизни. Обрадованный увиденным, я снова уснул. Утром Наташа принесла мне документы на выпуск-перевод и мешок с моей формой.

— Только не уходите быстро, я скоро сменюсь и провожу вас. Вернее...

Она посмотрела на Сергеича.

— ...я думаю, мы проводим.

Моя душа ликовала, когда мы втроем шли по парку, окружающему госпиталь, к воротам. Наташины глаза уже не были такими печальными и злыми. А взгляд Сергеича был уже гораздо менее остекленевшим, чем раньше. Чем ближе мы подходили к воротам, тем медленнее шли. Но, наконец, створки ворот остались позади меня. Я обернулся.

— Ну, мне пора. Прощайте.

У девушки на глазах выступили слезы, Сергеич крепко пожал мне руку. Говорить никому ничего не хотелось. Все легко читалось в глазах, и было намного понятнее, чем слова. Я повернулся и пошел, часто оглядываясь и махая рукой. Мужчина и женщина стояли рядом и смотрели мне вслед. Я уходил. Но в этот момент мне казалось, что я остаюсь, а уходят они. Уходят от своего прошлого, от чего-то темного, от боли и непонимания. Они еще только начали этот тяжелый, но благодарный путь. Но даже начало этого пути можно считать подвигом. Ведь только подвигом можно назвать возвращение души из мрака боли и злобы к свету жизни и любви. Настоящим подвигом!



Игорь Негорюй

Сержант

http://artofwar.ru/n/negorjuj_i_w/

МАЛЫШ И КАРЛСОН

Жуткая задница накрыла всех в конце девяностых. Правительское подгадало и с размером, и глубиной необъятных размеров. Началась канитель с работой, деньгами. Чтобы хоть как-то перебиваться, пришлось встать на учет в центре занятости.

Летом 1999 года я стоял в очереди к инспектору. Центры занятости в то время были кошмарными. Обшарпанные помещения со столами, за которыми сидят исполкомовского вида тетяшки, совмещающие прием граждан с частыми перекурами и чаями с булочками. Столы завалены бумажками и хлебными крошками. Маленькое помещение насквозь пропитано людским распаренным мясом и приправлено конгломератом пота, духов «Москва» и дешевого дезодоранта.

Вот и я стоял второй час в такой очереди, истекающий потом, без надежды на работу или хотя бы быть принятым сегодня инспектором. Стоял внутри кокона, с витающими над столами мухами и равнодушием. От всего этого ушел в себя, отрешился от окружения и не сразу заметил, как народ сосредоточил взгляды на одном из столиков, где тетя статей Фрекен Бок распекала молчаливо сидящего ссутулившегося парня.

Почему внимание обратил? Наверное, оттого, что такие взгляды кидают только на инвалидов и изуродованных людей. Когда чувствуют, что смотреть неприлично, но не смотреть по природе человеческой невозможно. Уродство и инвалидность привлекают внимание обывателя. Смотрят, хотя и делают вид, что заняты своими делами, однако, бросают взгляд исподлобья, быстро ощупывают колючими любопытками и отводят глаза.

Посмотреть было на что: лица у парня не было вообще — синевато-красный кусок, бесформенный, в белых трещинах шрамов. Пустая глазница, криво сросшаяся, и шрамы. Шрамы на месте уха, из-под кепки-бейсболки спускающиеся по шее

вниз, под воротник старенькой, но отутюженной и аккуратно зашитой рубашки.

Тетка нависала над парнем грудью. Тыкала толстыми сосисочными пальцами в какие-то бумаги и, гневно разявя пещеру большого влажного красногубого рта, орала. Впрочем, делала она это так искусно, что не было слышно, о чем речь. Только вот эта статья ее гвардейская, раздраженные кисти с золотыми перстнями и краснота распаренной морды выдавали, что она на что-то гневалась.

Сценка была еще та. Покалеченный парень, казалось, виновато втянул голову в плечи под тяжестью этой невыносимой исполкомовской мощи.

И тут я как прозрел. Это был Денис, Ден, отсюда — из прошлого.

Таким же жарким днем зажали души колонну крепко и быстренько решили перемолотить ее. Да хрен им во всю глотку! Ребята из роты, что колонну сопровождали, оказались зубастыми. На просто так не повелись и врезали в ответ. А потом и мы вывалились из двух ущелий, обойдя душар сверху и с флангов. Честно говоря, и души попались упорные. Короче, мало нам всем не показалось. Но все же мы пробилась. Правда, от колонны мало что осталось.

А Дена я тогда знал. Их ППД (*пункт постоянной дислокации) у нас же и был. Запомнил я его, потому что земляки мы, из одного города. А еще запомнил его позу и повадки характерные. Он часто сидел в ожидании выхода на РД, ссутулившись, засунув большие как лопаты ладони меж колен, неподвижно сидел, размышлял о чем-то своем, полностью отрешившись от окружающего мира, до тех пор, пока не звучала команда:

— По машинам!

Это был точно он, все такой же поджарый, ссутуленный на проваленном, казенном стуле, в своей любимой позе, засунув лопаты-ладони между крепко сжатых колен. Тетку он

Малыш и Карлсон

не слушал. Он умел отвернуться от мира и реальности и долгое время не воспринимать его, вслушиваясь в положение скрытой тугой пружины внутри себя.

В таких людях, как Ден, всегда что-то привлекает. Внешнее спокойствие и внутренняя сила, сидящая сжатой пружиной и стальным стержнем вместо позвончика.

Он мог всю ночь молча просидеть около палатки в расположении и, выходя по нужде, ты наткнулся в темноте на него, сидящего в излюбленной ссутуленной позе, зажавшего руки коленями и уставившегося глазами во вселенную.

Однако мы никогда не были друзьями. Так, привет — привет.

В тот далекий августовский день на фоне горящего и плавящегося мира я видел его два раза. В первый — обугленную долговязую фигуру у распавшего люка сгоревшей БМП, а во второй, когда наш фельдшер-коновал учуял в обгорелом, изуродованном теле зацепившуюся за что-то ниточку жизни, обколел обеспамятвшее тело промедолом, и мы потащили его на брезенте к вертолету.

— Не выживет, — сказал коновал, прикуривая у бойца папиросный столбик в своей окровавленной горсти.

Мы положили на палатку останки — обугленный остов стальной пружины и такой же потускневший от огня стальной стержень позвончика.

Проводив вертушку, я вскоре забл про него.

Сейчас же, вспомнив темную фигуру у ног Вселенной, я понял — это он, живой.

Ден все так же, не слушая тетку, встал и побрел к выходу сквозь отвращающих от него лица людей. Я послал в душе к черту этот центр вместе с очередью и рванул за ним. За чем, даже не знаю. Чувство вины?

Догнал его на улице, схватил за руку, почувствовав под тонкой рубаш-

А их и не слышно в этой суете

кой жгуты стянутой ожогом кожи, и выдохнул:

— Здоров, Ден!

Он повернулся ко мне, и я отшатнулся... Был вынужден, не мог не отшатнуться. Лицо Дениса напоминало театральную маску, ту, где одна половина плачет, а другая — смеется.

Так же было и с его лицом. Половина, перерезанная страшными шрамами, со спекшимися губами и заросшей пустой глазницей, другая — с абсолютно нормальной кожей, носом, ртом, живым глазом и бровью. Правая сторона — безжизненная, нечеловеческая. Левая — живое человеческое лицо, с карим глазом, уставилась на меня.

Он меня тоже вспомнил. Я машинально протянул правую руку:

— Привет, Ден!

Он так же машинально подал правую руку. Я посмотрел на нее. На страшно обожженной кисти не было двух пальцев, мизинца и безымянного. Ден перехватил мой взгляд, секунду подумал и протянул левую ладонь.

Я предложил посидеть в рюмочной рядом, загаженной, кишмя кишевшей «элементом» и «гегемоном», но носящей гордое английское название «Бристоль».

В рюмочной на остатки денег купил паленой «Столичной». Сидели за обшарпанным, нечистым пластиковым столом и молчали. Разговор не клеился.

Мы не были однополчанами, мы не были сослуживцами, нас роднило только место тогдашнего пребывания на войне. Я ничего не знал о нем ни до, ни после боя. Впрочем, «после» нашло отпечаток на его лице, и вопросов, и подтверждений тоже не требовало. Так мы и сидели. Вливали молча мерзкую теплую водку и глазели сквозь замызанное стекло кафешки на людской водоворот.

Видно, что-то было в нас такое, что в переполненном кафе никто не посмел беспокоить.

Наконец, уже в сумерках, Ден встал.

— Ладно, пойду я, спасибо! — и протянул левую ладонь.

Я крепко ее пожал:

— Ден, дай телефон на всякий случай?

— Зачем? — спросил он. — Жалеть будешь?

— Да нет, я же тоже там из-за работы стоял. Но у меня иногда бывает временный приработок. Глядишь, место двоим найдется...

Ден сел обратно. Уставился в меня мертвым и живым отверстиями пустых глаз.

— Зачем тебе это?! — отчеканил он. — Жалость? Помочь хочешь или чувство вины испытываешь? Так не надо жалеть, помогать и испытывать чувство вины! Вы все, испытывая чувство вины, берете на работу, а потом моя рожа вам в укор...

— Ден, послушай!

— Слушай ты меня сюда! — не двигая мертвой половинкой рта, продолжил он. — Я ни в чем не нуждаюсь. Вы мне не нужны. Никто.

Стальная пружина привычно подбросила его со стула. Резко повернувшись, он размашисто зашагал к выходу.



Малыш и Карлсон



Найти его было нетрудно. Через два дня я, разворотив местный госпиталь, знал его адрес, еще через день — выловил на загаженной лестнице девятиэтажки его мать тетю Любу, слушал ее по-матерински страшный рассказ о Деновой жизни:

— Дадут работу — счастье. Уйдет молча, я ему постираю, поглажу. Вечером придет — ничего не говорит, а утром стану его поднимать — он мне: «Никуда не пойду, мать!» И лежит на застеленной кровати, в потолок смотрит. Потом снова соберется и идет работу искать. Вот так и живем, я старею, у него ни девушки, ни работы...

Я брел домой по вечерним улицам, попадая в световые пятна фонарей и темноту между ними. Ден не шел из головы.

Вечером, с неохотой ковыряя в тарелке поставленного передо мной супа, я все думал о нем.

Неожиданно зазвонил телефон. Жена сняла трубку:

— Это тебя, милый.

Звонил Кот.

Вернее, звали его не так. Звали его звучно — Василий Николаевич. С началом перестройки, будучи главным инженером небольшого заводика, умудрился прибрать к рукам территорию с цехами и заводоуправлением и стал перебиваться с хлебушка на икорку, временами черную, временами красную, в зависимости от удачи и запивая горькую жизнь коньячком.

По мере жизни в перестроечной стране, набрался кроме денег, еще немного блатного, «братковского», сленга, ездил на «Чероки» с парой амбалов, и вел жизнь, о которой метко сказал один из наших бардов (*Тимур Шаов):

— Вот сосед прикинулся банкиром,

Пьет «Клико», к валютным ездит дамам,

Правда, Сартра путает с сортиром, А Ван Гога путает с Ван Даммом.

Но, имея в руках большую территорию с довольно высокими зданиями, с подачи моего друга периодически подкидывал высотную работу. То трубу на котельной покрасить, то крышу в цеху починить, то рамы стекла в том же цехе заменить.

Вот и сейчас раздался гундосый голосок с ростовской блатной:

— Привет, брателла! Слышь, я тут своей лярве, типа, прикупил хату в пригороде, ну, чиста ремонт ей замандячил и окошки поменял. Мудачье окна поставило, а отливы на ок-

нах и чисто пену убрать ссутся — квартирка на тринадцатом этаже четырнадцатизатяжки. Я, брателла, тебя вспомнил, слышь, без понтов я к тебе — не обижу. Уважь, а?

С деньгами у меня тогда было совсем швах. А при хорошей работе можно в ту пору снять с него прилично, на месяц хватало бы.

Из дальнейшего разговора я выяснил, что, вообще-то, он прикупил своей любовнице, по совместительству главной бухгалтерше не квартирку, а целый этаж. Поэтому работы будет много. И денег тоже.

Повеселев, я сразу вспомнил о Дене. В принципе, работа не сложная, парень бывший ВДВшник, почему бы не взять в партнеры?

На следующий день, получив щедрый аванс, съездил в магазинчик, торгующий всяким альпинистским барахлишком и прикупил пару веревок, страховочные системы, каски, десяток карабинов и пару жумаров (спусковых устройств с зажимами для фиксации и подъема вверх по веревке). Свалив все это в джип Кота, оставил доставку снаряги на совести котовых амбалов, сам поехал договаривать Дена.

Открыв на звонок дверь, тетя Люба обрадовалась. Доверительно прошептала:

— Дома. Лежит, — показала на дверь комнаты Дена.

Ден валялся на аккуратно, по-армейски, застеленной кровати. Даже уголки на одеяле отбиты, отметил я. Он, упершись взглядом в потолок, даже не повернул головы, когда я подвинул стул и сел рядом.

Мы помолчали.

Наконец, я решился:

— Ден, есть работа.

Он ничего не ответил.

— Нужно заштукатурить откосы на новых окнах и установить водоотливы. Работа высотная, платят хорошо, этаж — тринадцатый. Мне нужен партнер, потому что окон много. Что скажешь?

Он повернул ко мне живую половину лица. Было страшно видеть, как он цедит подвижной половинкой рта:

— Слышишь? Я тебе говорил, что ни в ком не нуждаюсь. Я тебе это говорил?

— Ден, — попробовал я говорить спокойно, с интересом видя разворачивающуюся в человеке стальную пружину, выпрямляющую его позвоночник, — всем нам нужна работа, чтобы жить.

Пружина развернулась, и я полетел в пропасть, поблескивая ореолом звездочек в контуженой голове. Очулся среди развалин старенького телевизора и телевизионной тумбочки.

В запертую дверь колотила испуганная тетя Люба:

— Дениска! Сынок! Открой, что ты делаешь?

Денис от двери, заметив мои попытки встать, кошачьим движением пошел на встречу.

Мне стало страшно от этой мертво-живой маски, от этих неторопливых, но плавных движений.

Второй удар я почти не пропустил, дернув скулой, принял его вскользь, и отправил ответ снизу справа в живую часть его лица.

Его единственный глаз утратил состояние пустоты, в нем появилось удивление, второй мой удар пересек дыхание, а удар коленом в лицо опрокинул его на затрещавшую кровать.

А их и не слышно в этой суете

Он лежал на кровати, выделяясь своим лицом на белизне подушки, которую я ему подсунил под голову. Лицо утратило свои черты. Мертвая сторона так и осталась маской, но уже не страшной, напоминавшей неаккуратно сделанную игрушку, живая часть, утратив жестокость, приобрела детские черты.

Из целой ноздри, через щеку протянулась тонкая струйка крови. Ручеёк стекал на шею и образовывал темно-красное пятно на белом полотне старенькой наволочки.

Я достал платок и начал аккуратно вытирать кровь. Он зашевелился, простонал, оттолкнул мою руку и, забрав платок, стал вытирать кровь сам. Потом поднял голову. В глазу не было пустоты. Было удивление и обида.

Я пресек тишину:

— Ден, ты будешь работать?

Он приоткрыл рот и пальцами покачал шатающиеся зубы:

— Я тебя не ...

— Послушай, Ден, — я по возможности пытался говорить спокойно, — у тебя есть мать. Ты думаешь, ей легко? Или ты думаешь, что ты на этом шарике один такой несчастный?

Он внимательно гляделся мне в лицо:

— Чего ты хочешь?

— Я хочу, чтобы ты помог мне с работой. Будут деньги. Чего в этом плохого?

— Я не хочу, чтобы меня жалели!

— Кто тебя будет жалеть? — у меня стало кончатся терпение. — У тебя будет двенадцать часов в сутки висения в системе на высоте тридцать метров рядом со мной. Твоя рожка меня не интересует, меня интересуют две вещи: деньги после долгого безденежья и не подвести своего давнего заказчика. Выполним работу, я отдам тебе твои деньги, и вали на все четыре стороны.

Денис встал, подошел к двери и открыл замок.

Тетя Люба вихрем влетела в комнату и всплеснула руками, глядя на разрушения:

— Денис! Ну, зачем, зачем!!!

Потом увидела его разбитое лицо и посмотрела на меня.

Я под ее взглядом стал в смущении массировать здоровенную шишку на голове.

— Вот, смотри, — наставлял я Дена на крыше. — Вот тут, через карабин, мы вешаем веревку. Одну! Страхочной не будет, здесь я цепляю тебя на жумар, а остальное ты знаешь.

— Простой планки спусковой найти не мог, — пробурчал Ден.



— Какая планка! Тебе висеть надо и перемещаться по веревке. Руки должны быть свободны. Вот тут я тебе повесил инструмент и гермопасту. Вот тут нож, вот тут кулек для сбора срезанной монтажной пены.

— А мочиться куда? — пошутил он.

— А в карман, Ден. Ветровка у тебя непромокаемая, пойдет как по водостоку.

— Ну, ладно, ладно, — забурчал он, перелезая через парапет, — я пошел.

— Давай! Я — следом.

Ден сильно оттолкнулся от стены ногами и полетел, шуриша спусковым по веревке вниз.

Я наклонился к лежащей у ног снаряге.

— Мама! — из-за парапета раздался громкий мальчишеский крик, — Карлсон прилетел!

Я перегнулся через ограждение.

Под балконной крышей торчал светлый стриженный мальчишеский затылок, напротив, на веревке висел Дэн.

Я вздохнул, перелез через козырек и полетел вниз.

— Дядя Карлсон, а где твой Малыш? — услышал я подлета.

— Здесь, здесь ваш Малыш! — сказал я, фиксируя спусковое на веревке и устраиваясь рядом с Деном.

С балкона на нас смотрела пара искрящихся голубых глаз.

— Дядя! — улыбаясь от ушей до ушей, сказал мальчишка, — ты слишком большой для Малыша.

Я улыбнулся в ответ:

— Просто я вырос, парень! — и посмотрел на Дена.

И не смог поверить своим глазам, Ден улыбался.

— Дядя Карлсон, а почему у тебя тут так все поранено? Наверное, ты не смог достать варенья и упал?

— Так все и было, малыш! — улыбаясь, Ден вытащил из кармана красное яблоко и протянул его мальчишке.

Мальчишка вонзил белые острые зубы в мякоть. Жужа, вполне повзрослому он рассудил:

— Дядя Карлсон, ты будь осторожнее! Мама говорит, что сейчас нет денег на варенье, и, наверное, поэтому ты теперь летаешь на веревке?

Ден поворошил ежик волос, рассмеялся:

— Именно так!

— Мама! Мааааа, — закричал мальчик в проем балконной двери, — ко мне Малыш с Карлсоном прилетели.

В этот момент мы заметили, что мальчишка сидел в инвалидной коляске.

Денис помрачнел.

Мы с ним переглянулись, в этот момент на балкон вышла небольшого роста, милая женщина.

— Ты чего, Никита, раскричался? Карлсон бывает только в сказках..., — и осеклась, увидев нас.

— Здравствуйте! — Хором поздоровались мы.

— Вот, мама! — мальчишка ликовал. — Вот, видишь, а ты говоришь — в сказках! Вот Карлсон и Малыш! Только Карлсон упал, потому что не

смог найти варенья, и теперь летает на веревках. А Малыш — вырос!

У женщины весело вспыхнули глаза:

— Да, Никита, действительно, Карлсон, действительно, Малыш!

Мы смущенно оглядели свои одинаковые синие комбинезоны.

— Мама, у нас есть варенье? Давай, отдадим его дяде Карлсону? — мальчик умоляюще сложил руки и задрал глаза на мать.

— Давай лучше пригласим их к себе пообедать, — все еще смеясь, предложила женщина.

— Дядя Карлсон, вы прилетите к нам на обед?! — с глаз и лица мальчика не сходило умоляющее выражение.

Ден протянул искаленную трехпалую руку и погладил мальчишку по голове:

— Конечно, придем, Малыш! А сейчас мы поработаем?

Мы разошлись маятником в разные стороны.

Денис срезал ножом потеки монтажной пены в межоконных пространствах и быстро герметизировал щели, не забывая иногда, отрываясь от работы, махать в ответ светлоголовому мальчишке, чья улыбающаяся рожица с забавными оттопыренными ушами торчала над балконом.

Через три часа мы спустились на землю.

Дрожащими руками Ден вышелкнул жумар из веревки и подлетел ко мне.



Малыш и Карлсон

— А ну, сволочь, деньги давай быстро! — пробурчал он беззлобно.

Я улыбнулся:

— Ден, нафига тебе деньги? Еще неделю назад я уговаривал тебя...

— Сейчас получишь в торец, — пригрозил он, — давай мне деньги, не с пустыми руками жидти!

— А! Ты на обед собрался? — я уже улыбался так, что лицу было больно.

— Чего ты, урод, скалишься? — прошипел он, вырывая сложенные валяком купюры у меня из рук.

— Эй, Ден, без экстремизма там, в магазине, нам еще месяц на эти деньги жить! — прокричал я вслед бегом удаляющейся нескладной фигуре.

— Сам знаю, не маленький! — крикнул он в ответ, не оборачиваясь.

Через час мы сидели в скромной однокомнатной квартире за старым столом и смотрели на перемазанного апельсинами и шоколадом Никиту.

Его мама сидела напротив нас, неторопливо хлебавших суп из глубоких тарелок старого фарфора.

— Мальчики, вам еще положить? — глубоким грудным голосом спросила она.

Мы замотали головами:

— Нет, спасибо, не надо!

Она вздохнула. Никита поднял на нее глаза:

— Мы давно так вкусно не ели, правда, мама?

Мать снова вздохнула.

Я встал и потянул Дена за рукав:

— Пойдем, нам работать надо.

Вечером Ден стал смущенно топтаться около сложенного снаряжения:

— Слушай, Татарин, ты это...

— Не тупой, — сдерживая улыбку, сказал я, — поеду домой один.

Ехал в электричке совсем уже ночью. Хотелось спать и одновременно смотреть на убегающую темную степь.

В вагонном стекле стояло лицо Дена, не мертвое, не разделенное на две части, которые были до и после, слышался в ушах голос мальчишки.

А потом я заснул.

Работу мы сделали. Кот дал пачку денег, которую я тут же разделил пополам, и половину сунул в руку Дену.

— Все, Ден, спасибо! — пожал я искаленную кисть. — Ну, бывай, — и, забросив, за спину рюкзак, пошел по направлению к вокзалу.

Через год Кот позвонил снова. Раздобревший и отчего-то утративший часть блатного лексикона, он снова предложил работу, которую я, набрав команду, выполнил быстро и в срок.

В ту пору Кот уже окончательно перебрался к любовнице-бухгалтеру, и за деньгами мне пришлось ехать к нему.

Поднявшись на лифте на знакомый тринадцатый этаж, я вспомнил о Карлсоне и Малыше. В груди стало отчего-то горячо и грустно.

Кот быстро отсчитал мне деньги и мы распрошались. Выйдя из его квартиры, я столкнулся нос к носу с поднимающимся по лестнице Деном. От неожиданности мы оба остолбенели.

Ден был все такой же. Поджарая фигура со скрытой внутри сталью. Только клок волос на необгоревшей части головы стал совсем седым. От удивления он чуть не уронил кулек с продуктами. Потом расцвел улыбкой, растягивая живую половину рта.

— Ты? Ты? — спросили мы синхронно и рассмеялись.

— Ну, как? — поинтересовался я.

— Нормально! — ответил он.

— Ну, давай, Ден! — я пожал трехпалую ладонь.

Он улыбнулся и пошел вверх.

Я смотрел ему в след. Было отчего-то снова тепло и грустно.

— Ден! — окликнул я его.

— Чего? — он остановился и посмотрел на меня через плечо.

Я нащупал в кармане несколько бумажек, вытащил и сунул ему в руку.

— Ты что? — нахмурил он уцелевшую бровь.

— Это не тебе, скотина! — усмехнулся я. — Это — Малышу!

И, повернувшись через плечо, не став вызывать лифт, горохом посыпался вниз.

На седьмом этаже меня остановил крик:

— Татарин!

Я остановился и задрал голову в щель лестничных пролетов:

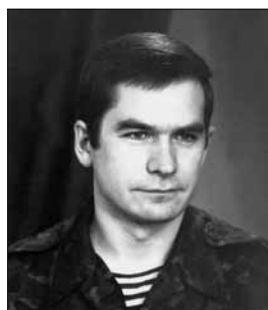
— Чего?

— Спасибо! — загудело в бочке многоэтажки.

Я промолчал. На тринадцатом этаже шелкнула дверь и знакомый, мальчишеский голосок звонко и с восторгом закричал:

— Мама! Папка с работы пришел!

Судьба



Валерий Горбань

Полковник. Участвовал: Чечня

http://artofwar.ru/g/gorbanx_w_w/

НОВАЯ ПОБЕДА ДМИТРИЯ МАТВЕЕВА

Шестое сентября 1995 года. Около восьми часов утра. К вагончикам строителей, работающих в Грозном, подъехали две автомашины: УАЗ-469 и белые Жигули — «копейка». В эфире прозвучала команда «Атака». Именно в этот момент лейтенанта милиции Дмитрия Матвеева и сбил с ног тот страшный удар, который, не сумев оборвать его жизнь, круто и беспощадно развернул ее вспять. Тупая пээмовская пуля, ударив в шейный позвонок и разорвав спинной мозг, отшвырнула крепкого, взрослого парня к состоянию младенческой беспомощности, к тому рубежу, от которого все пришлось начинать сначала.

— Ощущение было такое, будто палкой по затылку врезали. Аж искры брызнули. Я упал. Открываю глаза — на лице чья-то рука. Хотел отодвинуться, снять эту руку со своего лица, но не смог. Подбежали ребята, стали поднимать, и я увидел, что казавшаяся чужой рука — моя.

Тело Дмитрия больше не слушалось. Вот тогда он и понял, что случилось то, чего боялся больше всего на свете: ранение в позвоночник.

— Потом мне не раз говорили, что с таким ранением практически никто не выживает. Максимум — 40-50 дней выдерживают. Но у меня ни разу даже мысли не появилось, что я могу умереть. Я просто об этом не думал. Зато все время беспокоился о пистолете: не выпал ли, не потерять бы. То ли сработала наша вечная привычка заботиться об оружии, то ли сознание так зафиксировалось, чтобы не сорваться, не знаю. Но пока не убедился, что ребята забрали пистолет, не успокоился.

Это была его первая победа. Дима просто не пустил смерть в свое сознание, и она отступила.

И это не рисовка. Дмитрий — профессионал, один из самых опытных в отряде. Отчаянный боец, он сумел не только правильно определить тяжесть

своего ранения, но и сохранить невероятное самообладание в ситуации, когда многие от страха полностью теряют контроль, или умирают от шока.

Водитель машины, на которой Дмитрия повезли в госпиталь, город знал плохо, и, услышав, что госпиталь расположен в районе аэропорта, поехал в Ханкалу. Матвеев же отвоевал в Грозном две командировки подряд еще в январе-феврале (не хватало стрелков БТР, и он по просьбе командования остался, когда его товарищи уехали домой). Поэтому, увидев краем глаза знакомые здания на Минутке, он сумел сориентироваться, и прошептал: «Не туда. Нам в «Северный».

Это была его вторая победа. Победа над губами, которые, как в страшном сне, пытались шевельнуться, но не могли. Над пересохшей глоткой, непослушными голосовыми связками.

Попросив приподнять его, Дмитрий подсаживал водителю дорогу до самых ворот.

В госпитале его ждала боль. Такая страшная, что хотелось лишь одного: получить наркоз и убежать от этой муки за границу сознания. Но нужно было сделать рентген. И медикам пришлось поворачивать и растягивать разбитую пулей шею...

После операции он очнулся в темной комнате. Лежа на спине, не имея возможности повернуть голову, Дмитрий мог видеть лишь то, что было прямо перед глазами: потолок какого-то подвального помещения и еле-еле мерцающую «туалетного» вида лампочку. «...кто я? где я? жив, или в каком-то чистилище...» Страх, поддержанный мрачной обстановкой и неизвестностью, немедленно пошел в атаку на измученного болью человека. На всю жизнь запомнил он этот страшный миг — полная неизвестность...

Когда раненый приходит в себя, он все-таки должен видеть лицо друга. Если есть хоть малейшая возможность, тяжелораненого должен сопровождать кто-то из своих. И медики и командиры знают это. Но как часто высокий профессионализм соседствует с невероятной черствостью и равнодушием!

Когда к Диме, наконец, подошел какой-то солдатик, он уже сумел справиться с собой и попросил пить

В тот же день Матвеева отправили в Ростов. Проводить его приехали друзья-собровцы. Ему страшно хотелось курить, и кто-то по его просьбе вставил в губы прикуренную сигарету. После нескольких затяжек пепел стал падать на лицо. Но Дима ничего не мог с этим поделать — ни повернуть голову, ни отодвинуться. В этих, казалось бы, ничтожных, пустяковых эпизодах, как в огромном кривом зеркале отразилась вся его беспомощность, вся та пропасть, которая отделяет здорового человека от инвалида, неспособного сделать простейшее движение.

Нет, братишки-собровцы не были закоренелыми эгоистами, они, как могли, заботились о товарище, всячески старались ему помочь. Но ЭТО невозможно представить, понять и прочувствовать, не оказавшись по ту сторону черты. Даже маленький дискомфорт давит на психику, лишает моральной устойчивости, так необходимой в борьбе со смертью. А уверенная поддержка друга ложится на раны невидимой, но целительной повязкой.

В Ростове Матвеев вновь удивлял врачей и медсестер своей невероятной волей и жизнелюбием. И за мастерство медиков платил не просто признательностью. Лучшая награда для профессионала — увидеть, что тебе удалось выполнить работу по высшему

классу, сделать практически невероятное. И Дима оправдал их надежды.

— Ты знаешь, там жара была. Девочки в реанимации все молодые, в коротких халатиках на голое тело. Иная так засветится, что начинаешь думать: «Э, брат, нам еще есть смысл побороться за жизнь!» Может, если бы женщины постарше были, захотелось бы поплакаться, чтобы пожалели. А тут неудобно как-то было раскисать, стыдно. Я думаю, что в реанимацию специально надо молодых и красивых девчонок набирать. У мужиков тогда точно выживаемость резко повысится...

Прилетела мама. Дав жизнь Дмитрию и подняв его на ноги один раз, она вместе с сыном оказалась перед тяжелой необходимостью повторить все сначала. Что пришлось пережить матери, и какой мерой можно измерить ее боль и мужество, умом можно понять, но прочувствовать — вряд ли. Ясно одно: свою волю и бойцовские качества Дима во многом позаимствовал именно у нее.

Но именно в этот период у него все чаще и чаще стали возникать мысли о самоубийстве.

— В такой ситуации это естественно. Особенно, когда чувствуешь свою беспомощность, когда осознаешь, чего ты лишился. Причем эти мысли — вполне конкретные и деловые. Думаешь: «Эх, косая, ну что тебе было врезаться на десять сантиметров повыше и кончить все разом!» Сейчас, четыре года спустя, тоже бывает, иной раз психанешь: мол, пошло все к черту, надоела такая жизнь! Но это просто всплеск эмоций, для разрядки. А тогда спокойно и деловито продумывал, как вскрыть вены, жгут какой-нибудь на шею закрутить, а лучше всего — раздобыть что-нибудь для инъекции. Главное — умереть, по возможности, надежней и безболезненней. Боли-то я нахлебался уже с избытком. Может быть, я и не прав, но думаю, что инвалиду с врожденными недостатками проще. Он с начала жизни привыкает к мысли о своих ограниченных возможностях. А когда ты молод и здоров, когда уже вкусил все радости и мечтаешь о будущем... Такой удар перенести очень трудно. Я думаю, что многие пацаны, погибшие от такого же ранения, как у меня, просто не захотели жить дальше. Необязательно ведь специально убивать себя. Когда и так висешь между небом и землей, достаточно просто отказаться от борьбы. А я решил жить. И не просто жить, как жалкий инвалид, а вернуть-

Новая победа Дмитрия Матвеева

ся к настоящей жизни, достойной человека и мужчины.

Это была главная победа. Именно сила духа и жажда жизни играют решающую роль, когда человек завис между жизнью и смертью. Не отказавшийся от борьбы, решивший жить, усилием воли способен удержать себя на краю черной пропасти. И родные, друзья, просто неравнодушные люди, находящиеся рядом, своей энергетикой подпитывают его. Те самые «нематериальные» понятия, которые мы так долго отрицали, та самая «мистика», которая до сих пор у многих вызывает иронические усмешки.

После Ростова была Москва, центральный клинический госпиталь МВД. Потом родной Магадан, куда Дмитрий вернулся второго ноября девяносто пятого. В стационаре БПО УВД для него была оборудована отдельная палата. В ней, кроме специальной кровати, были установлены и простейшие тренажеры для восстановительных упражнений.

Часть спинного мозга выше места разрыва была контужена, травмирована ударом, но она могла восстановить свои функции. И каждый заработавший миллиметр этой ткани снова «включал» нервы и мышцы на определенном уровне. Вот за эти миллиметры и шла борьба.

Многие ли из нас способны заставить себя сделать обыкновенную физзарядку каждое утро?

Дима начинал с простых шевелений пальцами рук. Медицинские процедуры перемежались многочасовыми, изматывающими упражнениями. Небольшие подвижки и удачи следовали за черными волнами отчаяния.

— Когда нужно было учиться пересаживаться самостоятельно из коляски в кровать, я думал: «Нет, это просто невозможно». Я видел впереди беспросветную и тоскливую жизнь в кровати.

Но он не прекращал тренировок. Не забывали друзья. Все время были рядом родные. Вкладывали в мужественного пациента весь опыт и профессионализм свои, магаданские медики. Но главный фронт сражений проходил в его собственной душе. Укреплялась воля. Позвонки одевались в мышечный корсет. Крепли включившиеся в работу мускулы. И однажды он наконец-то пересел в коляску! Не надо говорить, насколько это расширило рамки окружающего мира, какие новые возможности дало.

Право на внимание и достойное отношение людей к себе надо заслужить. Запившему, опустившемуся, отказавшемуся от самого себя человеку подают милостыню. А в борющемся, укрепляющего своим примером даже здоровых и благополучных окружающих — вкладывают деньги. Потому, что он перспективен для общества, вызывает уважение и чувство морального превосходства.

Администрация области, союз афганцев, товарищи по службе и просто земляки собрали 50 тысяч долларов. Сумма невероятная для одиночки, но вполне подъемная для множества людей, объединивших свои усилия вокруг достойного человека. И Дима полетел в США для прохождения курса реабилитации.

Американский врач встретил его в инвалидной коляске. Доктор Эрик Карлссен, будучи еще совсем молодым человеком, неудачно нырнул со скалы в море. Перелом позвоночника, неподвижность, инвалидность...

— Хочешь, я покажу тебе, как я сажусь в машину? — спросил Эрик и ловко, привычно проделал этот акробатический этюд.



Судьба

Дмитрий решил, что у него поражение где-то в нижних отделах позвоночника, а значит, работает весь корпус: «Ну, конечно, с такой травмой, как у вас, можно любые трюки выполнять...»

Эрик засмеялся:
— Дима, у нас с тобой одинаковая травма. Седьмой позвонок, сантиметр в сантиметр. А это значит, что ты будешь уметь все, что умею я.

В Америке никто Диму не жалел. Никто не агитировал, ни в чем не убеждал. Не проводил психотерапевтических сеансов — языковой барьер. Его просто учили, как можно жить с такой травмой.

Эта встреча, общение с людьми, которые не просто честно отработывали свои деньги, но и стали искренними друзьями Дмитрия, в корне изменили его мировоззрение.

— Глупо ругать ребенка, разбившего чашку. Никто этого не хотел, но это уже произошло. И что-то изменить невозможно. Нужно попытаться склеить то, что еще можно склеить, или просто выбросить осколки. И жить дальше. То, что у нас воспринимается, как конец жизни, в цивилизованном мире — просто жизнь. Несколько иная, более сложная, чем у других, но настоящая жизнь. У каждого подъезда есть съезд для колясок. Никто не тарашится, не тычет пальцами. Обычные люди, только на колясках. Они — непрременные и обычные участники всех торжеств, гуляний, дружеского общения. А у нас: люди на колясках, где вы, а! Да, мы бедней,



у нас меньше возможностей. Но это же не значит, что их нет совсем! Неужели невозможно сделать пандусы?

У доктора Карлссена свой дом, машина, престижная высокооплачиваемая работа, жена и двое детей, родившихся уже после аварии.

Нечестно осуждать людей, которые, лишившись «всего лишь» руки или ноги, теряют себя, опускаются. Никто не имеет морального права оценивать ситуацию, в которой не был сам. И подход Дмитрия к этой проблеме — урок высокой человеческой нравственности.

— Ты знаешь, в Штатах со мной проходил курс реабилитации парень, сломавший шею после падения с мотоцикла. Он вообще мог только чуть-чуть голову поворачивать. Я тогда подумал: «Боже мой, да по сравнению с ним мои возможности просто безграничны». Терять жизнь из-за того, что ты не так здоров и красив, как был раньше — очень неправильно. Здесь многое зависит от воли самого человека. Но важно и то, как выстраивается жизнь после ранения. Я вернулся в свой город, где у меня — товарищи по службе, которые со мной вместе прошли войну, понимают меня с полуслова. Сейчас я уже не нуждаюсь так остро в поддержке. А ведь вначале было очень важно, чтоб меня не жалели, а просто общались, отвлекали от черных мыслей, втягивали в жизнь. У меня пусть не очень шикарная пенсия, но на нее можно жить. За выплаченную компенсацию купил хорошую квартиру. А возьми солдатика срочной службы... Компенсация — мизер. Пенсия — гроши. Уж не говорю про поездки в реабилитационные центры. Уходит здоровый деревенский парнишка, еще ребенок, а возвращается искалеченный мужик, которого не очень-то понимают даже прежние друзья. Тут и государству нужно принимать серьезные решения. И родных нужно учить, как человеку душу лечить в первую очередь. И всем нам надо работать, чтобы приблизить ситуацию к такой, какая существует в цивилизованных обществах... И все же, первый, кто может человеку помочь — он сам. Нет ничего недостижимого. Надо понять то, что понял я: жизнь бывает разной, и в любой жизни есть радости и победы. Просто надо жить.

Не все, конечно просто в жизни Дмитрия и сегодня. Есть проблемы, которые он сам решить пока не в состоянии.

В доме, где он живет, нет пандуса. Дом новый, строился уже тогда, когда вся страна вешала о правах и свободах граждан. Может быть строители, или жилищные органы решат вопрос о расширении свободы для одного, вполне конкретного гражданина?

Дмитрий самостоятельно освоил компьютер. Первую «машину» ему подарила магаданская городская администрация. А недавно друзья при поддержке спонсоров вручили новый «комп». Сбывались одна за другой мечты — модем, электронная почта, и (уж совсем фантастика) — Интернет. Правда, Интернет в его распоряжении всего лишь несколько часов в неделю, но это — новый прорыв в новую жизнь. Окно в мир. Недавно он, по приглашению друзей, побывал в гостях в Якутии. Вернулся полный новых впечатлений и надежд.

Одно из любимейших изречений у Дмитрия — древняя китайская мудрость: «Если хочешь накормить человека, дай ему не рыбу, а удочку».

Безусловно, Дмитрий достоин поддержки. Но дело не только в нем. Каждый из тех, кто сегодня защищает — или собирается защищать Отечество, внимательно наблюдает за тем, как складываются судьбы коллег и товарищей, отдавших Родине свое здоровье. Как живут семьи тех, кто погиб. И от итогов этих наблюдений напрямую зависит ответ на вопрос: «Стоит ли служить такому государству?».

Если мы не готовы помогать таким, как он, то получим продолжение кровавых уроков Дагестана, американских терактов и новых «Норд-Остов».

Даже в мирной жизни чуть ли не каждый день несчастье обрушивается на кого-то из людей. А ведь у нас в стране идет война. Сотни искалеченных мальчишек сегодня задают себе вопрос: «Стоит ли жить дальше? И как жить?». Они находятся только в самом начале того огромного и тяжелого пути, который уже прошел Дмитрий.

Трудно предсказать, кем станет Дима в будущем. Ясно одно: он уже состоялся как личность и значит, он, с его бесценным опытом борьбы за достойную жизнь, сам может служить опорой и поддержкой для других людей. Он уже сегодня консультирует по переписке тех ребят, которые начали свою борьбу за новую жизнь. Те, кто оказался в такой же сложной ситуации, кому нужен добрый совет, могут ему написать. Его E-mail: Magadan42@mail.ru Только

просьба: не теревить Дмитрия пустыни, пусть и добрыми словоизлияниями. Он — человек очень скромный, да и отвечать на бесчисленные письма ему пока тяжело.

Жизнь продолжается. Жизнь ограниченного движения, но безграничной силы духа.

А это значит — будут новые победы.

Валерий Горбань, г. Магадан,
31 января 1999 года

Постскриптум с шестилетней выдержкой

Вчера я снова побывал в гостях у Дмитрия. Нет, это был не второй визит через шесть с лишним лет. Все эти годы мы продолжали общаться и даже работать вместе. Линия «Дэна» — практически полная история Дмитрия — в моем новом романе «...И будем живы» рождалась тяжело. Я продумывал вопросы. Дима отвечал на них. Просто и безыскусно. Но, в этих простых словах было столько глубины, а порой и боли, встречались такие образы, что порой становилось физически тяжело пропускать через себя эти незатейливые строки.

Шла работа над книгой. А параллельно шла другая жизнь — опережающая события романа на десять лет.

Невероятная духовная мощь Дмитрия заставила жизнь прогнаться под него. Состоялась та самая встреча, о которой он мечтал. В городе Якутске жила красивая, удивительно доброжелательная женщина по имени Женя. С Дмитрием они познакомились по Интернету. Завязалась переписка. Женя чувствовала, что ее заочный собеседник — человек непростой, что их переписка — не заурядный виртуальный роман. И, когда наступил момент истины, когда Дима написал ей все



о своей жизни, о своем реальном положении, она не отступилась, не ударила в панику или, хуже того, в сочувственно-жалостливый тон. Она нашла возможность приехать к Дмитрию в гости в Магадан.

А потом Дима поступил, как нормальный любящий мужчина: не дождавись срока, оговоренного во время приезда Жени, приехал к ней в Якутск. Помогли братья-соборвцы: и магаданцы и якутяне.

Свадьбу сыграли в Магадане. В позапрошлом году молодые переехали в Москву, поближе к живущим здесь родителям Жени и к центрам самой современной медицины.

А вчера мы с Димой не только обсуждали вопросы нашей текущей работы, но и выпили на кухне снимасмой ими квартиры по три стопки хорошей водочки с перцем. Закусывали пельменями, которые нам быстренько сварила Женя. Быстренько, потому что некогда ей было возиться со здоровыми взрослыми мужиками. За стенкой пищал, кряхтел и, наконец подал в полную силу голос, требуя своей обед, Юрий Дмитриевич Матвеев, появившийся на свет чуть меньше месяца назад!

Вот такой вот сюжет.
И это — не придуманная фабула новой части романа. Это — реальная жизнь настоящих, любящих и невероятно мужественных людей.

Но я хочу не просто в очередной раз выразить свое восхищение этой парой. Рождение малыша и наследника — не только огромная радость, но и огромная ответственность. Несомненно, обострятся материальные проблемы. Женя пока не сможет работать, ухаживая за малышом. Придется жить на скромную пенсию Дмитрия и его небольшой приработок. Они сдюжат. Не сомневаюсь. Они сумеют продержаться пару лет, пока Женя не сможет снова пойти на работу, а Дима освоит новые, более квалифицированные и более высокооплачиваемые компьютерные операции. Им не привыкать жить в спартанской обстановке и отказывать себе во многих простых радостях жизни, чтобы не поступиться главным: правом Димы на настоящую человеческую жизнь.

Но если кто-то захочет им помочь, то сегодня эта помощь будет как нельзя кстати.

Давайте попробуем и мы, каждый из нас, совершить свой маленький подвиг: пройти сто или двести метров до сберкассы и перечислить любую посильную сумму на счет Дмитрия

Новая победа Дмитрия Матвеева



в Сбербанке. Недокупить бутылку водки, не растрять на безделушки, не проиграть «однорукому бандиту».

А просто взять и поделиться своим благополучием с людьми, которые этого более чем достойны.

Дима уже научился делать очень элегантные сайты. Заказывайте Интернет-сайты у Димы, получите двойное удовольствие, обретя толковый сайт и дав возможность подзаработать своему товарищу. Личный сайт Димы — <http://www.dimat.ru/>. Другие примеры работ Дмитрия — <http://vgorban.ru/> (сайт В. Горбаня) и <http://priorskdi.ru/> (детский дом в Калининграде).

Дмитрий не знает, что я пишу эти строки. Его реквизиты я взял в бухгалтерии издательства, которая по безналичному расчету перечисляет ему заработанные суммы. Но, не думаю, что он сильно обидится на меня и на всех своих новых друзей. В конце концов на Руси принято дарить подарки новорожденному. А пока у Матвеева-младшего нет своего счета в банке, придется ему пользоваться маминим...

МОСКОВСКИЙ СБ РФ Реквизиты для рублевых перечислений:

Царицынское ОСБ 7978/01631
Расч/сч 30301810938000603806
В Сбербанке России
Кор/счет 30101810400000000225
БИК 044525225
ИНН 7707083893
КПП 774401001
ОКПО 00032537
Л/СЧЕТ 42307.810.7.3806.4712080
Матвеева Евгения Геннадьевна

Афганистан



Артем Шейнин

Сержант. Участвовал: Афганистан

http://artofwar.ru/s/shejnin_a

КОРКА

Закончилась январская операция на Нарай. Операция, ставшая последней для семнадцати парней из первой роты...

Мы вернулись в бригаду, и все пошло своим чередом.

Подъемы, построения, строевая, стрельбы, наряды, уголь, дрова, снег...

Опять докапывается по поводу и без повода замполит, опять идиотский запрет в течение дня даже садиться на койку, опять опостылевшие консервы и сечка с салом, которую есть нам уже давно «не положено».

Опять вечные кошки-мышки между замполитом и «шнурами», отправленными на пекарню за хлебом и жарящими в укрытии за палаткой картошку.

Обычная жизнь 2 парашютно-десантной роты. От которой хочется как можно быстрее снова свалить «на войну».

Обычная жизнь обычной воинской части. Как будто и нет никакой войны...

Но она рядом. И даже в бригаде нет-нет, да и напоминает о себе.

«Градами» из артдивизиона, периодически с завыванием улетающими куда-то за Гардез, вспышки от которых где-то там, далеко, оставляют

только догадываться, уцелело ли там хоть что-то живое...

Духовскими РСами и минами, прилетающими порой со стороны Гардеза и окрестностей, от которых предполагается бежать в укрытие за палаткой, но никто и не думает этого делать...

И пустующими кроватями в палатках первой роты, заправленными «по-белому», с лежащими на них беретами.

В этих беретах уже некому ехать на дембель. На этих койках некому спать.

Эти парни не вернулись с Нарая.

Для нас эта трагедия — уже прошлое. Бой с мифическими духами на Нарас подвел под ней черту.

Голова здесь работает по-другому, по-другому дышит душа. Обрастает она коркой, панцирем защитным. Не пропускает в себя боль и скорбь. Да нет, пропускает — только реагирует на них не так. Как при анестезии реагирует — боль ощущаешь, но как-то приглушенно.

Не знаю, как этому учатся, но выучиваются все. Каждый по-своему. Каждый в свое время. И не сразу понимая, что это не бездушные, а попытка душу спасти...

Теперь, пробыв здесь полтора года, я совсем по-другому оцениваю сделанное НачПО (начальником полтотдела бригады) Кузьменко год назад.

Тогда, в январе 85-го, после Алихейля, заправленная «по-белому» койка с беретом была в нашей палатке. Койка Гришина.

Я один в палатке. Рота на занятиях, но меня освободили — намятая еще на операции портянками нога начала гнить, и теперь я «калич» — на одной ноге у меня вместо сапога тапок.

Припахать работать на улице наряд меня не может (точнее опасается). Все, что можно было сделать для наведения чистоты в палатке, я сделал. Точнее, почти все. Оставил немного «нюансов», чтобы достоверно изображать «шуршание», если кто войдет.

Вот, как раз, кто-то зашел в тамбур...

Дверь распахивается.

Ничего себе «кто-то» — это ж НачПО. Целый полковник!

В бригаде их всего два. Зампотыла я как-то видел уже вблизи, а этого впервые. Хотя слышан, ого-го!

Слово «НачПО» каждый солдат, прослуживший больше года, произносит с ненавистью и страхом. Офицеры — с угрозой и намеком на возможные большие неприятности.

После прибытия в бригаду я долго не понимал причину такого отношения. Потом понял. Оказывается, считалось, что НачПО бескомпромиссный и неутомимый борец с неустанными отношениями и что пойманных на этом карает нещадно, невзирая на лица и заслуги. Как «залетевших» солдат, так и «допустивших» офицеров.

Уж как он там боролся, кого и как ловил и карал, не знаю. На нашей жизни его борьба никак не отражалась. Хотя общий священный ужас перед НачПО передавался со временем и нам, «шнурам», встретиться с ним тоже совсем не хотелось. Пойди по-

том докажи, что ты ничего ему не настучал и что тех, к кому он почему-либо докопался, «закозлил» не ты...

В общем, от визита этого ничего хорошего я не жду.

НачПО внимательно оглядывает меня.

— Почему в тапке?

— Натер ногу, ташполковник!

— Сколько ты здесь, солдат?

А то, блин, ты не видишь, сколько я здесь... По рукам моим, по х/б, по волосам. Да и по выражению лица, наверное.

— Полгода, ташполковник.

— Точно натер ногу?

Смотрит так внимательно. Намекает, что мол, может, обидел кто? Ага, «дедушка» мне пятки чесал и увлекся, вот в тапке теперь ковыляю...

— Так точно, на операции. Портянками, ташполковник.

— Что вас, портянки не учили наматывать? А что же старшина, замкомвзвод?

Я предвижу, чем чревата его забота в случае привлечения к ответу старшин, и особенно замкомвзвода, и резко действую на опережение.

— Да я из Москвы, ташполковник, никогда портянок не видел раньше. Нам всем хорошо объясняли, ребята научились. А я не успел. А тут операция.

— А-а, москвич...

Уж не знаю, что он там в это время подумал, но от меня отстал. Глазами по палатке шарит — к чему бы докопаться. Но я-то знаю, не к чему...

— А что там за кровать с беретом?

— Это рядового Гришина, товарищ полковник. Погиб на Алихейле.

— Так уже сколько времени-то прошло. Убрать!

Я слегка остолбенел от такого приказа. А он от того, что я стою, и не выполняю.

— Солдат, я сказал, заправить койку, как положено, берет убрать!

Понуро плетусь к койкам первого взвода. Первый взвод, за исключением Пахова и Мордвина, весь одного с Гришиным призыва. Многие его знали еще с Ферганы. Представляю себе, как отреагируют парни, вернувшись в палатку, на мою инициативу.

Заправляю койку «по-черному», кладу берет на тумбочку. НачПО уходит с сознанием выполненного долга.

«Вот козел! — думаю — Парень погиб, а ему по фигу. Его только порядком волнуется...»

И мне сейчас плевать, что я огребу по возвращении роты. Мне обидно за то, что так наплеватьски от-

носится НачПО к памяти погибшего солдата.

Да нет, прав, прав был тогда полковник Кузьменко. И жестокая эта правда в том, что если не нарастишь на душе корку защитную — заболеть может душа.

Если каждую смерть переживать как реальную...

Каждую потерю как невозполнимую...

Если не стараться забыть, а стараться помнить...

Но кто думает, что проще так, с коркой — ошибается. Не вечная она.

Потому и не лечит время. Потому, спустя двадцать лет, порой выть хочется, как тогда не хотелось. Прорывается наружу все спрятанное, коркой той закрытое. И ужасаешься теперь сорокалетнему тому, что тебя же, двадцатилетнего, не «пробило» тогда.

И то, что казалось тогда неизбежным, кажется теперь невозможным.

Потому и вспоминаем, вспоминаем, вспоминаем...

В январе 85-го мне казалось, что полковник Кузьменко просто бездушная скотина.

Что как же можно так походя зачеркнуть память о человеке?

Что как же можно гибель человека превратить в обыденность?

А в новогоднюю ночь 86-го я уже как вполне «житейские» выслушал рассказы ребят из третьего взвода, вернувшегося с операции куда-то в район Кунара.

В бригаду они попали уже часов в 6 вечера 31-го, успели наскоро помыться, привести себя в порядок — и в Ленкомнату, отмечать.

Вот там, после боя курантов, после праздничного плова и Si-Si, когда вышли мы на улицу, кто покурить, а кто «курнуть», и рассказал Белый нам с Пахомом, как спешила домой бригадная колонна, как были подрывы, как обгоревшие тела забрасывали они в кузова «Уралов» и как гулко звучали в морозном воздухе удары мертвых, замерзших тел о металлический пол...

Они успели на Новый Год, они помылись и сели за стол, они рассказывали это нам, как будто это не с ними было несколько часов назад.

А мы слушали, как будто это все не из нашей жизни, как будто это не каждый из нас мог оказаться этим заледеневшим обгорелым трупом...

Корка... А как еще?

Наверное, из-за нее же только спустя много лет «дошел» до меня

Корка



и непонятый в свое время скрытый смысл двух историй, связанных с гибелью ребят из первой роты.

Молодой

Перед Новым Годом в клубе бригады царил суета — готовили концерт художественной самодеятельности. Кто-то что-то рисовал, кто-то прибивал и вешал. Кто-то репетировал свой номер в углу зала или на сцене. Но все, кто был в зале, как-то разом замерли, притихли, когда со сцены вдруг зазвучала под гитару «Кукушка». Мы все знали эту самую афганскую из афганских песен, слышали ее много раз.

Но в исполнении сидевшего на сцене парня она звучала как-то настолько глубоко, настолько проникновенно, что нельзя было не замереть, не заслушаться его пением...

А он, склонившись к струнам, казалось, никого и ничего не замечал — так и допел до конца, не подняв головы. Да, наверное, никто из нас и не существовал для него в этот момент.

Никто из тех, кто оказался на эти минуты в его власти, власти его голоса и его песни.

Никто из тех, в чьей власти снова оказывался он с последним аккордом — ведь был он «шнуром» из разведвзвода первого батальона.

Прошло минутное очарование песней и сразу стало заметно и исхудалое лицо, и короста на руках, и засаленное х/б... Обычный «молодой»...

Я больше никогда не видел его — во всяком случае, не помню, чтобы видел. На самом концерте было не до того, даже не слышал, как он пел...

Ни лица не помню, ни внешности — только песня его осталась в памяти.

После Нового Года разведвзвод в который уже раз перестроили.

Афганистан

«Шнуров», как водится, раскидали по ротам, пытаюсь таким образом спасти от издержек педагогического рвення старослужащих-разведчиков.

ОН попал в первую роту. И почти сразу батальон ушел на Нарай...

Конечно, вы уже все поняли сами... Да, правильно... Так предсказуемо, что зубы скрипят...

Тем январским днем на Нарай именно ЕГО взвод отправился к броне за сухпаем. Он был одним из 17...

Я знаю — ничего нельзя предугадать. Уверен, тот, кто переводил его в первую роту, искренне хотел облегчить ему жизнь, избавить от издевательств.

Облегчил, избавил...

Понимаю — «если бы» не рассматривается.

Но до февраля, когда привозят молодых, оставался какой-то месяц,

И вот если бы.....

Ладно, не буду.

Лейтенант

То ли в ноябре, то ли в декабре 85-го случился в первой роте неприятный инцидент. Рота возвращалась домой с сопровождения. Колонну сдали, как водится, третьему батальону и ехали належке, стараясь, успеть побыстрее. На броне одной из БРДМ сидели лейтенант и двое солдат. Лейтенант все подгонял водилу: «Быстрее давай, чего тормозишь-то!»

За рулем БРДМки был Витя Вараксин, одноклассник мой по Фергане. Их у нас в первом взводе трое было, марийцев, — Олег Мартынов, Славик Чендемеров и Витя Вараксин. Такие все разные — но держались вместе.

Витя был невысокий и рыжий-рыжий, даже ресницы рыжие. На лице места свободного от веснушек не было. Таких по жизни дразнят. И еще говорил он как будто в нос немного. В сочетании со своеобразным марийским акцентом получалось и, правда, очень смешно. Уж не знаю, от этого



ли или просто по природе своей, был Витя очень молчаливым. И вообще — тихоня был.

Громадный «Малыш» — Пархоменко все потешался, смешно коверкая Витину фамилию в подражание Витиному же говорку: «Вяряксин, Вяряксин...»

Витя терпел-терпел молча, потом как-то там пытался «Малыша» заткнуть, но тот еще больше от этого расходился.

И уж тогда «вписывались» Мартын со Славиком. Да одного Мартына хватало. Хотя был он не намного крупнее Вити, но совсем другой — резкий, черноволосый, с раскосыми, дерзкими глазами. В принципе, Мартын был довольно мирным, но уж если заведется, лучше не связываться. Здоровенный, но по сути добродушный «Малыш», на этом сразу успокаивался и примирительно басил: «Ну, ты чего, Олег, я ж так, просто.»

Не знаю, как было бы Вите без Мартына и Славика, но судьба его миловала, попали они все в одну отpravку в Афган, а там в один батальон. Разве что Витя в первую роту, а Мартын к нам, во вторую.

Так что не пропал рыжий Витя Вараксин и у меня из виду...

Вот как раз на этого-то тихого и молчаливого Витю и давил нетерпеливый летюха. Давил-давил и давил. Потихоньку прибавлял, прибавлял Витя скорости — а куда деваться-то, когда у тебя над ухом офицер зудит и зудит...

В какой-то момент Витя машину не удержал, и БРДМ свалилась со склона, несколько раз перевернувшись. Оба солдата, сидевших на броне, погибли...

А Витя и лейтенант отделались легкими ссадинами.

И вот кто-то из них должен был за случившееся ответить. Витя в ожидании решения командования, что делать со всей этой историей дальше, оказался на губе. По идее, там же должен был оказаться и лейтенант. Но не оказался. Все-таки офицер...

И от командования его не отстранили. И на операцию в январе он пошел...

А Витю на операцию не взяли — он остался на губе ждать решения своей судьбы. Только вот судьба решила сперва обратить свой взор на лейтенанта.

В тот самый день именно его взводу выпала очередь идти за сухпаем...



Именно его, единственного офицера из убитых, не добили почему-то духи разрывной пулей в лицо.

И не сняли почему-то тот самый добела застиранный бушлат, кутаясь в который он недавно сидел на броне Витиной БРДМки...

После гибели лейтенанта, за отсутствием других виновных, за все ответил по полной программе Вараксин. Насколько мне известно, ему дали несколько лет. Как сложилась дальше его судьба, не знаю.

Знаю только, что в любом случае сложилась она в тот самый день, в тот самый момент, когда кто-то решил, что подозреваемый солдат должен сидеть, а подозреваемый офицер нет.

Наверное, этот кто-то искренне хотел помочь лейтенанту выйти сухим из этой неприятной истории. Думал, наверное, что одни боевые, другие — и кто там уже станет вспоминать досадную ошибку боевого офицера.

Что один действующий офицер для армии важнее, чем один солдат...

Тогда, в январе 86-го, я не задумывался над этим клубком судеб, тесно связавшихся в истории с гибелью ребят из первой роты.

Корка — она не дает задумываться. Особенно задумываться над судьбой, над тем, что каждый шаг, каждый поступок определяет множество других.

И только потом, спустя много лет, я стал осознавать, что мое отношение к жизни, к людям, к событиям во многом определяется среди прочего и этими, едва уловимыми в гуле воспоминаний и переживаний, историями.

Корка сошла, душа прикоснулась к запретному, и, оказалось, что и тот незнакомый мне молодой с его «Кукушкой», и тот лейтенант в выцветшем бушлате, и те совершенно незнакомые мне парни, погибшие 31 декабря по дороге с Кунара, были, есть и всегда останутся фактами моей личной биографии...

И несколькими из многих ран, от которых не уберезет душу никакая корка.



Виталий Скворцов

Участвовал: Дагестан, Чечня

http://artofwar.ru/s/skvorcow_w/

ШРАМ

Это случилось в конце декабря 1999 года. Наша рота уже больше месяца стояла заставой, блокируя Айрак — чеченский поселок, где по разведанным окопалось около шестисот боевиков.

Свободного времени была уйма, и я решил вести дневник, куда стал записывать все происходящее со мной.

Палатка постепенно наполнялась теплом оттого, что Юрка Городничев зарядил в печку новую партию дров. Прогорая, они шипели и потрескивали. Мы только что вернулись с поста, где продежурили всю ночь, и теперь имели право на законный отдых. Юрка вытянул озябшие руки к раскаленной трубе и с блаженством выпивал тепло.

Я не помню, когда мы с ним стали называть друг друга по имени. По-знакомились мы еще в Сызрани на призывном пункте, в душном кинозале, где слушали речь какого-то отставного полковника. Я обратил внимание на невысокого паренька, который сидел отдельно от всех. Он был совсем один, и мы с радостью взяли его в свою компанию.

Потом был курс молодого бойца, учебка, и вот мы здесь, в оперативной бригаде. Куда на скорую руку собрали солдат со всего округа, чтобы потом отправить в Дагестан.

Кроме нас в палатке был еще Леон — Серега Леонов. Леон — наш снайпер, и как всякий снайпер, очень трепетно относится к своей винтовке, ухаживая за ней, как за девочкой. Он сидит на нарах и чистит свою СВД, трет ее ветошью пропитанной соляркой, тщательно обрабатывая каждую деталь, потом все смазывает маслом и собирает оружие.

— Где ты это взял? — удивленно спросил я Городничева, когда увидел, как он разворачивает газету.

— А..а, — отмахнулся Юрка. — Немов вчера с Калинин-аула привез, они туда с замполитом в баню ездили, в ПВД им не моется, все приключений на свою жопу ищут.

Мы так долго сидели в горах, что совсем отвыкли от цивилизации, и свежая пресса была каким-то чудом. Доказательством того, что где-то еще существует другая жизнь, другой мир. Где люди не мерзнут в палатках и не ищут целыми днями дрова для того, чтобы выжить.

Юрка нахмурил брови на своем широком лбу и полностью ушел в чтение.

— Ну, что там пишут? — нетерпеливо закончил Леон.

— А вот и пишут, что теперь у солдат в Чечне есть все, чтобы не было холодно: спальные мешки, шерстяные одеяла, теплые вещи...

— Ха! — перебил его Леон. — У нас на всю роту пять спальных мешков и три одеяла!

— Ну вот, смотри, здесь так написано: командующий Объединенной группировкой войск на Северном Кавказе генерал Казанцев посетил военный лагерь в станице Гребенская республики Чечня. Его сопровождал наш репортер Роман Арбузян... — Юрка замычал, пропуская неинтересное, — так, вот, ...все солдаты получили новое обмундирование и новую обувь...

— Ха! — вновь перебил его Леон. — Посмотрите на мое новое обмундирование!

Он встал во весь рост, чтобы стали видны его лохмотья. Вид у него был действительно жалкий: штаны разорваны и изпод многочисленных дырок видна зимняя подкладка, рукава у бушлата протерлись и висят бахромой, а прожженная шапка на голове придавала ему сходство

с партизанами Великой Отечественной. Образ довершали валенки с загнутыми сверху носами.

Городничев укоризненно посмотрел на него и продолжил:

— Командующий в целом остался доволен увиденным... Боевой подготовкой солдат и офицеров, добросовестно выполняющих свой воинский долг.

— Ха! — в очередной раз воскликнул Леон, но что-либо сказать не успел, потому что в палатку ворвался возбужденный Судак.

— К бою! Все к бою! Начался штурм!

Над чеченским селом то и дело мелькали яркие вспышки. Эхо взрывов сплошной канонадой отражалось в горах. Десантники начали штурм Айрака. Весь день над селом летали вертушки, выпускающие ракеты, оставляющие огненный след, а ночью работали минометы. Зарницы то и дело освещали темное небо. Потом в селе начался пожар, и можно было разглядеть крохотные язычки пламени.

Где-то там дерутся десантники. Их обстреливают из каждого дома, они прижимаются к стенам и, пригибаясь, бегут вперед.



Шрам

Чечня

Рядом со мной в окопе стоит Бем, не знаю, почему его так прозвали.

— Что ты там все пишешь? — спросил он, увидев мою тетрадь.

— Письмо... Домой, — краснея, ответил я и спрятал дневник во внутреннем кармане бушлата.

Старший лейтенант Немов пытался придать своему широкому лицу острое выражение, торжественно расхаживая перед строем. Бушлат туго обтягивал его круглое брюхо, ноги коротышки были кривоваты, и он не ходил, а буквально катался по земле, будто колобок. Его маленькие глазки шустро поблескивали из-под стекол массивных очков.

Немов был в Чечне первый раз, приехал только три недели назад и стал командиром роты после отъезда капитана Шилкина. Солдаты не любили его за то, что он постоянно избивал молодняк по поводу и без. Многие хотели разобраться с ним, а некоторые даже грозилась «завалить» старлея на первых же боевых.

— Десантники несут большие потери! Нам приказано войти в село с восточной стороны и выбить боевиков с окраин! Одновременно защищаем дома. С нами будут работать офицеры Уральского СОБРа, во всем их слушаться и подчиняться! Все! Сержантский состав ко мне, остальным готовиться!

Сказав это, Немов ушел в палатку, сержанты поплелись за ним. А мы еще долго стояли на месте не зная, что делать.

— Расступись!

Резкий гудок автомобильного сигнала заглушил крик команды. Мы, толкая друг друга, разбежались в стороны. Два «Урала», почерневшие от грязи и пыли, прокладывая колею, остановились на месте нашего построения. На них, прямо из Хасавюрта, приехал Челябинский СОБР.

Вид у СОБРовцев был озабоченный, лица серьезные. Никто не шутил. Они молча набивали эрдешки дополнительными боеприпасами. Краем уха я подслушал их разговор.

— Что серьезное дело? — спрашивал молодой высокий летеха у своего командира.

— Серьезней не бывает, давно такового не было.

Я тоже решил готовиться. Подойдя к БМП, выкинул из мешка все лишнее: противогаз, ОЗК, плащ-палатку. Кому теперь все это нужно? Начинается настоящая война! Вернул запалы, которые мы всегда храни-

ли отдельно от гранат. Из раскрытого цинка зачерпнул рукой патроны и высыпал в вещмешок.

— Ты чего? — спросил Леон, наблюдавший за моими приготовлениями. — Это ведь просто... зачистка.

— Зачистка? А все СОБРовцы в бронжилетах!

Я набил разгрузку магазинами, подобрал каску и набрал полную фляжку воды. Все, теперь я готов. Готов пойти в бой и умереть за целостность нашего государства.

Нас разбили по группам — структура села не позволяла действовать взводами. Я очень обрадовался, когда попал в одну группу вместе с Леоном и Шабаном. Еще с нами шли Судак и Чурил, а из СОБРов молодой Тимоха и сорокалетний Василь, которого все в шутку называли Старый Опер за его милицейское прошлое. Когда-то он работал сыскарем в уголовном розыске. С нашей последней встречи Василь сильно похудел и осунулся, но даже тяжелый быт командировки не смог убить в нем любви к чистоте и опрятности. Его защитная форма была безупречной, португеза ремня блестяла.

Тимоху я почти не знал, он только недавно прибыл с новым пополнением. От него постоянно несло перегаром. Его могучие челюсти работали, губы двигались во все стороны — он жевал шоколадный батончик. В руке оставался мокрый огрызок.

Для того чтобы зайти в Айрак с восточной стороны, нам надо было спуститься с высотки, перебраться через ручей и карабкаться в гору. Техника пройти здесь не могла, и БМП пошли по дороге с юга.

Никто не знал плана операции, карта села была только у Немова, единственная рация тоже у него. Попади хоть одна группа в засаду, на помощь рассчитывать ей не приходилось.

Мы молча спускались вниз, чтобы атаковать врагов на окраине.

Утро было туманным, и я еще раз поразился этому: неподходящая погода для снайперов. В последнее время чехи все чаще стали использовать винтовки «Взломщик», калибра 12 мм. Прицельная дальность около трех километров! Зато у нас такого оружия не было.

Подъем в гору оказался очень трудным, мы тонули в грязи и скользили вниз по сырой траве. Шли. Мучались. Каждый шаг был пыткой. От сильного напряжения и усталости лица превратились в гримасы.

Сгорбившись, мы медленно ползли вверх.



— Когда же? Ну, когда же? — стоял Шабан, еле-еле волооча за ручку тяжелый пулемет. Приклад тащился по земле, собирая за собой кучу грязи.

Наконец, за холмом я увидел черепичные кровли домов — начинается поселок. Мы карабкаемся к нему, а он как будто с каждым шагом отступает. Это невыносимо.

— Да тише вы там! — яростно прошипел Старый Опер, когда Лешка Судаков, не удержавшись на ногах, упал на колени. Василь первым поднялся на холм и теперь, лежа на земле, следил за пустынной улицей, в которую уперлась наша группа.

— Вроде бы тихо... Пошли, — подав сигнал Старый едва заметным движением руки. И мы, поднявшись, вошли в село.

— Ничего сосунки, — подзуживал сзади Тимоха. — Родину защищать — это вам не в тапки сать! Здесь вам прочистят мозги от сидения на заставе! Сразу обосретесь, салаги!

Тимоха постоянно прикладывался к фляге с водкой, и был уже заметно под шафэ.

Мы вышли к первому перекрестку и уже собрались начать обыскивать дома, как вдруг ударила пулеметная очередь. Я упал, стараясь как можно сильнее прижаться к земле, остальные последовали моему примеру. На соседней улице завязалась перестрелка, на мгновение утихла и вспыхнула вновь. Раздались разрывы ручных гранат.

Я осторожно поднял голову. Пулемет долбил из открытого окна на первом этаже двухэтажного дома. Пули со свистом впечатывались в грязь. В ушах стоял треск очередей.

Василь залег, укрывшись за деревянным сортиром во дворе. Когда началась стрельба, он успел пробежать вперед и спрятался там. Теперь пулемет не давал ему высунуться, щепки от нужника разлетались во все стороны.

Шрам

— Подъем! — заорал откуда-то сверху Тимоха. — Вы, что хотите, чтоб вас всех тут перестреляли?!

В его голосе чувствовалась сильная ярость.

— Подъем!

Огонь был настолько сильный, что подняться на ноги и бежать казалось просто невероятным. Но другого выхода нет. Я вскочил, перебарывая желание снова броситься в грязь, и побежал. Бежал под пулеметным огнем, бежал, сам не зная куда.

— Сюда! Сюда! — я заметил Тимоху справа, он кричал и махал мне рукой. — Сюда!

Я резко поменял направление и рванул к нему, на ходу успев послать короткую очередь в сторону раскрытого окна. Через несколько секунд залетел за дом, куда не мог достать пулемет. Леон, громко сопя, бежал за мной.

— Наконец-то!

Тимоха высунулся из-за угла и начал долбить короткими очередями, но тут же сполз с простреленным плечом.

— Черт, снайпер! — заорал он, отползая назад. — Чемба, снайпер! На втором этаже!

У меня похолодело внутри, в груди все опустилось вниз. Я высунулся из-за угла и дал очередь. Главное стрелять, неважно куда. На втором этаже действительно кто-то находился. Снайпер не высовывался в окно, он стоял в глубине комнаты. Я направил ствол автомата туда, тень исчезла. Зато пулемет развернулся ко мне. И, уже причесав назад, за угол, я боковым зрением заметил, как Василь, выбравшись из своего укрытия, гигантскими шагами бежит к окошку. Подбежав вплотную, он швырнул гранату, попав прямо в лицо оторопевшему боевику,

а сам бросился на землю, прикрывая голову руками. Взрыв разметал все в доме и вместе с осколками стекла вырвался на улицу. Столб пыли и извещки выбросило вместе со слетевшей с петель дверью. Грохот резанул по ушам.

«Бежать! — мелькнула мысль, в моей голове. — Надо бежать, там еще один, снайпер, на втором этаже!»

Я рванул к дому, перепрыгивая через какие-то коряги и мусор. Дверь неожиданно отворилась, и прямо мне навстречу высочил боевик, тот самый. В руке у него была СВД. Мы столкнулись с ним нос к носу. Я выстрелил сходу. Несколько пуль попали «чеху» в живот. Он вскрикнул и рухнул мне под ноги, я же споткнувшись об него, упал и ударился о косяк, чуть не выронив оружие. Вскочив, развернулся и увидел, что Леон, бежавший за мной, уже держит боевика на прицеле.

«Чех» лежал на земле и хрипло дышал широко раскрытым ртом. Бледное лицо исказила страшная гримаса боли. На светлой куртке расплывалось багровое пятно. Леон упер ему в горло ствол своей винтовки, они смотрели друг другу в глаза. Леону никогда не приходилось убивать на таком расстоянии, все чаще он видел врага в оптический прицел. Там нельзя разглядеть глаз. Он медленно отвернул голову в сторону и спустил курок. Грохнул выстрел. Леон продолжал стоять, отвернувшись с зажмуренными глазами. Я вышел из оцепенения. Бежать!

В следующем дворе в какой-то канаве отстреливались два чеха. Судак, укрывшись за небольшим забором, поливал их из автомата.

— Чемба, за мной! — услышал я голос Василя. Мы залетели по лестнице на второй этаж. В комнате на вер-

ху стоял только стол и пара стульев, другой мебели не было.

— Давай, окно!

Вывалив окно, мы начали обстреливать боевиков сверху. Те, оказавшись меж двух огней, бросились бежать по двору к следующему дому, но даже в густом тумане их темные фигуры хорошо вырисовывались на белом снегу. Василь убил их, когда до спасительного забора, сложенного из камня, им оставалось несколько метров.

Вроде бы все. На соседней улице стрельба тоже затихла. Теперь только на окраине иногда раздавались одиночные выстрелы. Мне показалось, что бой длился бесконечно долго, но, посмотрев на часы, я понял, что наш он шел не более пяти минут.

Чурил бился в истерике, оказалось, он все время пролежал во дворе под пулеметным огнем. Притворился мертвым и лежал, уткнувшись лицом в грязь. На нем не было ни царапинок, но он кричал и плакал как баба. И глаза... Меня поразили его глаза. Глаза у него были совершенно безумны.

— Перестань, солдат! — Василь врезал ему звонкую пощечину.

Чурил завыл еще сильнее. Он бросил свой автомат и закрыл лицо ладонями. Тогда Василь начал методично хлестать его по щекам. Тот стал закрываться руками. Потом прекратил плакать и только иногда судорожно всхлипывал.

Старый Опер молча протянул ему брошенный автомат и ободрающе похлопал по плечу.

Около угла дома лежал раненый Тимоха. Шабан разорвал ему рубашку и стал очень осторожно отрывать от почерневшей кожи обугленные лоскутки ткани. Вид раны был ужасен, это было кровавое месиво, в которое выстрел вогнал ключья белья.

Тимоха не стонал. Он попробовал пошевелить плечом и тут же вскрикнул от боли, но все же нашел силы улыбнуться. Правда, улыбка получилась кривая, вымученная. Он с трудом снял флягу с пояса, зажав ее между коленей, отвинтил пробку и долго-долгопил. Сразу запахло спиртом.

Потом он протянул флягу Старому.

— На, тебе, наверное, тоже не помешает. А вы идите, пасите все кругом. Рану мне перевяжет Василь. Кыш, отсюда!

Я понял, что Тимоха, просто не хочет, что бы мы видели, как он стонет, ведь мы для него были всего лишь сосунками.



Чечня

Необходимо было осмотреть близлежащие дома. Я, Василь и Шабан осторожно вошли внутрь одного, остальные прикрывали снаружи. В каждой комнате может быть враг, за каждой дверью — смертоносная растяжка. От нервного напряжения у меня вдруг почему-то неистово зачесалось лицо. На серых плохо побеленных стенах висели разноцветные треугольные вымпелы. На окнах — жеванные зеленые занавески. На узком подоконнике каким-то чудом притулился китайский двухкассетник. По столу разбросаны карты и использованные шприцы. Везде окурки.

— Смотри, сухпай! — закричал Шабан из другой комнаты. — Прямо как у нас! Откуда здесь столько?

Комната буквально была забита картонными коробками. Они стояли везде — на окне, на полу, под кроватью. На грубом матрасе до сих пор оставался отпечаток человеческого тела. Еще недавно здесь отдыхал боевик.

Мы двигались по пустой улице, заходя в каждый дом. Везде было одно и то же — убогая обстановка, боеприпасы, сухпай и шприцы со следами крови.

Постепенно улица начала расширяться, дома становились все больше и богаче. Мы поняли, что достигаем центра поселка, где располагались мечеть и здание сельской администрации. Изначально было решено, что там должны встретиться все группы.

В конце дороги забрезжил просвет, мы вышли на площадь и встали как вкопанные.



Там лежали мертвые люди. Мужчины, женщины и дети. Боевики, ошеломленные внезапным натиском десантников, использовали свой старый прием, прикрываясь гражданскими как щитом. Коронный номер, женщины с детьми, взятые в заложники. Десантники открыли огонь. Похоже, что многие пытались убежать, спастись, но им стреляли в спины. И кровь, всюду кровь. Смотреть на это было невыносимо. Хотелось блевать. Откуда они здесь взялись? Мы ведь видели, как еще в прошлом месяце беженцы выходили из села, нестройными колоннами проходя мимо нашей заставы и направляясь в сторону Хасавюрта.

Мы молча стояли над трупами, опустив автоматы.

К площади подходили все новые группы. Солдаты приближались и останавливались, отводя глаза. Вскоре образовалось плотное полукольцо.

Несколько десантников ходили между трупами и искали своих. Они относили их в сторону и аккуратно укладывали в ряд.

— Пять, — шепотом насчитал я.

— И на сопке еще лежат, — тихо добавил кто-то.

Мы очень долго стояли так, молча, опустив головы, и только иногда перешептываясь между собой. «Боже мой, почему? — думал я. — Зачем? Чтобы водрузить Российский флаг над мертвым селом?»

Я поднял глаза туда, где на крыше администрации колыхалось знамя, установленное десантниками. И вдруг сзади услышал отголосок своих мыслей.

— Господи, ради чего? Ради чего все это? — Леон стоял с закрытыми глазами и шепотом причитал побледневшими губами. — Зачем? Зачем?

Старший лейтенант Немов опомнился первым, он протер свои очки перчаткой, сплюнул и зло прошипел:

— Надо нашему комбату это показать!

Комбат приехал незамедлительно, как только узнал о происшедшем. Он прыгнул с БТРа и быстро прошел по нашему живому коридору. Увидев трупы, он побледнел, но сразу же взял себя в руки.

— Ну, ты что, командир, здесь истерику катаешь? — обратился он к Немову.

Ротный озверел, румянец спал с его пухлых щек, а губы сжались.

— Истерику? А ты сам погляди! Гляди! Каждого потрогай!

— Возьми себя в руки, офицер! — как можно суровой сказал комбат. — Трупы надо будет похоронить. Десантники сейчас отдыхают, а завтра с утра они уедут.

— Что? Уедут? А нам здесь оставаться? Здесь, где на виду вся их работа, да? Моя рота даже не притронется ни к чему, понял? У меня два двухсотых, несколько раненных, люди на взводе, а тут такое!

— Ничего, они солдаты, — перебил комбат.

— Вот именно, солдаты, а не похоронная команда! — коротышка Немов уже открыто наступал на комбата, его глаза метали искры, руки сжались в кулаки.

— Блин, крутой у вас ротный, — сказал мне наблюдавший за этой сценой Василь. — Смотри, сейчас он ему врежет.

Я тоже зауважал Немова.

— Ладно, все, успокойся, я что-нибудь придумаю, пришлю завтра экскаватор, — засуетился комбат, когда увидел, что Немов, снимает свои очки и протягивает неожиданно появившемуся у него за спиной замполиту. — Ладно, ладно, все, я что-нибудь найду.

Он развернулся и быстро зашагал к своему БТРу. На ходу нервно постукивал себя рукой по штанине и гляделся в ничего не выражающие лица солдат. Уже около самой машины он вдруг круто развернулся.

— Это война! — неожиданно резко выкрикнул он. — Война во имя России!

— Тьфу, — громко сплюнул старший лейтенант Немов.

У нас тоже были потери. Два двухсотых. Водитель БМП Дубина погиб при въезде в село — его машина попала под сильный гранатометный огонь. Два выстрела угодили в корпус. Контуженный наводчик пытался вытащить его через верхний люк, но поскользнулся на броне, упал и потерял сознание. БМП пробовали тушить, но чехи открыли сильный огонь, не подпуская солдат к технике. А потом пошел густой черный дым, и уже ничего нельзя было разглядеть.

Было больно смотреть, как створшую машину сталкивали с дороги.

Сержанта Каверзина убил снайпер. Ребята из его группы рассказали, что при подъеме снайпер стрелял им в лицо, а потом, видимо, прополз по

дну высохшего ручья, зашел с тыла и стал бить в спину. Несколько пуль попало в сержанта, пробив бронник. Ему вкололи промедол, но он сразу умер.

Оставались еще не проверенными несколько улиц, и мы, опять разбившись по группам, пошли обыскивать дома дальше. В одном дворе увидели десантника с погонями капитана и женщину чеченку.

— Ты че так на меня смотришь? — грубо кричал ей капитан. — Ты че, овца потыканная!

Чеченка, испугавшись, побежала к дому и захлопнула за собой дверь, но десантник вышиб ее ногой и ворвался внутрь. Мы поспешили туда. Женщина лежала на полу, а капитан топтал ее ногами. В комнате стоял дикий визг. Старый Опер схватил десантника и отшвырнул в сторону.

— Ты че, мент?! Ты за кого заступаешься? — голос капитана перешел в громкий свистящий шепот, словно что-то душило его. — Ты моих ребят видел, которые сейчас на площади лежат? Иди, посмотри!

— А чего мне на них смотреть? Я своих по кускам хоронил, — парировал Василь.

На злобном лице капитана заходили желваки, он крепко сжал губы и неожиданно ударил ногой, но Старый Опер ловко увернулся и вмазал ему кулаком в зубы. Тот упал, перевернув собой стол и сметя с него фарфоровую посуду.

— Стоять! Всех замочу! — На пороге появился еще один десантник с автоматом на перевес. Его глаза были сужены, губы поджаты. Он был похож на безумца, и мне стало не по себе. Я, было, дернулся, но меня остановил Леон, который вцепился в рукав моего бушлата.

— Да ты что, не лезь! Смотри, он же стрелынет!

— Что же вы, — заговорил новый, — приехали после шапочных разборов, и давай на груди тельняху рвать в припадке справедливости?

В его голосе слышалась издевка вперемешку со злобой.

— Разгребли уже жар, да без вас, ментарь!

Он забрал своего друга, и пятясь назад, вышел на улицу.

В чем-то он был прав. Мы не могли осудить десантников, потому что не были в их шкуре, и не чувствовали того, что чувствовали они, потеряв на сопке десять человек.

Шрам



Василь, нашупал в кармане валидол, тяжело вздохнул и принял сразу две таблетки.

— Заберите ее в фильтр... пункт, — кивнул он на женщину.

Любой кошмарный день когда-нибудь кончается. Непроглядная темнота накрыла село, только Луна и звезды совсем невесело смотрели на нас. Мы сидели вдвоем

с Бемом у небольшого костерка. В селе, наверняка, еще оставались боевики, и спать было страшно. Бем ел трофейную тушенку, я писал.

— Что, опять письмо? — кивнул Бем на мои записи.

— Да.

— Не ври. Я знаю, ты пишешь книгу.

— Это не книга, — смущаясь, ответил я. — Просто веду дневник.

— Слушай, — спросил Бем, — а про меня ты там тоже напишешь?

— И про тебя и про всех остальных.

— И ты потом дашь это кому-нибудь читать?

— Я пошло в журнал, — пошутил я. Но Бем воспринял все всерьез.

— Вот здорово. А ты пишешь там всю правду? Просто, если ты там напишешь всю правду, то могут не напечатать.

— Напечатают, — уже твердо ответил я и записал наш диалог.

— Слушай, а где Узбек, где Городничев? — спросил я, оторвавшись от письма. — Что-то я их не видел.

— Узбек спит вон, в БМП, а Городничев ... его ранило, — ответил Бем, протягивая фляжку со спиртом.

— Ранило? — переспросил я. Мне не понравилась интонация Бема, и то, с какой осторожностью он подбирал слова.

— Да, ранило, — и, отводя глаза, добавил, — ноги оторвало...

Что?? Я подавился спиртом. Отбросил фляжку. Господи, что же это? Бем молчал. Я тихо плакал.

— Ты знаешь, мы ведь с Городничевым земляки, с самого начала вместе, — выдавил я сквозь слезы.

Господи, что же это? Кайзер, Дубина, теперь Городничев... Не слыш-

ком ли много для одного дня? Если мы каждый день будем терять по три человека. Не слишком ли? Не слишком ли это большая цена за... наше... величие? За наш патриотизм? И нужен ли результат, добытый такой ценой? Является ли он победой, которую все так ждали? Нам говорили о патриотизме, как о высшей любви к Родине, а сводится все к одному — проливать кровь и разбрасывать кишки самым пошлым образом. Мы не хотим воевать, но все равно встанем и идем убивать. Мы стреляем, бросаем гранаты и сами умираем в лужах грязи, обливаясь собственной кровью. Мы безвольный инструмент в руках адской системы.

Война оказалась совсем не такой, как я представлял ее мальчишкой, и совсем не такой, как показывают в кино. В детстве война вызывала во мне чистые патриотические чувства, нас воспитывали в духе со временем. Я помню, как отец купил мне буденовку, и я лихо скакал на красном пластмассовом коне, размахивая игрушечной саблей; громко кричал ура, и мои щеки румянились. А теперь они ввалились внутрь и все тело покрыто гнойными язвами.

Война это не только красивые битвы и героические подвиги. Война — это горе и смерть, война — это болезни и мучения, война — это гибель невинных людей. Война — это наши рваные души. А они там... те, что остались за хребтом, они же ничего не знают. Сидят там и ничего не знают, а им вешают лапшу насчет контртеррористической операции, и необходимости силового решения конфликта. А здесь женщины, женщины и дети, теперь они лежат мертвые на площади, и снег сыпет на их открытые глаза.

Чечня

Под утро я все-таки задремал, сидя около огня, и мне снились улицы родного города, заваленные трупами.

С рассветом десантники уехали. Я видел, как они грузились в машины — грязные, оборванные, с кое-как перевязанными ранами.

А мы начали хоронить трупы. Комбат врал насчет экскаватора, нам пришлось грызть мерзлую землю саперными лопатками. Хоронили только женщин и детей, чтобы скрыть следы перед приходом высокого командования. За ночь подморозило, и тела намертво примерзли к земле. Старшина дал Судаку топор, и он вырубал каждое тело изо льда. Его тошнило, когда под лезвие попадали человеческие пальцы. Судак блевал и с остервенением рубил дальше.

Мы с Леоном грузили окоченевшие трупы на плащ-палатку и тащили на окраину за элеватор, где были выкопаны две огромные ямы.

— Стой, подожди, — остановил меня Леон, когда мы вернулись из очередной ходки. На земле лежала мертвая девочка лет одиннадцати. Она не занималась политикой, и думаю, ей было абсолютно наплевать, будет ли Чечня российской или независимой. Она просто оказалась не там и не в то время.

Леон наклонился и осторожно оторвал маленькую куклу от замерзших пальцев, аккуратно положив рядом. Я больше не мог смотреть на это и отошел в сторону, закурив.

По площади ходил старшина Чистяков, он наклонялся над каждым трупом и внимательно вглядывался, словно хотел запомнить на всю жизнь эти лица, или как будто искал знакомых. Говорили, что в декабре 1994 боевики точно так же, прикрываясь женщинами с грудными детьми, разрушили наш батальон, и случилось



это где-то рядом — в окрестностях Хасавюрта. Тогда старшина вместе с солдатами попал в плен, потому что был приказ огня не открывать. Для Чистякова это была вендетта, что-то типа справедливого возмездия за тот ужас и позор, которому он подвергся пять лет назад. Старшина закинул цевье автомата на плечо и вальяжно расхаживал меж мертвыми людьми. Внезапно он остановился и несколько раз потихоньку ударил носком ботинка одно тело. Оно было дубовым. Чистяков еле заметно улыбнулся. Я подумал, что сейчас он любуется самим собой.

— Вот, наверное, с кого надо брать пример, — грустно сказал я подошедшему покурить Василю. — Солдат со стальными нервами.

— Кто? Старшина? — не понял Старый Опер. — Да ваш старшина чертов псих! Готов поспорить, что у него нет ни семьи, ни детей. Дома пьет по-черному, и ни в чем от него нет толку. А здесь он царь и бог! Здесь он воскресает! Только и живет своими командировками. Видел я таких, все они потом херово кончали. Не надо с него брать пример. Вернись домой человеком, с чистой совестью.

Я тяжело вздохнул и увидел, как Леон прячет маленькую куклу себе за пазуху. Зачем она ему?

Трупы в ямах облили бензином и бросили горящий факел. Мы стояли и наблюдали сверху, как распространяется огонь.

Я помню, как в детстве я рисовал войну цветными карандашами, и все было понятно — здесь немцы, а тут наши. Немцев я рисовал уродливыми, с костлявыми руками... А теперь? А теперь я сжигаю труп маленькой девочки, потому что она мой враг.

Как могут люди, пусть даже разных национальностей, но все же одинаково разумные, так безжалостно истреблять друг друга? Не считаясь ни с чем? Не считаясь с самым святым, что есть на земле? Как можно так ненавидеть друг друга? И почему? Почему я должен воевать с ними!? Нам говорили, что эта война освободительная, и мы шли с высоко поднятой головой, не замечая



очевидного. Нас тыкали носом в дерьмо, а мы закрывали глаза и продолжали убежденно и решительно спать!

Нами играют как марионетками, и что самое ужасное, мы сами подыгрываем.

Огонь разгорался, из ямы запахло горелой плотью. Я медленно поднял глаза к небу и мне захотелось завить от того, что я тоже являюсь частью этой системы. Я тоже безмолвное орудие убийства.

Нас уволили 17 февраля. Мы ехали по дорогам Чечни, и дети выбегали из домов, услышав нашу колонну. Они махали нам платками. Мы отвечали им и пускали в воздух цветные ракеты. Мы возвращались домой и у каждого были большие планы на будущее.

Очень жаль, что у многих они так и остались пустыми мечтами.

Шабан подписал контракт и остался в Чечне, я видел его в 2003 году, когда он приезжал в отпуск.

Судак почти сразу же угодил в тюрьму и только недавно освободинился.

Леон лежит в психиатрической больнице, где лечится от наркомании. Мы заходили к нему с Лешкой, нам удалось пронести в палату бутылку водки. И мы пили. А потом долго сидели, обнявшись все троим. Молчали и плакали.

Чурил повесился.

Василий Бабкин погиб в начале февраля, он ехал на броне, когда растяжка взорвалась у него над головой. Осколки пробивали его сверху вниз.

Про Городничева и Бема ничего не знаю.

Мы вернулись с войны, но мы не из тех, кто выступает на митингах. Мы в основном молчим и даже друг с другом не очень то обсуждаем эту тему. Мы не из тех, кто хвалится, описывая свой героизм, потому что мы не совершали подвигов. Наша война была другой.

Барбудос

Лейтенант. Участвовал: Абхазия

<http://artofwar.ru/b/barbudos/>

ВАСИКО

Очамчира, осень 1994 года. Прибрежная полоса дышит осенней моросью холодного дождя. Кажется, что влага повсюду, она проникает за плотно застегнутый воротник гимнастерки, серебристыми бусинками оседает на шинельном ворсе. Влагой напоен воздух причерноморского захолустья, Очамчира дышит запахом прелых листьев, пороховой гарью и дымом. Пустыми провалами сожженных, брошенных домов город смотрит в сплошную пелену морского тумана.

Вчера нам поступил приказ выдвинуться «на точку». Дальнейшие указания получим от особиста, который с утра маячит на крыльце штаба ВГВ. Мы — это отделение оперативной связи штаба и начальник связи, огненно-рыжий, веснушчатый тип по кличке «Ачарпын». Прогреваю движок «шестьдесят шестого», втихаря ругаю: погоду, которая мокрой лапой стирает с лица ночную дрему, особиста, так некстати свалившегося на нашу голову, своих нерасторопных солдат, еле двигающихся в тяжелых ботинках с еще «после вчерашнего» жесточайшего бодуна.

Когда все собираются, вешают на двери бронники, больше для понта, чем по делу, с хрустом врубаю передачу, и армейская КШМка тяжело переваливаясь на ухабах, выползает на трассу. Город спит тревожным сном, в устье Галидзи маячат два грузинских судна, вчера вдоль береговой линии барражировала чужая вертушка. На траверзе военно-морской базы России дежурят сторожевые катера. И у нас маленькая неприятность — на днях в Гале пропали два солдата из 2-го МСБ. Их комбат долго выслаивал от командующего тирады про воинскую дисциплину, идиотизм его подчиненных и беспорядочные половые связи своей матери. В конце концов, порешили, что солдат надо отбивать, ибо менять их не на кого. Уже думали про рейд в сторону Зугдиди,

как начальник штаба подал мысль: «Если нет заложников на обмен, так надо взять, какие проблемы?!»

Решили брать рейсовый Зугдидский автобус, чтобы уж наверняка.

Но, впрочем, это все мы узнали потом, а пока за узкими окнами ГАЗона летит унылый, одноэтажный пейзаж. В кабине мы с Ачарпыном одни, особист сел в салон. Ачарпын безбожно чадит местной «Астрой», то и дело заходясь в чахоточном кашле. Рука с заскорузлыми мозолями (по привычке — в горсти держит вонючую сигаретку), слезящиеся красные глаза невидящим взглядом смотрят за стекло на дворник, с паралитическим скрипом царапающий стекло, на город своего детства, еще не очнувшийся от тревожного, пьяного, разгульного забвения. Ведь, как известно, «Очамчира — город комаров, блядей и военных частей». На приборной панели ласково светит синеватый индикатор АЗИ, движок КШМки работает как часики, неся пять своих пассажиров навстречу неизвестности. По дороге, на одном из блокпостов, в кабину подсаживается проводник из местных резервистов, группа «Чегем». Он воняет мокрой псиной, костром и плохой чачей. Показывает, где свернуть, и поторапливает, давай, мол, скорее, там, рядом с местом, живет классный мужик — Васико, у него чача «просто бомба», похмелиться надо.

Узкий каменный проселок сменяется расквашенной колеей — припускаю давление в скатах. И послушный вездеход ползет, подминая под себя гальскую грязь, глотая последние метры до «точки». Машина проползает мимо дома, сиротливо белеющего мшистой шиферной крышей в окружении орешника и запущенного, выросшего местным бурьяном и какой то травой с желтыми метелками, сада.

Резервист, оживленно жестикулируя, тычет пальцем в дом, мол, здесь и живет тот самый Васико, у которого крутая чача. Выдвигаемся на исход-



ную, поднимаем штыри и разворачиваем АЗИ, этого должно быть достаточно, а вечером вытянем еще и телескоп с «куликовкой». Сажаю дежурного радиста раскатать коробочки и послушать эфир, строго-настроено наказав, в переговоры не вступать. Особист деловито мнется около отсека радиста, то и дело с понимающим видом глядя на подмигивающие разными огоньками радиостанции. Проверяю блокнот с частотами, на них мы выйдем только вечером, в контрольное время, и будем вести группу. Сажусь рядом с радистом, надеваю гарнитуру и слушаю грузинские «дорожки» — рабочие частоты, на которых работают наши сопредельщики. Посты начинают просыпаться, докладывают обстановку, куда-то спешит «скорая помощь», кому-то везут хлеб и сигареты, кто-то лениво ругается с Российской береговой охраной.

К обеду подтягиваются резервисты, из которых строится боевое охранение, оцепляющее рабочий квадрат. Давешний знакомый — проводник — советует сходить к Васико: «Он, в натуре, мужик правильный, похаваем и вмажем, а то ночью дубак...»

Что же, идем к Васико — я, Ачарпын, особист, который вместе с выглянувшим солнышком, потихоньку оттаял душой и оказался разговорчивым и веселым мужиком по имени Зурик. Подходя к дому, отмечаю, что, несмотря на кажущуюся запущенность, по двору около дома проторе-

По периметру

ны несколько внушительных тропок, из круглой жестяной трубы легкой кухни курится ароматный дымок приготавливаемой пищи, собаки нет и это странно — дом стоит на отшибе, вокруг ни души, а хозяева, вроде, и не боятся никого. Навстречу нам никто не выходит, хотя машину явно видели, здесь привыкли не задавать глупых вопросов, не доверять даже самому себе.

Вваливаемся в дверь за резервистом, он чувствует себя здесь как дома. Хриплым голосом зовет хозяина, тот появляется, откуда-то из глубины мрачного пахнувшего пригорелой малыгой и прокисшими соленьями неприветливого нутра дома.

— Здорово, Васико! Мы жрать хотим как собаки, видишь, к тебе каких гостей привел, давай встречай... — что-то в таком роде еще долго извергает из своей пропитой утробы резервист. А мне вдруг становится стыдно и неудобно в этом чужом доме, неудобно от взгляда румяного породного человека в сванке и шерстяной майке на голое тело. Его карие на выкате глаза настороженно оглядывают нас, поочередно останавливаясь на моем АКМ с подствольником, Ачарпыновой «Ксюше» и грязных ботинках особиста. Также хмуро он удаляется в соседнюю комнату с резервистом, там происходит оживленный диалог на жуткой смеси мегрельского, грузинского, абхазского языков и русского мата.

В результате, из комнаты серой мышью вышмыгивает женщина неопределенного возраста с тарелками и графином, мы садимся за стол и, опрокинув грамм по сто «за хозяев», начинаем жадно пожирать яичницу, сыр, курятину, обильно смачивая это все чаечей. Процесс замедляется только, когда растегиается ремень, уже не вмещающий сытого живота. Мужики закуривают, жмурясь от сигаретного дыма.

Хозяин говорит немного, с сильным акцентом, но грамматически правильно строя фразы. Оказывается, в прошлом Васико — сельский учитель, отец четверых детей, их фотографии, пожелтевшие и поблекшие от времени, смотрят на нас из серванта, соседствуя с тарелками с большими аляповато-голубыми цветами. Детей уже нет здесь: все самостоятельные, про родителей совсем не вспоминают, «на Руси живут» — сетует Васико.

— А ты воевал? — спрашиваю его.

Тот божится, что нет, мол, не могу поднять на ближнего руку и т.д. и т.п.

Почувствовав, что обед может плавно перерасти в обыкновенную пьянку, встаю и говорю Ачарпыну:

— Я пойду к машине, может, хозяйка соберет что-нибудь для ребят, они ведь с сухпаем?

Васико делает жест, женщина исчезает в подсобке и почти сразу появляется с объемным мешком из-под гуманитарной муки, по очертаниям там угадываются кружки сыра, банки солений, какие-то свертки и головка пластмассовой полуторалитрушки с водкой. Ачарпын извлекает из мешка бутылку и говорит, что это он нам отдаст потом, когда приедем домой, в штаб.

Я не обижаюсь, все-таки не надо забывать, зачем мы здесь. Иду по тропинке, оскальзываясь на мокрой земле, вполголоса матерюсь. Чуть поодаль идут офицеры, оживленно разговаривая. Резервист уходит к своим, предварительно о чем-то переговорив с особистом. Подходит контрольное время, когда за радиостанцию сядет Ачарпын, вылавливая из шипящего эфирного моря позывные группы, тоненькой ниточкой связывающие наших ребят на чужой земле с домом, друзьями, жизнью. Мы задраиваем отсек наглухо, а сами рассредотачиваемся вокруг машины, в густом орешнике. В таких случаях лучше ночной холод, нервная дрожь и пневмония, чем аккуратненькая дырочка в неполюженном месте. Мы с легкостью меняем теплый уют КШМки на мегрельскую промозглую темноту, охлаждающую затылок навязчивой мыслью: «Когда они придут?» То, что можно ждать сюрпризов, это к бабке не ходит! Слишком сладкая конфетка,

штабная радиоточка, для местных партизан. А у них здесь под каждым кустиком волосатое ухо, в каждом дворе свои, а мы ЧУЖИЕ...

И ОНИ приходят. С резервистами есть договор, чтобы к машине ночью не совались, будем ставить растяжки. В кустах действительно навесили «сигналок» и пару серьезных подарочков ночным гостям. Я дремлю под кустом ореха, как вдруг ночное черное покрывало разрывает резкий свист и вспышки пиротехники, со стороны резервистов, будто проснувшись, лупят несколько «семерок», естественно, в белый свет как в копеечку. Вжимаюсь в землю, надо мной жужжат трассы, сшибая ветки с ореха. Ну, думаю, полежу тихонько, может, решат, что меня и нет здесь, все равно ночью больше своих покосишь, чем биджориков. Бой постепенно откатывается от нас, деловито вступает в ночной разговор «ротник», громко хлопают подствольники, свои или чужие, не разобрать. Мои пацаны — молодцы, лежат тихонько, не обнаруживая себя, ждем. Вдруг, совсем рядом рвется наша растяжка, оглушенный, понимаю, что это на тропинке к дому Васико. Почти сразу, с этой же стороны, длинной очередью полоснул АКМ, к нему присоединяются еще два ствола, явно чужие «пятерочки». Рвется вторая растяжка, хор смолкает. И на фоне далекой перестрелки — жуткая тишина, только шелест кустарника, там что-то тащат в сторону дома Васико. Отшелкивая предохранитель и пускаю на звук длинную очередь, а затем, перекатившись и воткнув автомат прикладом в землю, — патрон из подствольника. Следом уха-



ют еще два наших подствольника и короткие очереди прикрывающих меня солдат. Откатываюсь подальше в сторону орешника и ползу поглубже в заросли, за моей спиной завязывается перестрелка, со стороны дома работает только один ствол, к нашим же двум солдатским «семеркам» присоединяется деловитое буханье «Стечкина» особиста. Натякаюсь на заборную сетку, раздираю руки в кровь о колючки, осторожно ползу вдоль нее, по моим расчетам обхожу дом вокруг.

И точно — попадаю к курятнику на заднем дворе, от меня удаляется темная масса, видимо, что-то несут несколько человек. Они близко, их много, поэтому тихонько лежу в траве и думаю: «Господи, хоть бы пронесло!» Группа удаляется, а перестрелка приближается к дому. Мне видно, как две тени, одна массивная, бегущая к дому, и вторая, пятясь и огрызаясь автоматным огнем, приближаются к крыльцу. Когда большая скрывается в провале дверного проема, бью из подствольника прямо с плеча и валюсь за фундамент дома. Взрыв затыкает автомат и осыпает меня горами битого стекла. Из окна начинает лупить СКС, как раз в то место, где я недавно так мирно отлеживался. Я молчу, справедливо полагая, что могу скромно полежать под крыльцом. СКС замолкает, слышится скрип половиц — человек переходит из комнаты в комнату, на ходу переставляя обойму. Вот щелчок затвора и два хлопка в сторону КШМки, оттуда щедро отвечают два автомата, и прилетает пара «подарочков» из подствольника. СКС замолкает, а ночь

заполняет тишиной и влагой одинокий дом, двор будто покрывает покрывалом, скрывая под ним кровь, порох и грязь.

Я не жив и не мертв, дрожу, прижимаясь к шершавой холодной стене. В доме слышен какой-то шорох, в голове проскакивает мысль: «А что, если эти орлы вернутся на помощь своему стрелку в доме, вот тут-то меня и прижучат...» Раздумывать дальше некогда, рву кольцо с «лимонки» и кидаю ее в окно, грохает взрыв, выбрасывая на меня новую порцию штукатурки, мусора и стекла. Вваливаюсь в дверь и качусь к плинтусу — в угол, ожидая выстрелов, но в ответ гудящая тишина. Вдруг, в электропроводке, что-то коротит, и в комнате зажигается свет. Как в диком театре открывается сцена — на полу лежат стол и уже знакомый сервант, в комнате пусто. Я, осторожно высовываясь из-за косяка, являюсь зрителем в этом чудном представлении.

Вдруг сервант начинает приподниматься сам собой, и из-под него слышится стон. Волосы становятся дыбом, дуло автомата вскидывается в сторону движения, а палец сам рвет собачку спускового крючка. Весь рожок махом уходит в светлое дерево, выбивая щепки, кроша в мелкую труху остатки посуды, разрывая и кромсая конвульсивно дергающееся под ним тело. Автомат замолкает. Я оказываюсь в соседней комнате, где трясущими руками переставляю спарку рожков, рву затвор и пускаю еще полрожа в дверной проем. Явно зря, но что поделать, страх давит на загривок, мертвенно целуя в затылок, сдав-

Васико

ливая и наматывая на кулак внутренности.

Дом молчит, молчит черная ночь за окном, а из-под деревянного крошева и щепы вытекает черный ручеек, и в нем как детский кораблик кружится желтая фотография чернявой девочки с огромными бантами и неестественно красными, подрисованными губами.

В этой стычке мы не потеряли ни одного человека, только сильно посеколо пулями кузов машины, резервисты получили двух легко раненных и кучу трофеев в пустом доме Васико, особенно им понравился винный погреб запасливого хозяина. От нападавших нам остались: лужица крови на тропинке, кучи стреляных гильз от румынских калашей и труп Васико в доме. Жена его исчезла бесследно, видимо, еще вечером уйдя в лес к партизанам.

Ачарпын перестрелки не слышал(!), наглухо задраенный в отсеке связиста и увлеченный радиоигрой, а на высоте пятнадцати сантиметров над его головой как сувенир светились две аккуратненькие дырочки калибра 7,62.

Группа благополучно вернулась с той стороны. Операцию провели лихо — захватили автобус с одиннадцатью пассажирами в салоне. Наш НШ просто ввалился в прокуренный салон старого ЛАЗа и сказал шоферу на чистом грузинском языке: «Двери закрываются, следующая остановка Очамчира...», — и для внушительности сунул ему в нос ствол «Калашникова». Возражений не было и у грузинской таможни на Ингульском мосту, когда грязные и заросшие бородой люди в масках держали их на мушке, а мимо, сбив шлагбаум, уходил на абхазскую сторону старый ЛАЗ, воняя сизым выхлопом и надсадно воя двигателем. Среди захваченных оказались: один гражданин Украины, помню, что его звали Сашко, четверо пастухов, одноглазый, мрачный мужик, который во время войны командовал одним из подразделений грузинской гвардии и откликнулся на кличку «Нельсон» и другие местные жители Зугдидского района.

Наших двоих солдат вскоре обменяли на часть заложников. Сашко выкупили родственники с Украины, а судьба одноглазого мне неизвестна — его, в конце концов, забрали особисты из Сухума.

1994–2002 гг.
Очамчира — Гагра

Югославия



Илья Плеханов

http://artofwar.ru/p/plehanov_i_s/

НОВИ ВАРОШ

Посвящается всем сербам и русским добровольцам, погибшим во время вторжения хорватов и иностранных наемников в мае 1995 года на территорию Западной Славонии.

В один из последних дней апреля 1995-го года серб Гойко и его семья паковали рюкзаки в своем доме под Ясеновацем. Сынишка Гойко, Зоран, мешался у родителей под ногами, не особо вникая, почему они вместо привычного ужина о чем-то тихо и напряженно разговаривают. Зоран, напротив, был оживлен и доволен предстоящей поездкой в Бая-Луку, ведь оттуда будет проще попасть на футбольный матч, который он с нетерпением ждал уже полгода. 6-го мая в Белграде должно было состояться ровно сотое по счету дерби между Партизаном и Црвеной Звездой. Зоран уже давно не давал покоя всей семье, умоляя о поездке в Белград на матч. Все свое недолгое детство он, в отличие от сверстников, играл в футбол, а не баскетбол, и проводил свободное от учебы и помощи по дому время, гоня мячик по двору. И вот долгожданное чудо становилось реальностью! Завтра утром, в последний день апреля, Зоран с мамой отправлялись в Босанску Градишку к дальним родственникам, а затем далее — в Бая-Луку. Остальные члены семьи по мало волнующим Зорана причинам планировали выехать позже. Он не понимал, почему в их селе все так обеспокоены, а дядя Милан день и ночь ругает напролет незнакомых людей, живущих где-то в Книне, Сербии или в Республике Сербской.

По пути к реке Саве на легковой машине с мамой и еще двумя родст-



• Нови Варош

венниками Зоран с любопытством разглядывал идущих куда-то вдоль трассы иорданцев и непальцев из миротворческих сил и строил им веселые рожицы. Солдаты смотрели на него без всякого выражения красными глазами или сразу же отводили взгляд. Миротворцы покидали свои позиции, бункеры и насиженные посты. Иорданцы снимались с блокпоста на въезде на шоссе у Окучан.

1-го мая, ранним-ранним утром, Зоран с мамой и еще двумя родственниками на легковой машине добрались до Босанской Градишки. Светило солнце, и на небе не было ни облачка. Стояла приятная теплая погода, и легкий ветерок ласкал кожу. Через несколько часов хорваты начали операцию «Блесак» и вторглись в Западную Славонию. В 5 ч.30 мин. утра хорватская артиллерия и авиация нанесли удары по сербским позициям, селам, мостам и дорогам. По людям.

После часовой артподготовки хорватские войска перешли в наступление. На Окучаны, которые до этого проехал Зоран, двинулась хорватская группировка со стороны Пакраца. Другая группировка хорватских войск рванула к Ясеновацу, откуда в начале обстрела и при первых появившихся беженцах, бросив паковать свой скарб, выехал Гойко с родственниками и односельчанами. Они успели сбежать до полудня, когда хорваты вошли в Ясеновац. Всему гражданскому населению руководством Западной Славонии был отдан приказ отступить, но люди и без приказа бросали все и спасали свои жизни. Отдельные части 18-го корпуса также отступали к Босанской Градишке, ошеломленные арт- и авиа- обстрелом, мощью и неожиданностью хорватского наступления. Сербские пытались оказывать сопротивление, но было очевидно, что они совершенно не подготовлены к внезапному наступлению хорватской армии.

В первые же часы хорватские диверсионные группы проникли на территорию Западной Славонии и начали уничтожение беженцев на дорогах и людей, оставшихся в своих домах. Проводили захват интересующих их лиц. Основные действия диверсантов развернулись в районе леса Прашник и побережья реки Савы.

1-го числа через Нови Варош прошло 5 сербских танков с подразделением на броне. Они отступали к Босанской Градишке. Из 5 танков боеспособными были только два, остальные три выступали лишь в качестве тягловой силы. После короткого осмотра села танкисты радиовали, что проход по трассе Окучаны-Градишка чист и хорватов не наблюдается. По трассе уже шел пока что малочисленный поток беженцев. Масштаб вторжения был пока не ясен, многие сербы еще верили, что 18-й корпус и ополченцы будут в состоянии отразить нападение и поддержать до подхода помощи из РС и других частей РСК.

Гойко, Милан и остальные между тем приближались к Окучанам в колонне беженцев.

К позднему вечеру 1-го мая Нови Варош был, незаметно для миротворцев и сербов, захвачен диверсионным подразделением хорватов и наемников общей численностью в 80-100 человек. Большинство населения села уже покинуло его, а оставшиеся замешкавшиеся жители были уничтожены хорватами. Вокруг в лесу были выставлены наблюдательные посты. В состав диверсионной хорватской группы входили местные жители, те хорваты, что проживали когда-то в этой местности. Именно они провели диверсантов через лес Прашник. Все было подготовлено к страшной трагедии следующего дня. В это же самое время бежавшие сербы отдельными группами пробирались к Саве, вступая в короткие стычки с врагом, в большинстве же своем это были безоружные сербские беженцы, и они уничтожались хорватами прямо в лесу.

Нови Варош



• Мост через реку Саву в 3-х километрах от Нови Варош. По этому мосту сербы бежали от хорватов в Республику Сербскую. Мост был уничтожен хорватской авиацией

Зоран первого числа наблюдал из окна дома у берега Савы, как хорватские МиГи наносят удары по городу. Рядом с домом пока не раздалось ни взрыва и, несмотря на окрики не находящей себе от волнения места матери, он с большим любопытством рассматривал стальных птиц, вспыхивая взрывов и столбы дыма, встающие над городом. Мимо дома проходили все новые и новые группы беженцев. При виде каждой группы мама Зорана всматривалась в их лица, пытаясь узнать кого-либо из своего села, или выкрикивала вопросы, не находящие ответа, а вызывающие лишь отрицательное покачивание головы.

Главные события 2-го мая для Гойко и Милана и тысяч других сербов начались около 4-5 утра. Колонна беженцев держала путь по трассе в направлении от Окучан к Нови Варош и дальше на Босанску Градишку. Шел легкий дождь, уменьшавший видимость. Природа как будто уже заранее оплакивала предстоящие события. Где-то к 6 утра плотная колонна примерно из 500 человек втянулась в село. Сербские села в этой местности практически не отличаются друг от друга по внешнему виду. Вдоль главной улицы по обе стороны дороги расположены цепочкой частные дома, нет никаких перекрестков, переулков. Село в одну улицу.

Состояла колонна в основном из тракторов, легковушек, телег и повозок, ручных тачек, набитых тем, что удалось взять из покинутых домов. Прицепы со скотом, птицей, живностью. В общем, все как во все времена. Что касается людей, то это были женщины, дети, старики, безоружные мужчины. Сопровождали колонну не более 50 вооруженных солдат и опол-

ченцев из отступающих войск 18-го корпуса. Они шли в конце колонны замыкающими на случай, если по дороге их настигнут хорваты. Раненных бойцов везли на телегах. Вооружены сербы были чем попало, как и на всех балканских войнах, стрелковым оружием всех времен и народов.

В этой же колонне выходили из под удара хорватской армии и иорданцы с непальцами. К удивлению Гойко, сербы не высказывали неприязни, видимо, уже привыкнув к тому, что толку от этих «миротворцев» никакого.

Главные события 2-го мая для Гойко и Милана и тысяч других сербов начались около 4-5 утра. Колонна беженцев держала путь по трассе в направлении от Окучан к Нови Варош и дальше на Босанску Градишку. Шел легкий дождь, уменьшавший видимость. Природа как будто уже заранее оплакивала предстоящие события.

Вид у иностранных солдат маленького роста был довольно испуганный, им явно не хотелось умирать в неизвестном заброшенном уголке какой-то там Европы за небольшие деньги. Иногда раздавались даже шуточки в их адрес со стороны сербов.

Как только авангард колонны начал выходить из села, раздался залп. Хорваты открыли огонь из всех имевшихся у них видов оружия. На полтысячи людей обрушился шквал огня сотни хорватов с двух сторон дороги. Буквально за секунду воздух наполнился кровью, разлетающейся на куски плотью людей, железом и огнем, осколками гранат, частями подорванного транспорта, проклятиями и криками раненых, раздавленных, подброшенных в воздух. Со стороны каза-

лось, будто какой-то гигант истерично рвется в белье и выкидывает его за спину из общей кучи. Колонну разворошило и подбросило. Буквально все, кто шел по бокам или крайним в колонне, были убиты или ранены в первые же секунды. Люди залегли под машинами и телегами, дети и женщины побежали прочь с дороги, прямо под огонь хорватов и наемников. Повезло тем, кто шел в середине колонны и был прикрыт телами родственников и друзей, корпусами машин, что изменяли траектории пуль, но не останавливали их. Залп из гранатометов. Загорелись несколько машин. Опомнившиеся оставшиеся в живых сербы после первой волны обрушившегося на них железа открыли беспорядочный ответный огонь по домам, которые стояли вдоль дороги. Куда стрелять, в этом безумии было непонятно. В селе стояло много старых домов и несколько новых, сделанных из крепкого бетона и блоков. Сербские открыли огонь по новым домам, полагая, что основные силы диверсантов засели за их пуленепробиваемыми стенами. Хорваты же рассредоточились среди множества старых зданий на протяжении всего села. Ошибка сербов стоила им еще нескольких десятков жизней.

Гойко спасло лишь то, что его лицо залило кровью убитой родни, си-

дешей рядом на телеге. Слепший и оглушенный он инстинктивно свалился вниз под колесо. Когда он обрел зрение, увидел полотно дороги, заваленное на сотни метров вперед и назад телами убитых и раненых, заваленное шевелящимися, копошавшимися телами людей, в которые продолжали попадать пули и осколки. Обезумев, он вскочил и почему-то бросился бежать не вбок, а по дороге в сторону Градишки, лавируя между телами, спотыкаясь о головы и конечности, подскользываясь на кусках мяса и потоках крови тех, кто был его родней и соседями, его друзьями и односельчанами, которых он знал и любил с детства, которые теперь валялись на дороге и умирали под огнем хорватов в одном сплошном страшном месиве.

Югославия

Умирали женщины и дети, но почему-то четче всего сетчатка глаза Гойко запечатлела поросят, которые в ужасе жались в углу клетки с простреленной и открытой нараспашку дверью и не пытались бежать вопреки всем своим животным инстинктам. Именно вид этих сбившихся в кучу и истошно вопящих поросят заставил Гойко кинуться в сторону и с разбегу прыгнуть в кювет. Пули теперь летели выше его головы.

Милана отбросило взрывной волной, и он потерял сознание на какое-то время. Очнувшись он несколько в стороне от колонны на обочине уже после первого страшного залпа. Видимо, это сохранило его психику от самого вида наспигивывания железом сотен людей. Первое, что он попытался найти среди продолжающейся бойни и трупов, так это семью брата Гойко. Он увидел растерзанные тела семьи брата, но не его самого.

Тут же его внимание привлекла горящая машина, в которой блокированные поврежденной дверью заживо горели женщина и ее маленькая дочь. Хорваты не стреляли по машине. Время от времени кто-либо из сербских мужчин не выдерживал и пытался подобраться к машине, то ползком, то перебежками, чтобы вытащить несчастных. Хорваты хладнокровно расстреливали их. Вскоре у машины скопилось с десяток трупов, крики горящих стихли. Милан не находил в себе сил пошевелиться, как загипнотизированный он смотрел на происходящее и ничего не слышал и не видел, кроме этой сцены.

Через некоторое время после начала расстрела колонны прилетели хорватские самолеты. Они летали на бомбежку к Босанской Градишке и либо самолично (что скорее всего) решили вмешаться, либо получили приказ добить колонну. На растерзанную колонну обрушился огонь с неба, а из-за леса заработала хорватская артиллерия. Снаряды выкашивали оставшихся в живых. Не повезло и хорватам,



• Непальские миротворцы, которые должны были охранять сербскую колонну

находившимся вдоль дороги в домах. Из-за нецельного огня снаряды своей же артиллерии попадали и по их укрытиям. Хорваты начали нести ощутимые для себя потери, подтянувшийся же арьергард сербов, несмотря на обстрел, вел прицельный огонь по выявленным гнездам. Под прикрытием дыма от разрывов некоторым сербским беженцам удалось вырваться из зоны обстрела, и они начали растворяться в близлежащих лесах. Кто-то пытался пробраться к засевшим в домах хорватам и в рукопашную, голыми руками, отомстить за убитых. Завязались отдельные стычки, которые прекратились лишь к 2 часам дня. Все это время прибывали новые сербские беженцы, которые любыми путями пытались проскочить, обойти, на скорости прорваться через Нови Варош. Удавалось им это с переменным успехом.

В это самое время под арт- и авиаобстрелом сотрясалась Босанска Градишка. Хорваты обстреливали город по обе стороны реки Савы. Зоран не отлипал от окна. В один момент он вдруг увидел низколетящий хорватский МиГ-21. Самолет летел так низко, что мальчик сумел разглядеть лицо пилота. Он запомнил его на всю жизнь. Пилот же Зорана не запомнил, да и, скорее всего, не увидел, через несколько минут он был сбит комплексом «Стрела», установленным на крыше гостиницы, одним из обозленных сербов. Никто особо даже не стал провозгласить взглядом падающий самолет.

Мама Зорана в это время, не переставая, смотрела телевидение, пытаясь уяснить для себя ситуацию. По сербским каналам не говорилось и слова о войне и падении Западной Славонии. Передавали концерты из Белграда, фильмы и прочую обычную чепуху. Никто и не заикался о человеческой трагедии и о возможной помощи со стороны РС или самой Сербии.

Вокруг Гойко скопилось около 20 человек вне зоны обстрела. Пора было выбираться из кювета, пока был шанс. Подбадривая друг друга, они рванули в сторону леса. Из 20 человек вместе с Гойко добежал до спасительных зарослей только еще один серб.

Милан бежал по лесу, стараясь удаляться от раздававшихся голосов и выстрелов. Неожиданно он увидел под деревом человека в свеженьком НАТОвском камуфляже. Человек был весь в крови и держался за живот двумя руками. Милан с удивлением для самого себя смотрел на раненого без всяких эмоций, без тени страха или



• Нови Варош, где и произошло истребление колонны

ненависти, в каком-то отрешении. «Помочь?» — вдруг спросил он человека. Хорват скривил рот и достал гранату откуда-то из живота. Раздался взрыв. Пригнувшись, Милан побежал дальше.

Гойко крался между деревьями вместе с двумя сербами. У него уже был в руках подобранный автомат. Они двигались как можно тише. В лесу раздавались разговоры на английском и немецком языках. Наемники иногда посмеивались и на ломаном сербском выкрикивали ругательства и издевательские фразы. Хорваты и наемники в буквальном смысле охотились на разбежавшихся по лесу сербов. Молодой парень, серб из села Гойко, споткнулся и наступил на ветку. На раздавшийся хруст мгновенно отреагировали двое хорватов, находившихся ближе всех. Гойко знаками пытался показать пареню, что надо пригнуться и ползти, но молодой не выдержал и, резко вскочив, с криком побежал в сторону. Хорваты, увидев фигуру, открыли по ней огонь из автоматов. Паренек рухнул. Хорваты, посмеиваясь, подошли к телу и начали пинать его носками ботинок. В это время Гойко подкрался сбоку, встал во весь рост, и, окликнув хорватов, от живота скосил их очередь, с удовлетворением заметив удивление и страх, что успели мелькнуть в их глазах.

Около 20-ти сербов, уроженцев гор Славонии, толпились вокруг местного жителя из Нови Варош. Местный серб пообещал доставить их до брода, так как горцы не умели плавать. Он знал дорогу к броду через Нову Саву (Струг). Теперь же он нервничал. Такая большая толпа беженцев привлекала внимание. Шансы добраться незамеченными до брода были невелики. К тому же, пришлось бы делать большой крик и тратить драгоценное время. Воспользовавшись суматохой, «проводник» скатился по склону и был таков, бросив горных сербов на произвол судьбы. Бук-

вально через несколько минут на них натолкнулся Гойко. Под дулом автомата, несмотря на все его заверения, что он всех и так выведет, наученные горьким опытом горцы потребовали доставить их до брода через Струг. Гойко повел.

К Нови Варош в это самое время делала марш-бросок группа сербов, спешащая на помощь беженцам. Они слышали радиоперехваты хорватов, восторг наемников в эфире. Отряд был создан еще в начале войны на базе известной всем сербам музыкальной рок группы из РСК «Миндюшари» и их поклонников и состоял из 15 человек. Эти парни были единственными, кто откликнулся в тот день на страшные события. На свои же деньги еще зимой они укомплектовали личное подразделение и никому не подчинялись, действуя на свой страх и риск. В этот раз именно это и сыграло с ними злую шутку. На подходе к Нови Варош они в своем новом камуфляже и хорошо вооруженные натолкнулись на горстку ускользнувших из ада бойцов 18-го корпуса. Те приняли «миндюшарцев» за хорватов из-за их «холеного» вида и первыми же очередями убили основателя-солиста группы и его друга барабанщика. Лишь через несколько минут после ругани и криков люди разобрались, что к чему. Но любимых всеми сербами музыкантов уже не вернуть. «Книн, сестро, Книн!»

Милан добрался до Босанской Градишки к 3-4 часам дня и вбежал во двор родни, где находился племянник Зоран. Слухи об уничтожении мирных беженцев в Нови Варош уже достигли



• Церковь в Окучанах. Место массового захоронения убитых в Нови Вароше сербских беженцев. Священник этой церкви, Савва Почуча, был ранен в Нови Варош, получил более 12 (!) пулевых ранений, но выжил. Женщина, Милка Кесич, сидевшая рядом с ним, была убита на месте

Нови Варош



• Дом Гойко

вместе одной семьей уже не было страшно.

Хорваты продолжали зачищать территорию от оставшихся сербов и добывать их в лесах. Загреб ликовал и праздновал победу. Последние спасшиеся сербы рассказывали, что тела убитых и молящие о помощи раненые сербы лежат вдоль дороги на протяжении всех 5 км, что они добивались от Окучан до Босанской Градишки. Тела с дороги в Нови Варош после бойни грузились хорватами в трейлеры и отправлялись в Загреб на протяжении двух дней. Трупы также жгли in-situ. Много грузовиков с мертвыми вышло из Окучан 3-го числа. Большое количество тел отправили на уничтожение в Сисак. Хорваты подогнали поливальные машины и прочую дезинфекционную технику, чтобы смыть кровь, уничтожить следы страшной бойни. В неизвестном направлении были увезены раненые и сдавшиеся в плен. После 4-го мая стали допускаться так называемые «инспекторы» со стороны ООН. Мертвых и массовых захоронений они, естественно, не нашли, кроме пропущенных хорватами тел 20-30 сербов.

В селе Нови Варош, на небольшом отрезке дороги под открытым небом, было убито за несколько часов около 400 (!) сербов, в подавляющем большинстве женщин, детей и стариков. Еще около сотни были убиты в лесу неподалеку от этого села. Потери, которые не были официально признаны, понесли и иорданские подразделения, попавшие под хорватский огонь. Отметим, что они оказывали отчаянное сопротивление и вели бой с хорватскими подразделениями.

Зоран уткнулся заплаканным лицом в грудь отца: «Отец, уедем отсюда. Поехали в Белград, ты обещал. Мы ведь пойдем на сотую игру Партизан — Црвена Звезда? Мы ведь не можем пропустить такое, да, отец?»

Март-апрель 2005 года
(в память о трагедии 10-летней давности)



Михаил Кантария

Полковник. Участвовал: Афганистан, Африка, Ближний Восток, Югославия
http://artofwar.ru/k/kantarija_m_a/

ЗАКАТ В ДЕБРЯХ БУША (русские миротворцы в Африке)

Моим друзьям и соратникам, истинным интернационалистам
 и миротворцам, посвящается...

Глава 1 Переговоры

Сколько Максим находился без сознания, он определить не мог, удар прикладом пришелся на заднюю сторону головы, там, где под черепной коробкой располагается мозжечок. Немного тошнило, сильно болели ребра, наверное, пинали его эти пиндосы*, когда сбили с ног. Хотелось пить, он попробовал повернуться, но мешали связанные руки, от неловких движений в голове опять что-то стрельнуло, и на него снова навалилась черная мгла. «Только бы не подумали, что умер, а то сожрут, если не просто выкинут собакам», — подумал Максим, проваливаясь в забытие.

...Перед ним снова вставала картина прошедшего дня. День обещал быть обыкновенным; все приготовления к поездке на переговоры проходили в нормальном режиме, с повседневной суматохой, построением колонны к выезду, проверкой оружия, памятным групповым фотографированием, погрузкой горячего обеда (банглы* в этом отношении молодцы, всегда горячее питание с собой таскают — и для офицеров, и для солдат).

Максим еще раз дал ЦУ своим наблюдателям*: проверить готовность машин, не забыть карты маршрута, портативные «Моторолы», два ящика с «Фантой» и «Колой» для противоположной стороны — пить обычно предлагаемое повстанцами пальмовое вино (жуткая муть даже для советско-российских офицеров) было чревато

* пиндосы — прозвище африканцев, данное им советскими военными советниками и специалистами еще во времена активной военно-технической помощи СССР национально-освободительным движениям на африканском континенте.

* банглы — бангладешцы, военнослужащие миротворческого контингента из Бангладеш.

* наблюдатели — военные наблюдатели ООН, офицеры-миротворцы без оружия.

страшным расстройством желудка суток на трое. Потом пошел для последнего инструктажа к украинским коллегам, которые исключительно по-братски смогли предоставить охрану из трех спецназовцев, молодцеватых и бравых на вид.

Все трое, два Олега и Саня, были выпускниками прославленного Киевского ВОКУ, разведфака, правда, заканчивали его уже в самостийной Украине. Поэтому прибыли в миссию* в составе украинской ремонтной группы, где числились инструкторами по стрелковой подготовке, а на деле командовали взводом отборных украинских спецназовцев, которые сопровождали украинские грузовики под ооновскими флагами по наиболее опасным маршрутам этой «милой» африканской страны и обеспечивали охрану командования украинских миротворцев.

Старлей Саня был под два метра, бронник надел прямо на тельняшку — жарко, стоял в теньке местного чахло-го баобабчика, нежно поглаживая свой ПК и запасную коробку с патронами; майор Олег — командир их группы, с интересом посматривал на бангладешцев и их вооружение (СКСы с навинчивающимися противопехотными гранатами, АК-47, РПГ-7, ПК с треногами). Они тоже входили в состав охраны делегации. Командовал ими шустрый молодой капитан, по слухам, до командировки в ЮНАМСИЛ* охранявший бангладешского премьера. Вид у них был достаточно боевой, по видимому, удовлетворивший командира украинских спецназовцев. Капитан Олег, третий украинский офицер этой группы, взявший в УКРБАТ* видеокамеру, с удовольствием снимал все

* миссия — имеется ввиду миротворческая миссия ООН в Леон-Сьерре.

* ЮНАМСИЛ — миротворческая миссия ООН в Леон-Сьерре.

* УКРБАТ — украинский батальон миротворческой миссии ООН в Леон-Сьерре.

приготовления к выезду и ее участников.

«Ну что, братья по крови и духу, разуму и половым влечениям, — начал свой инструктаж Максим, — давайте обсудим детали. В вашу боевую готовность я верю, да и банглы, вроде, лучших дали, но вы на подобном выезде в первый раз, поэтому еще раз уточним маршрут, пункты прохождения, дислокацию правительственных войск и повстанцев и что делать в случае шухера».

Разговор длился около 15 минут. Затем Максим переговорил по-английски о том же с капитаном Джахунгиром, командиром бангладешского взвода, и дал ему время довести инструктаж до своих подчиненных на бенгали. А сам еще раз посмотрел на кенийца Майкла, уругвайца Хулио и танзанийца Асимбу — свою команду для возобновления переговоров с повстанцами в зоне ответственности сектора Локо-Порт.

«Ну что, господа военные наблюдатели, по машинам, соблюдать дистанцию, поддерживать связь», — скомандовал Максим, и миссия по организации переговоров тронулась в путь.

Колонна была небольшой: два «Лэнд Крузера» военных наблюдателей и три небольших джипа бангладешцев. Вскоре они уже выехали из Локо-Порта, и дорога заструилась через джунгли, периодически выскакивая на небольшие открытые пространства, занятые деревушками с крошечными рисовыми полями и огородами. На маршруте последним пунктом, занятым правительственными войсками (пехотной ротой 9-го батальона Локопортской бригады), была деревня с нехитрым названием Кибелу. Сделав короткую остановку и поприветствовав командира роты, коренастого, черного как смола африканца лет сорока, Максим спросил про обстановку в районе переговоров. Ответ, как всегда, был успокоительным и однозначным: все в норме.



Предупредив по рации свой отряд, что территория, контролируемая правительством, закончилась, и что следующая деревня уже под повстанцами «RUF» (по-английски — Революционный объединенный фронт освобождения Леон-Сьерры), Максим включил первую передачу и медленно двинулся на выезд из деревни. Слева мелькнул маленький окопчик с двумя часовыми. Стараясь спрятаться от пронизывающих солнечных лучей, они лениво помахали удаляющейся колонне миротворцев.

Вскоре показалась деревушка Камембе, которая находилась уже под контролем повстанцев. За 15 метров до первого дома, бамбуковой хижинки, через всю дорогу проходило противотранспортное препятствие, сооруженное борцами за свободу, — канава, глубиной около 70 см и шириной метра полтора, с острыми кольщиками на дне, прикрытая плетенькой, засыпанной сверху землей и травой. Сооружение с первого взгляда примитивное, но достаточно эффективное — незаметное и непроходимое для автотранспорта: на скорости не проскочить, может вообще передний мост сорвать, а медленно ехать — прокол обоих передних колес обеспечен надежно и надолго.

Приходилось объезжать подобные казусы по обочине, надо было делать это осторожно, повстанцы были горазды на различные пакости. Однако пек не у въезда в деревню, являвшийся своего рода КПП, на этот раз пустовал. Обычно тут сиживал часовой, существо с АК-47, лет пятнадцати, одетое

в рваную майку «Чикаго Булс» и китайские сланцы. Надо было быть опытным специалистом по боевым действиям в джунглях, чтобы узреть в подобных отроках смелых, беспощадных солдат, готовых идти до конца.

Максим дал отмашку остановиться и вылез из машины. Ситуация с отсутствием обычного часового повстанцев ему не понравилась. Но отменить поездку на переговоры из-за такой причины было крайне нежелательно. Его бы никто не понял в штабе миссии, там сейчас всю теорию ребятам в провинциях, призывая к быстрейшему налаживанию контактов с повстанцами на местах, особенно после недавних событий*, повлекших за собой срыв всего мирного процесса.

Рация уже работала плохо из-за отсутствия ретрансляторов в этом районе. Максим передал всем быть начеку, и колонна потихоньку двинулась дальше через деревню к большому карьеру через дорогу, вырытому партизанами джунглей еще два года назад, когда война в этом маленьком, но алмазном районе мира бушевала с неослабевающим размахом.

Подъехав к карьере, колонна остановилась и, следуя указаниям Максима, перестроилась для обратного дви-

* 6 месяцев назад повстанцы нарушили перемирие, атаковали подразделения ООН и правительственные войска в наиболее важных в стратегическом отношении местах. Большого успеха они, правда, не добились, но переговоры по подписанию мирных соглашений были сорваны, и доверие сторон, участвующих в конфликте, друг к другу было сильно подорвано.

жения, чтобы в случае нападения или обстрела сразу начать движение без заторов и паники. Максим собрал вокруг себя всех, кто собирался сопровождать его к назначенному месту для переговоров — мосту Мангле через реку Гобое. Мост, построенный еще при англичанах, из крупных каменных блоков, был классным. Слава богу, повстанцам хватило ума не разрушать его, а только перекрыть к нему подъезды карьерами с обеих сторон.

В этом районе действовала бригада RUF под командованием полковника Байбуре, сурового молодого человека 25 лет по кличке «Мясник», он лично показывал пример подчиненным в расправах с пленными. Бригада была сформирована по стандартам правительственных войск, и, несмотря на недостаток униформы и соответствующей обуви, имела хорошее вооружение для войны в джунглях и отличную дисциплину, скрепленную кровью и лишениями десятилетней войны. Подавляющему большинству повстанцев было 14-15 лет, а опыт боевых действий у них был 7-8 лет, они не знали другой жизни, и им нечего было терять.

Украинские спецназовцы выстроились в форме треугольника вокруг Максима и его военных наблюдателей, что обеспечивало максимальное прикрытие в случае засады. Олег снимал все происходящее на камеру, а бангладешцы во главе с капитаном Джахунгиром, который оставил часть своих солдат для охраны машин, заняли походный порядок по периметру вокруг группы Максима и украинцев, готовые к эскорту. «Ну что, ребята, с богом, пошли», — сказал негромко Максим, и вся группа, обойдя карьер с правого фланга, двинулась к мосту. Максим закурил, сказывалось нервное напряжение.

Погода была просто замечательной, совсем не располагавшей к каким-либо неприятностям. Солнце светило ярко, но дул несильный ветерок, приятно холодивший кожу, в зарослях буша раздавалось пение местных пернатых жителей.

Пройдя метров 100 и завернув за поворот, Максим и его команда увидели мост и то ли партизан джунглей, то ли местных сельчан, маячивших на другом конце этого сооружения. Местом для переговоров, по договоренности, являлась обочина на противоположной от повстанцев стороне, куда подходил Максим со своим эскортом. В это время дня там была уже тень, и несколько валявшихся бревен рас-

Вне зоны видимости



полагали к ведению непринужденной беседы за дело мира и прогресса в этой бывшей колонии когда-то великой британской империи.

Однако это место было уже занято: человек 30 солдат в униформе перекрыли все подступы к мосту, справа и слева от моста кусты также шевелились, показывая активность и серьезность намерений правительственных войск.

«Кто старший у вас? Я подполковник Макс, начальник военных наблюдателей в секторе Локо-Порт», — спросил Максим, выдвигаясь вперед. Из теньки слева от моста поднялась высокая фигура в камуфляже, приблизилась к Максиму и отдала честь.

«Здравствуйте, сэр, лейтенант Мугабе, заместитель командира роты. Я получил приказ выдвинуться к мосту и занять оборону. Мы удачно разоружили повстанцев в Камембе, захватив двоих в плен. Вот и все».

«Кто приказал вам начать подобные действия и таким образом нарушить проведение переговоров?» — спросил Максим сердито. Он понимал, что, скорее всего, это местная самодетельность. Если бы это был приказ из Либергитауна*, то их бы предупредили.

«Лейтенант, я говорю очень серьезно, пожалуйста, отведите своих людей с моста и доложите своим, что я и военные наблюдатели ООН прибыли на место для ведения переговоров, и если вы будете нам мешать, или повстанцы откажутся общаться с нами из-за вашего присутствия, то по приезду в штаб сектора, я позвоню в Либергитаун и все расскажу. Я ведь понимаю, что эта демонстрация силы — личная инициатива командира роты, максимум батальона».

* Либергитаун — столица Леон-Сьерры, где располагался центральный штаб миротворческой миссии ООН в Леон-Сьерре.

Завидев Максима и других ООНовцев, с другой стороны моста к ним двинулась группа из 12-15 партизан, половина из которых была вооружена. Максим решил дождаться их на своей стороне моста, давая таким образом время украинцам и бангладешцам для занятия выгодных с точки зрения обороны позиций вокруг предполагаемого места встречи. Украинские спецназовцы образовали своеобразный круг вокруг Максима, максимально прикрывая его, а бангладешцы заняли оборону по обе стороны от моста.

Повстанцы приближались, одного Максим сразу узнал, майора Пойзона, по-английски «яд», паренька лет 20, в трофейном бронжилете, пилотке, со стеклом в руке на английский манер и безоружного. Они уже встречались раньше, поэтому Пойзон тоже узнал Максима, но не улыбался как обычно.

«Здравствуй, полковник, мы ждали только вас, а ты привел с собой еще и солдат правительственных войск, зачем?» — спросил Пойзон. За спиной у него уже маячило до 50 человек, половина с оружием, АК-47 и РПГ-7. Максим также поприветствовал майора и предложил в такой ситуации проводить переговоры на середине моста, с обеих сторон только командиры и без оружия. А охрану обоюдно отвести на противоположные стороны моста. Пойзон согласился, и, пока принесли и ставили на середину моста две скамейки, и переговорщики рассаживались, Максим начал разговор.

«Майор, какие правительственные войска? Для меня это такой же сюрприз, как и для тебя. У меня достаточно своей охраны, как ты видишь, очень хорошей и подготовленной, но я приехал на переговоры о мире, а солдаты правительственной армии уже уходят».

Действительно, вероятно, получив соответствующие инструкции по рации, лейтенант разворачивал и вводил своих солдат с моста, освобождая место для миротворцев. Однако совсем не ушел, а расположился со своими примерно двумя взводами на отрезке дороги между мостом и карьером. Пойзон тоже видел эти действия.

«Тогда зачем они пришли, нарушив зону разъединения, и что стало с моими людьми в Камембе?» — снова спросил Пойзон. Тон у него был достаточно недружелюбным. Уругваец Хулио и танзаниец Асимба, оба капитаны, чувствовали это и с тревогой оглядывались, надеясь побыстрее закончить эту неприятную беседу и вновь оказаться у машин, которые остались

за карьером вместе с частью охраны и майором Майклом из Кении.

«Я во всем разберусь, ты же знаешь меня, Пойзон, — ответил Максим. — И если что не так, солдаты уйдут к себе в гарнизон, а твоих людей я заберу у них, хотя, если пожелают, отправлю в лагерь DDR*. Ты не возражаешь, если мы будем продолжать видеосъемку? Ведь это реальное доказательство, кто прав, кто виноват».

«Согласен. Я знаю тебя и верю твоему слову, Лев с Севера (так Максима прозвали повстанцы), но я не верю правительству, мы с ними воюем уже 10 лет, всякое бывало».

«Я понимаю, ты и твои люди рассержены и озлоблены происходящим, поэтому для переговоров выберем другой день, а сегодня я попытаюсь убрать солдат и буду между вами, пока они не уйдут в свой передовой лагерь, а потом вернусь в штаб сектора и доложу об этом бардаке».

Максим старался говорить спокойно, всем видом показывая миролюбивое настроение его команды и решимость разобраться в происходящем быстро, без последствий. Это давалось нелегко, все нервничали, было видно, что напряжение не спадает, и любое необдуманное слово, или, хуже того, жест или неосторожное движение могли спровоцировать конфликт.

«Мы уходим, Пойзон, ты, пожалуйста, оставайся со своими людьми на мосту, я и моя охрана будем гарантировать безопасность между твоими ребятами и солдатами. Начнете стрелять, вы или они, попадете в нас, тогда уж всем крышка, а виноватого все равно найдем и накажем. Вертолет вызовем, например».

Попрошавшись, Максим, сопровождаемый Асимбой и Хулио, пошел на свою сторону моста, где, подзвав лейтенанта, еще раз настоял на немедленном отводе солдат на прежние позиции во избежание перестрелки и конфликта. После недолгих переговоров, периодически запрашивая по рации своих, солдаты с лейтенантом двинулись в обратный путь, договорившись оставить пленных бангладешцам, охранявшим машины колонны на противоположной стороне карьера. Дождавшись пока подразделение правительственных войск покинет территорию повстанцев и помахав рукой

* лагерь DDR — специально созданная структура для процесса разоружения, демилитаризации и реинтеграции повстанцев в мирную жизнь страны (по-английски аббревиатура DDR — disarmament, demobilization, reintegration).

Пойзону, Максим дал команду колонне двигаться обратно в штаб сектора.

Напряжение, владевшее всеми, спало. Все начали улыбаться, вспоминая неприятные часы, когда одно неосторожное движение или слово могли вызвать огонь со стороны повстанцев. «Спасибо, ребята, вы все были молодцами, благодаря вашей четкости в действиях и решительному виду, ни повстанцы, ни солдаты не посмели предпринять какие-либо провокационные действия», — сказал Максим участникам миссии. И украинцы, и бангладешцы уже всю переговоры ривались, шумно обсуждая происшедшее. «Это тебе, командир, спасибо, твой опыт, популярность у партизан повернули ход события в нашу сторону», — наперебой заговорили все.

«Ладно, благодарю за службу, все будут отмечены в рапорте, а сейчас сделаем так: Джахунгир, езжай к себе в батальон, на сегодня ваша служба завершена, спасибо, дорогой, с меня бакшиш; Олег и хлопцы, вас мои наблюдатели добrosят до аэродрома и вызовут вертолет, чтобы сегодня вечером вы нормально отдохнули у себя на базе, по приезду к вам с меня прощавочка, как полагается. Асимба, Хулио, Майкл, вы езжайте в штаб сектора, а я, пожалуй, рвану в Либергитаун, в штаб миссии, к вечеру вернусь. А то все равно заставят приезжать и рассказывать, что да как».

Выехав из зоны, контролируемой повстанцами, и добравшись до перекрестка, ведущего в Локо-Порт, Максим попрощался со всеми и повернул на своем служебном «Лэнд Крузере» на разбитую войной и временем асфальтовую дорогу, ведущую в Либергитаун.

Глава 2 Засада

Максим провозился в штабе миссии до вечера; сначала доложил о событиях у моста начальнику штаба, высокому, крупному английскому полковнику Джону Дебингтону, морскому пехотинцу ее величества британской королевы. Дебингтон мужиком был неплохим, справедливым, с русскими умел ладить, уважал и понимал их, поэтому к докладу Максима отнесся серьезно и тут же дал указание оперативному отделу связаться с УКРБАТом и получить копию видеосъемки.

«Это прикроет ваши задницы, а мне будет сувенир про подвиги русских в Африке, — пробурчал он миро-

Закат в джунглях буша



любиво. — Тебе везет, Макс, пусть и дальше также продолжается. Езжай к себе обратно и поспеши до наступления темноты. Что-то опять «шалют» партизаны, и как раз на твоём маршруте. А я доложу генералу, не волнуйся, он будет доволен, ты все правильно сделал».

«Спасибо, чиф, вы понимаете нас и нашу работу, иной раз и со своим начальством в России не можешь найти понимания, а ведь это так важно и нужно, особенно когда могут стрелять», — с благодарностью сказал Максим и откланялся.

Однако сразу не выехал обратно в сектор, а пошел навестить русских штабников, курировавших авиагруппу. Но в офисе застал только капитана Эдика Подорожного, «держателя» русского дома* в Либергитауне. Эдик был парнем со странностями (у каждого свои проблемы и причуды — жены, любовницы, алкоголизм и т.п.), но под чутким руководством Максима (периодически он устраивал Эдику головомойки, когда тот начинал косячить под «дауна») следил за домом прилежно. К каждому приезду русских наблюдателей все было чисто и готово к приему уставших от джунглей и бытовых неудобств ребят: у старенькой служанки Сильвии ды-

* русский дом — вилла, которая снималась коллективно русскими военными наблюдателями в целях экономии суточных, т.к. цены в приличных местных отелях очень сильно кусались. «Держателем» назначался тот, кто на длительный период был прикомандирован к центральному штабу и мог, соответственно, уделять должное внимание ведению домашнего хозяйства.

мились на столе зажаренные в кипящем масле «по-африкански» крупные куски барракуды и традиционные чипсы. Эдик же набивал почти поломанный холодильник пивом, колбасой, сыром и прочими разносолами из ооновского пи-экса* и посылал сторожа (он же дворник) Аджая на рынок за свежими яйцами и булочками. Ребята, приехав, тут же затаривались вискарем, и начинался двух-трехдневный уход в «страну дураков», с пьянкой, обжираловкой, поездками в ночные дискотеки Либергитауна, привозом местных красоток и неизменным подсчитыванием финансовых потерь утром, сопровождавшихся головной болью и «лечением», плавно перетекавшим в новые буйства. Через неделю, как правило, появлялся Максим и на правах старшего группы разгонял всю банду по местам их дислокаций, где ребята опять добросовестно в течение целого месяца патрулировали джунгли, рискуя нарваться на засаду повстанцев, а ночью погибали под натиском комаров, от которых болели малярией по несколько раз, несмотря ни на какие чудо-лекарства.

Эдик, как обычно, висел на телефоне и докладывал своей жене о новых сбережениях, которые он регулярно отправлял ей в Россию. Ходили слухи, что Эдик рогат как дикий самец-вожак целого стада, на что он неизменно отвечал, что, если ей хорошо, то и ему тоже соответственно.

* пи-экс — военторг (англ. яз. — PX), в данном случае супермаркет для членов миссии ООН.

Вне зоны видимости

К Максиму он относился как к старшему брату, начальнику и другу в одном лице и называл его магистром.

«О, великий, ты снова пожаловал к нам, муравьям», — как обычно, с пафосом поприветствовал он вошедшего Максима.

«Муравьи работают, а ты по телефону болтаешь. Зайди попозже в оперативный отдел. Там будет сводка о нашем секторе, передашь ее в авиагруппу, а я сегодня вечером позвоню им из штаба сектора, расскажу все устами очевидца. Надо будет заполнить заявку на их полеты в нашем секторе, не забудь».

«Слушаю и повинуюсь, магистр. Когда снова мы сможем лицезреть твой божественный лик в нашем замке?»

«Как всегда, в конце месяца. Если не будет накладок. И проверь генератор, если опять не будет работать к приезду ребят, защищать не буду, намылят шею тебе, уж поверь».

Далее Максим отправился к кадровикам по поводу перевода двух русских наблюдателей в центральный штаб (скоро должна была начаться ротация), потом зашел к девчонкам-таджичкам, работавшим в офисе на вертолетной площадке. Им всегда было приятно поболтать с кем-нибудь на родном языке. А Максим еще не совсем забыл дари*. Кроме того, надо было узнать о наличии свободных мест на рейс в соседнюю Гвинею, которую Максим собирался посетить через неделю.

«Салам, хубасти, джурасти, дохтароне кяшяныг ва макбуль*», — поприветствовал Максим молодых дам из Средней Азии.

«Ташакор, азиз, хуш омадид*», — в тон ему весело отвечали Зульфия и Лейла. Далее беседа велась на языке межнационального общения братских республик бывшего Союза. Поболтав минут пять и узнав последние штабные сплетни из жизни гражданского и военного персонала миссии, а также записавшись на нужный ему рейс, Максим вежливо попрощался с девушками и отправился в пи-экс для обновления запасов пива, прохладительных напитков и пресной воды (местной водой старались не пользоваться, даже кипяченной). Там была

* дари — кабульский диалект персидского языка (фарси), очень близок к таджикскому языку.

* на дари: здравствуйте, как дела, здоровы ли, красивые и симпатичные девушки.

* Спасибо, дорогой, добро пожаловать.

большая очередь, и он провозился целый час.

Незаметно наступил вечер, солнышко, мелькнув в последний раз, спряталось за горизонтом. С моря усилился прохладный ветерок, как бы гостеприимно приглашая всех посетить многочисленные кафе и бары, разбросанные вдоль всей набережной Либертитауна, или поплавать в нагретом за день океане, в котором температура воды никогда не опускалась ниже 25 градусов по Цельсию.

Максим взглянул на часы. Пора было выезжать. И так половину дороги пришлось бы ехать в кромешной темноте, отсчитывая пройденный путь по многочисленным чекпоинтам* миротворцев и правительственных войск, расположенных вдоль всего участка единственной трассы из столицы в провинцию Локо-Порт, где располагался штаб пятого сектора миссии, в котором Максим занимал достаточно представительную должность начальника военных наблюдателей.

Дорога считалась неопасной, т.к. наличие множества чекпоинтов и обещания подписание перемирия лидерами партизан должны были гарантировать безопасность всем проезжающим по ней. Но все конвои миротворцев всегда следовали под усиленной охраной, для чего периодически привлекались даже вертолеты, а штабные регуляции предписывали передвигаться только днем и группами из двух и более машин. Связь между руководством повстанческого движения и отрядами «фридомфайтеров»* в джунглях оставляла желать лучшего, и поэтому наиболее ретивые борцы за свободу и демократию в стране алмазов и бананов не отказывали себе в удовольствии периодически выходить на дорогу и грабить проезжавшие машины и путников. ООНовский транспорт не трогали, однако ночью все кошки серы, и иногда припозднившаяся одиночная машина становилась легкой добычей партизан, т.к. в большинстве случаев при явном превосходстве сил противника миротворцы старались обходиться без боестолкновений, предпочитая потом путем переговоров получить обратно имущество Организации Объединенных Наций.

Проехав больше половины пути, Максим догнал небольшую колонну,

* чекпоинт — КПП, контрольно-пропускной пункт (англ. яз. — checkpoint).

* фримомфайтер — борец за свободу (англ. яз. — freedom fighter).

состоящую из двух грузовиков и трех «багги». Это были британские военные советники и инструкторы, которые, как и советские советники в Афганистане, занимались обучением правительственных войск в Леон-Сьерре.

Он, естественно, не знал, что повстанческая группировка, контролирующая этот район, приняла решение захватить в плен заложников из числа британских военных, работающих на правительство, и таким образом начать новый виток переговоров с позиции стороны, имеющей неоспоримое преимущество. Лазутчики у партизан были отменные, и засада была уже организована за мостом Ракель, где пост миротворцев располагался до моста, а далее шла дорога, на пару километров никем не контролируемая. Здесь было достаточно удобно совершить нападение из джунглей, а затем уйти безнаказанно с трофеями и, возможно, без потерь. Подданные ее величества королевы Елизаветы были вооружены, но ни разу не подвергались нападению за все время пребывания в стране, половина сержантов и офицеров (всего в колонне следовало 7 сержантов и 9 офицеров) не имели боевого опыта, а в засаде их ждали 50 повстанцев, поэтому колонна была обречена. Максим, естественно, ничего не подозревая, пристроился за ней, радуясь, что остаток пути проведет в относительной безопасности.

Засадой партизан командовал полковник Мавру Сабана. Он был одним из наиболее агрессивно настроенных лидеров повстанцев, который считал, что власть нужно брать только вооруженным путем, и любые переговоры есть проявление слабости и нерешительности. Ему, бывшему капрану правительственной армии, казалось, что наступательная тактика оправдывает себя, и он станет генералом и министром в новом кабинете правительства.

«Колонна приближается, по два человека в грузовиках и по 4 в «багги», в конце следует один ООНовский джип, количество людей в нем не видно», — доложили Сабане.



«Ну и что, пусть там даже 4 вооруженных миротворца, все равно это не может помешать нам. Кто окажет сопротивление, убивайте на месте, из англичан половину надо взять живыми, начинаем».

Все было отработано. Когда колонна сбросила скорость, ибо этот участок дороги был достаточно разрушен за долгие годы войны, перед передней машиной появилось препятствие в виде небольшого бревна, через которое однако было невозможно перескочить ни грузовикам, ни остальным машинам. Далее второе бревно перегородило путь к отступлению. И повстанцы, беспорядочно стреляя в воздух, бросились к беспомощным машинам, пытающимся развернуться и уйти по обочине. Лишь четыре офицера и три сержанта успели открыть ответный огонь, и были тут же убиты разъяренными воинами джунглей, потерявшими сразу пять человек. Остальные британцы, дезорганизованные стрельбой со всех сторон, все-таки приготовились к отпору, но были уже окружены десятками партизан, которые явно демонстрировали, что при сопротивлении их постигнет участь погибших товарищей. Разоружив британцев, повстанцы подожгли машины, и вместе с добычей растаяли в джунглях.

Когда колонна остановилась, Максим начал доставать сигареты, ничего не подозревая. После начала пальбы, которая раздавалась со всех сторон, он выскочил из машины и бросился

Лишь четыре офицера и три сержанта успели открыть ответный огонь, и были тут же убиты разъяренными воинами джунглей, потерявшими сразу пять человек.

к обочине, где и столкнулся с тремя подбежавшими партизанами.

«Миротворческая миссия ООН, подполков...» — начал было представляться Максим, но, получив сразу двойной удар прикладами автоматов, упал и потерял сознание.

Мавру Сабана был доволен, в джипе оказался лишь один военный наблюдатель без оружия, еще один ценный заложник. «Забрать все, что можем унести, машины сжечь, пленным бить, но в меру, все, уходим», — командовал он, и отряд повстанцев по малозаметным тропинкам, раздвигая буй*, двинулся к себе на базу.

* буй — высокий африканский кустарник, переходящий непосредственно в джунгли или саванну.

Закат в делях буша

Глава 3
Освобождение

Максим очнулся оттого, что кто-то трогал его голову чем-то мокрым. С трудом разлепив заплывшие от удара глаза, он увидел белого человека в изорванном камуфляже, который, стараясь не причинить боли, аккуратно прикладывал в разбитой голове Максима влажную тряпку. Заметив, что Максим очнулся, человек улыбнулся и спросил: «Вы говорите по-английски, как себя чувствуете?»

«Спасибо, удовлетворительно, пока еще жив. Вы доктор?»

на вас, на меня? Вроде, боевых действий никто не объявлял».

«Это была засада на нас, сэр, — британец держался вежливо. — А вы просто подвернулись под руку. Всех, кто успел открыть огонь, убили. А мы не сразу поняли, что это засада, ведь повстанцы стреляли в воздух, а на поражение только в случае сопротивления, и потом, их было человек 50-60, не меньше. Мы думаем, что нас специально брали в заложники, убить они могли бы сразу, расстреляв колонну из буша».

Максим оглядел сарайчик и рассмотрел всех находившихся внутри. Все девять оставшихся в живых англичан выглядели избитыми и измученными, но глаза у всех горели огнем, непонятной для данного случая, бодрости и ожидания.

«Что будем делать?» — спросил Максим капитана Литгоу. Чувствовалось, что в данной ситуации он у британцев за старшего.

«Сэр, бежать бесполезно, далеко мы не уйдем, а их здесь, как муравьев. Не волнуйтесь. Наверняка, наши в Либертитауне уже в курсе происшедшего и докладывают Лондону. А те пришлют спецназ, думаем, дней через пять нас освободят. Разрешите представить вам моих товарищей: капитаны Дик Ченси и Роберт Карлайн, лейтенанты Роджер Визбоу, Майкл Стэнли и Хью Беримор, сержанты Стив Дуглас, Джон Меллоу, Ричард Картер и Энтони Роджерс».

Все представляемые, с трудом, но вставали и отдавали Максиму честь как старшему по званию. Максим тоже привстал и, кривясь от дер-

* война в заливе — боевые действия коалиционных сил во главе с США против Ирака в 1991 году.

Вне зоны видимости

гающей боли избитого тела, изображал что-то похожее на отдание чести.

«А ваши ООНовцы пока время потянут переговорами про ваше освобождение или обмен. Нам это на руку. А что предпримет Москва, сэр? Мы знаем, что у вас очень сильный спецназ, или же ваши дипломаты займутся вашим делом, еще бы, целого подполковника взяли в заложники», — спросил с участием Литгоу, и было видно, что он не шутил.

Пересиливая наваливающееся отчаяние, Максим кивнул. «Да, я думаю, мое руководство будет действовать комбинированно, а сейчас давайте отдохнем немного, силы нам еще понадобятся».

Максим попытался подремать, но сон не приходил. Мысли путались, вся надежда была на ООН, но это долгая дипломатия, а может, бритты сумеют достаточно быстро найти и освободить своих, и его заодно.

На Родину полагаться не было смысла, в Леон-Сьерре даже посольства не было, к тому же, подобные командировки расценивались в Минобороны как дар свыше, возможность подлатать нищий бюджет российского офицера, поэтому требование о помощи повисло бы в воздухе как неудачный анекдот: тут люди в Чечне гибнут, а вы на берегу океана, виски, черные красавицы, доллары.... Да вы обурели!

Кстати, часть офицеров действительно приезжала с целью поднасобить денег, не вдаваясь в подробности

сложной и тонкой деятельности миротворцев, особенно военных наблюдателей ООН. Они жили по принципу: день прошел и ладно. Весь авторитет российских военных наблюдателей ООН держался исключительно на тех добросовестных офицерах, которые с энтузиазмом и смелостью, не жалея себя, работали в любых условиях, зарабатывая уважение себе и России, занимали благодаря личным качествам командные и руководящие посты. Со стороны Родины им в этом помогали лишь отдельные высокопоставленные офицеры, которые смогли осознать важность участия России в миротворческой деятельности в самых разных формах.

Прошло четыре дня. Повстанцы практически не обращали внимания на заложников. Руководство партизан неоднозначно отнеслось к данной акции. Но все признавали, что теперь появился лишний козырь для нового раунда переговоров.

Раз в день, ближе к вечеру заносили в хижину, где содержались пленные, один глиняный кувшин с водой и плетеный поднос с полусгнившими бананами и манго. В туалет не выводили, поэтому приходилось справлять нужду тут же, в одном из углов. Стояла жара, тучи мух и прочих насекомых, похоже, решили окончательно доконать пленников, запах человеческих испражнений и немывтых, потных тел плотной пеленой висел в воздухе. Все это привело к тому, что с первого дня у заложников начались кишечно-желудочные расстройства,

сильно смахивающие на дизентерию, диарею и т.п. На вторые сутки у половины заключенных начался жар, поднялась температура, это была малярия или еще какая-нибудь лихорадка — трудно было определить в подобных условиях.

Максима мучили и понос, и жара, и вонь экскрементов, которой, казалось, пропитались все находившиеся в хижине. Первые двое суток его рвало, потом организм привык, однако продолжал сильно ощущаться недостаток свежего воздуха. Люди лежали в полудреме, ожидая развязки. Максим решил, что если на пятые сутки ничего не произойдет, он предпримет побег. Он и так каждый день, незаметно для окружающих, ковырял землю руками у своей стенки, стараясь сделать нечто похожее на подкоп.

Лондон, действительно, уже через сутки знал, что случилось. И через 36 часов с момента захвата британцев два «Геркулеса С-130» вылетели из Плимута* в направлении Леон-Сьерры. Они везли роту САС* в полном составе, усиленную двумя минометными батареями. Практически одновременно два фрегата и один крейсер, составлявшие дежурную смену британских ВМС в этом уголке Атлантики, получили соответствующие приказы, взяли курс на Либертиаун. Один из спутников ВВС Великобритании завис над Западной Африкой и приступил к съемкам местности. Военная машина бывшей империи не давала сбоев.

Рота САС, в составе 110 военнослужащих, была отлично подготовлена, стрелковое вооружение, гранатометы и пулеметы в сочетании с восемью минометами огневой поддержки создавали мощный кулак, способный к быстрым и эффективным действиям.

Война в джунглях требовала особой подготовки. Военнослужащие САС были готовы воевать везде. В ходе полета на борт «Геркулесов» поступила необходимая фото- и видеoinформация со спутника о расположении базы повстанцев, где содержались заложники. Снимки, пленка — все было очень высокого качества, позволяли рассмотреть место будущего нападения в самых мельчайших подробностях, с точностью до одного метра. Было принято решение приземлиться в Бамако, столице Мали, государства,

* Плимут — город и порт в Великобритании, где располагается одна из баз морской пехоты ее величества.

* САС — части специального назначения (спецназ) ВВС Великобритании.

соседствующего с Леон-Сьеррой. Эта бывшая колония Франции довольно терпимо относилась к англичанам, чего нельзя было сказать про отношение к бывшим хозяевам. Англичане попросили транзитную стоянку на сутки, объясняя все необходимостью короткого отдыха перед продолжением учений. Кроме запроса на двадцатичетырехчасовую стоянку, в «Банк Дю Мали» была переведена необходимая сумма за время стоянки и использование территории аэропорта вне расписания, что окончательно разрешило все возможные сомнения малийских властей. Подобную практику кратких военных визитов проводили все бывшие колониальные страны, объясняя происходившее военными учениями и маневрами.

После приземления командир роты САС подполковник Гай Джонсон связался с командованием морской тактической группой, которая уже приближалась к побережью Леон-Сьерры. Группой командовал капитан 1 ранга Харт Бруммин, его задачей было поддержать спецназ всеми тремя имеющимися вертолетами Сикорского и, при необходимости, подразделением морской пехоты, находящимся на одном из судов.

На аэродроме Бамако стояла адская жара, спецназцы без оружия расположились под тенью самолетов и обедали сухим пайком. А их командиры разрабатывали и обсуждали план атаки, который собирались претворить в жизнь ночью.

От аэродрома Бамако до Либертиауна всего два часа полета. Вертолеты и автотранспорт будут ждать их там. Джонсон ждал наступления сумерек. Отправив план на утверждение в Лондон, в ожидании ответа он закурил пятидолларовую сигару и открыл банку с холодным пивом — в самолетах были холодильные камеры с минеральной водой и пивом в достаточном количестве, но Гай никогда не позволял перед операцией больше двух банок. Режим он выдерживал всегда.

Ответ пришел очень быстро: вам на месте видней, доверяем, одобряем, желаем успеха и удачи. «Фак ю», — буркнул Джонсон. И улыбнулся, он верил в успех и в своих людей, такие не подведут.

Операция прошла успешно. Все заложники, в том числе и Максим, были освобождены быстро и без потерь. Из них никто не пострадал, даже ранен не был. Вся группировка повстанцев была уничтожена полно-

Закат в джунглях буша



стью, включая женщин и подростков, оказавших сопротивление. Лишь единичам удалось спастись в разгар боя, ускользнув в глубину буша. У спецназцев были только легкораненые, но в большом количестве — каждый четвертый. План, основанный на опыте борьбы с партизанами в Африке в годы неокOLONIALИЗМА, оправдал себя полностью. Практически всегда небольшие по численности подразделения специального назначения одерживали верх над численно превосходящим, но не выдерживающим стремительных ночных нападений и мощной плотности огня, контингентом «борцов за свободу», ленивых и нерадивых в изучении военного дела, способных лишь к проведению показательных расправ над безоружным населением.

Мавру Сабана был убит в самом начале боя; он сразу понял, что нападавшие не только освободят заложников, но и перебыют весь лагерь. Пленных спецназ не берет, если это не входит в план операции. Он короткими перебежками, вместе с двумя телохранителями, пытался незаметно уйти вдоль реки, но снайперы САСа, вооруженные приборами ночного видения, пристрелили их, даже не дав выйти за периметр лагеря.

Максим, проснувшись от грохота боя, попытался вскочить, но сокамерники тут же свалили его, прокричав, что началась операция по их освобождению, и лучше оставаться на месте, чем становиться бегущей мишенью. Когда через несколько минут в их хижину проскользнули несколько бойцов САСа, все британцы, поддержи-

вая Максима, молча последовали за ними, выполняя все указания и команды. Эвакуация прошла быстро, но звуки боя доносились до Максима почти на всем пути до Либертиауна.

На следующий день в полдень в штабе ЮНАМСИЛ была торжественная церемония встречи командования миротворцев и представителей британского контингента по случаю успешного проведения операции и освобождения заложников. Представители ООН были довольны, что захваченный офицер-миротворец (Максим) был освобожден так быстро и без участия миротворцев в этой силовой акции. Ведь переговоры с повстанцами, начатые на третий день после исчезновения Максима, сразу же зашли в тупик из-за невыполнимых требований лидеров партизан (вывода миротворцев, прекращения военной и гуманитарной помощи правительству и т. п.), а пока шли совещания со штабом ООН в Нью-Йорке, время работало не в пользу тех, кто лежал на земляном полу хижины в лагере повстанцев.

Через два месяца по телефону Максиму сказали, что Родина наградила его медалью «За укрепление боевого содружества». Как и полагается, Максим организовал проставочку по данному поводу, и вся группа российских военных наблюдателей ООН в очередной раз достойно отдохнула. Максим проследил, чтобы все прошло без ненужных приключений. Служба российских миротворцев в этом неистощимом на события и конфликты уголке Западной Африки продолжалась.



Интервью



Альберт Зарипов

Старший лейтенант. Герой России. Участвовал: Афганистан, Осетия, Чечня
http://artofwar.ru/z/zaripow_a/

«НИКТО НЕ ПОМОЖЕТ, КРОМЕ СЕБЯ САМОГО»

Беседовал Илья Плеханов

Родился 8 ноября 1968 года. В мае 1987 года призван на срочную службу в ряды Советской армии. Проходил службу в шестом батальоне спецназа в Лашкаргах, Афганистан. Старший разведчик-пулеметчик, затем заместитель командира группы спецназа. После вывода войск служил в 22 ОБРСпН под Баку; заместитель командира разведгруппы.

В 1993 году закончил Рязанское Воздушно-десантное командное училище. В качестве командира разведгруппы спецназа принимал участие в спецоперации по освобождению ростовских школьников, взятых в заложники в декабре 1993 года. Прошел Осетию, Чечню, Буденновск. Служба Альберта Зарипова закончилась спецоперацией по обезвреживанию отряда полевого командира Салмана Радуева в Первомайском, в ходе которой он получил тяжелое ранение.

Долго лечился в госпитале Бурденко. После такого «успешного» лечения Альберт полностью потерял зрение.

Впервые об Альберте я узнал по телевизору — показывали какую-то передачу про печально известный штурм Первомайского, когда боевики прорвались сквозь наше кольцо окружения. В кадре человек в черной шапочке и в очках с черными стеклами рассказывал, как через его позиции шли боевики. Я не сразу понял, что Альберт незрячий, это стало ясно, лишь когда его под руку вели по бывшим окопам. Затем я прочитал его произведение на сайте Art of War. Прочитал и не мог не восхититься мужеством этого человека, который, потеряв зрение, не опустил руки, нашел в себе силы жить, писать правду о произошедшем и занимать активную жизненную позицию. Когда приняли решение, что номер альманаха будет посвящен реабилитации раненых на войне ветеранов, к кому как не к Альберту, мне стоило прийти поговорить?

Альберт, расскажи о том бое, в котором получил ранение?

Бой произошел в ночь с 17 на 18 января 1996 года. В 3 часа с чем-то, не помню точно. Я получил минно-взрывное ранение в голову. Лицо порезало осколками, один осколок вошел над левой бровью. Правый глаз выбило сразу, а второй сильно посекло. Сам выполз к своим. Полз от звука... Сзади была стрельба, шел бой. Я очнулся, когда боевики уже через наши позиции прорвались, всех уничтожили, они кричали «Аллах Акбар», совсем рядом. Решил уходить, первые несколько шагов сделал на ногах, а потом уже полз... Зрение я потерял сразу... В первый день после ранения утром меня направили в эвакогоспиталь аэропорта Северный. Потом в госпиталь во Владикавказе, потом в Ростовский госпиталь... Инвалидность получил в январе 1997-го: дали справку, что я — инвалид войны 1-й группы с полной потерей зрения.

Что говорили врачи? Неужели шансов восстановить зрение не было?

Шансы восстановить зрение были... Говорили в Ростове, что в Бурденко может и сделают операцию. О Бурденко отдельная история, не хочу даже ее касаться. У меня выйдет скоро повесть, там опишу... Теперь уже все, даже за граница не поможет. Возможно только, когда людей клонировать будут...

Когда сам осознал, что зрение потерял уже навсегда? Были мысли, что жить не хотелось, что все кончено?

Странное дело, но таких мыслей не было... В первый день были мысли, что придется пиликать на скрипке там в переходе где-то... Потом выкинул все это из головы.

Кроме скрипки думал, чем заниматься будешь?

Да банки грабить... Шутка! (смеется)

9-18 января 1996 года чеченские террористы во главе с Салманом Радуевым совершили нападение на дагестанский город Кизляр и село Первомайское. В ночь с 17 на 18 января старший лейтенант Зарипов выполнял задачу по предотвращению попытки боевиков прорваться через кольцо окружения федеральных войск. Около 4.00 бандиты Радуева численностью до 350 человек предприняли попытку прорыва через боевые позиции наших войск. Основные усилия боевиков были направлены на участок, прикрываемый группой офицера Зарипова. Своевременно обнаружив террористов, Зарипов подал команду личному составу на открытие огня. Противник был отброшен назад. Старший лейтенант прицельным огнем из РПГ лично подавил два расчета крупнокалиберных пулеметов. В ходе повторной атаки, несмотря на большие потери, боевикам удалось вплотную прорваться к огневым позициям Зарипова. Завязался ожесточенный ближний бой. В ходе него противник начал использовать ручные осколочные и противотанковые гранаты, постоянно вел огонь из подствольных гранатометов и РПГ-7. Зарипов, эвакуировав трех погибших военнослужащих и четырех раненых солдат, продолжал руководить боем. Огнем из автомата и ручными гранатами он лично уничтожил семь боевиков. Получив команду покинуть позиции, остался прикрывать отход группы. В результате разрыва гранаты офицер был тяжело ранен в голову.

Никто не поможет кроме себя самого

Близкие и сослуживцы помогли? Было ли чувство одиночества?

Друзья навещали, и в Москву постоянно приезжали, даже врачи удивлялись, что столько посетителей у человека... но по своей сути человек одинок изначально...

А говорят, что человек — существо социальное...

Такого не слышал, слышал лишь, что человек — такая скотинка, которая привыкает ко всему...

А когда получил Звезду Героя? Помогло ли в жизни Звание, самому, морально?

Звание Героя России получил в госпитале. Дней через 10 после того, как ослеп...

Тогда была важна потеря зрения, а не награда, не думал я тогда о Звезде Героя.

В Бога веришь?

Да, верю. Я мусульманин. У любого раненого, который испытывает страдания, есть только два выбора. Либо верить в Бога, либо нет, в принципе. Потом уже будем подразделять на Иисуса, Мухаммеда...

Верующим проще переносить последствия ранений?

Естественно, легче... Да даже не то что легче, а просто в любом Божьем учении есть мысль, что страдания несут душе очищение, любое страдание, ниспосланное свыше, — это испытание, и либо ты пройдешь его и очистишь душу, либо не пройдешь.

Ты и тогда так думал?

Тогда было не до этого, не до рассуждений. Меня перевязали на поле боя и ушли, сказали, чтоб я никуда не уходил. Я потерял сознание и очнулся, когда боевики уже были в нескольких метрах от меня, поливали все огнем и кричали «Аллах Акбар». Уйти я не мог, и вот тогда я впервые в жизни искренне обратился к Богу, чтобы он помог мне в этой ситуации. Бог меня услышал и помог. Я лежал в позе эмбриона, потом перевернулся на колени, потом, опираясь на руки, приподнял корпус и затем встал на ноги и пошел вперед. Прошел метров десять-пятнадцать и упал в канаву,



потом очнулся, пополз дальше и к утру выполз к своим.

То есть, как ни парадоксально, под крики боевиков «Аллах Акбар» и стрельбу ты впервые к Богу обратился?

Да... Кто-то кричит «мама» в тяжелые моменты, но все же большинство людей в такие минуты вспоминают Бога.

После ранения стал более верующим? Ритуалы соблюдаешь? Стал более добрым? Изменился?

Ритуалы — не главное... Да, я изменился, стал добрым в отношении тех, кто нуждается в помощи, и стал очень жестким по отношению к тем, кто творит зло.

Ненависть есть? К боевикам или вообще к тем, кто развязал эту войну?

Что наши солдаты, что боевики, это скажем так, — одинаково обманутые люди. Обманутые своими руководителями. Те страдали за убеждения, мы — тоже. А через 5 лет про войну забудут, война размывается, забывает-

ся в обществе. Только под какой-нибудь юбилей о погибших и обманутых вспомнят. Если третьей войны не будет...

Из твоего героизма пытались сделать официальный пример патриотизма?

Да, были такие телодвижения со стороны определенных чиновников, которые ничего не делают для своих жителей, для ветеранов, скажем, в городском районе. Им удобно выбрать одного ветерана-инвалида, как они и делают, заботиться об одном и преподносить его как пример своей заботы, показывать всем, как они будто бы работают и помогают. Реальные инвалиды нашим государством обделены...

Тебе лично помогли?

Помогли убедиться, что никто не поможет кроме себя самого. Выживал я в одиночку.

Тут здоровый-то человек не выживет, а как выжить инвалиду?

С верой в Бога. С верой выживет и больной и здоровый, только с ве-

Интервью

рой. Вера заложена в наших людях, в коренных россиянах. У нас огромный потенциал, в виде генетической памяти. Путь страданий — один из способов раскрытия этой генетической памяти. Можно еще ее раскрыть через веру, через сопереживания близким. Я прошел один путь, путь страданий, и потом уже через сопереживание, будучи инвалидом, я мучаюсь от страданий других людей, я стараюсь помогать людям советами, делами.

Например, есть у нас Гражданский кодекс, есть статья 1084, где говорится о компенсации потери здоровья во время труда. Мы на войне тоже выполняли свою служебную обязанность. В 1999 году я первым в стране выиграл дело в суде по этой статье. Натолкнул меня на эту идею «афганец», тоже инвалид первой группы, Вадим Симановский из Красноуральска. Он окончил Юридический университет, в 1996-1997 гг. он подавал на МО в суд, но проиграл дело. Вадим мне и рассказал об этой статье. В Ростове я нашел юриста, мы подали в суд, я и Козлов Михаил (ему осколками снесло затылок тоже под Первомайским). Я выиграл суд, потом выиграл Михаил. Он сам был из г. Лермонтово под Пятигорском. Михаилу был в таком тяжелом состоянии, что не мог приходить на суды, и мы пробили для него это дело даже без его личного присутствия. После этого процесс пошел.

Что привело в суд?

Желание добиться независимости и самостоятельности, чтобы доказать, что мы, пострадав за государство, имеем право получить компенсации за увечья в большем размере, чем пенсия по инвалидности первой группы. Сейчас эта пенсия — жалкие копейки. И если инвалид выигрывает такую компенсацию в суде, он имеет законное право получать пенсию и приемлемую компенсацию за нанесенный вред здоровью, а не подачку...



Кто-то помогал это дело выиграть?

Все зависит от инвалида. Я не могу за всех все сделать. Мы раздаем копии решения суда. На моем примере видно, что каждый может выиграть такой суд.

Что с Симановским?

Не могу с ним связаться. На его почтовый адрес выслали решение, ответа нет.

Много таких людей?

У нас люди боятся судиться, ленятся. Не хотят потребовать свое. Низкая самооценка что ли, отсутствие гражданской позиции. А ведь стоит полгода повоевать с госорганами и потом уже получать реальную помощь всю жизнь, стабильный достаток, на который можно содержать семью, найти жену. Будет уверенность в жизни. Да, ты — инвалид, но ты им стал не по пьяни, а ради интересов государства. Государство возмещает ущерб и восстанавливает хоть долю справедливости. Дети инвалида тоже могут жить, сознавая, что их отец достойный уважаемый человек и потерял свое здоровье ради них и ради страны...

Есть еще примеры проявления тобой гражданской позиции?

Была такая передача на радио в Ростове, где можно было услышать в завуалированной форме пропаганду наркотиков и педерастии. В 1998 году я дозвонился на эту передачу. Об этом эпизоде можно прочитать в моем рассказе «Ночной разговор». Также звонил и этому Трахтенбергу на «Русское радио», чтобы высказать свое возмущение, но не просто возмутиться, а логически показать слушателям, что говорят ведущие и к чему ведет их «болтовня». Ведь под видом анекдотов целенаправленно опущаются такие нормальные ценности как верность и любовь, красота наших женщин и семейные устои. Но, к сожалению, я не дозвонился.

А часто звонить?

Бывает (смеется). Была еще такая передача «Свежая Голова» на «Русском Радио 2». Когда был случай с рядовым Сычевым, пришла на передачу

какая-то тетка. И вот они с ведущей рассуждают об армии: что армия нам не нужна такая, что Челябинское танковое училище надо разогнать и закрыть. Я не выдержал надругательства, дозвонился, выхожу в прямой эфир и говорю, что танковых училищ всего два в стране осталось, Челябинское и Казанское, а где мы будем обучать тогда людей? Меня быстро исключили. Для меня это не развлечение. Когда я, инвалид, слышу что-то неправильное, я считаю, что не надо пропускать это мимо ушей. Когда понимаешь что-то в вопросе и слышишь дилетантов, болтающих об армии, надо их осадить. Что они знают, кто они такие?

Ты ощущаешь, что люди тебя уважают и понимают?

Да, ощущаю. У нас люди отзывчивые, мы пока еще не стали западными атомизированными людьми. На Западе люди разбиты и разобщены до индивидуума, их объединяют интересы-хобби, но это ведь фикция, а у нас в стране готовы последнюю рубашку отдать первому встречному.

Ну, может они там и индивидуалисты индивидуалистами, но все одно думают о других людях, есть министерство по делам ветеранов, есть лифты для инвалидов, пандусы...

Ну, у нас есть ведь тоже какие-то федеральные социальные программы, национальные проекты...

Ты веришь, что в их рамках что-то произойдет толковое?

Пока не знаю, не сталкивался.

Что бы ты назвал своими победами в жизни?

То, что выиграл суд, что на накопленные от компенсации деньги купил квартиру в Москве. Есть удовлетворение оттого, что помогаю людям, что начал писать книги.

Когда начал писать?

В 1998-ом начал писать. В «Солдате Удачи» вышла статья про Первомайское. Чуть полная. Неприятная статья, в конце статьи автор заявляет, что перечисляет гонорар Альберту Зарипову. Это меня более всего расстроило. Мало того, что оболгали... Де-

нег я не получил, а жаль. А то бы бросил в рожу автору той статьи. Да ладно, дай Бог ему здоровья, ведь после этой статьи я решил написать правду. Сейчас у меня уже вышло 2 книги, первый тираж 2000 экземпляров, второй — 10000.

Как ты пишешь, если не видишь?

Есть специальная программа для незрячих, которая озвучивает клавиатуру.

Что за программа? Она доступна?

Да, она доступна, главное, чтобы был компьютер, пусть даже б/у. Если бы у каждого незрячего имелся компьютер, это было бы достижением! Можно писать письма, выходить в Интернет, вот только жаль картинки не озвучивает.

Программа эта чья?

Иностранная. Мне про нее рассказал один человек в Ростове. До этого я и не думал об этом, поехал в библиотеку для слепых, там сидел незрячий программист, который и показал мне ее. Я даже за полчаса тогда набил предложение!

Планы есть на будущее?

Жить нормально.

Что делаешь в свободное время?

Да нет его у меня. Вот по дому сам ремонт делаю, пишу, обдумываю многое, пишу книги.

Для тебя квартира — тюрьма?

Нет, я стараюсь вести активный образ жизни и больше двигаться. Чем больше инвалид двигается, тем выше шансы добиться чего-либо в жизни.

Что бы ты мог посоветовать ребятам, которые получили похожее ранение, стали инвалидами и у которых опустились руки?

Первое — поверить в Бога, обрести веру в душе.

Так скорее первая мысль после ранения — почему от меня Бог отвернулся...

Если б отвернулся, то убило бы, а если жив — оставлен Богом для

Никто не поможет кроме себя самого



жизни. Осколок не убил, значит, это испытание — прожить с верой.

Но мало кто думает так, люди же озлобляются...

Нет, я тоже могу озлобиться на чиновников из военкоматов, госпиталей, но зачем? Озлобление — самосожжение, зачем это надо? Спокойно надо по закону бороться за свои права. В борьбе человек совершенствуется.

Второй совет инвалидам и раненым — вспомнить все те хорошие эпизоды из жизни, которые доказывают, что он до ранения был специалистом, профессионалом, хорошим человеком и после ранения остался таким же честным и мужественным. Это важно, чтобы он верил в свои силы, и даже без ноги или руки он, в принципе-то, не изменился. Отсутствует лишь механическая часть организма. Даже вот я, будучи незрячим, сам управлял автомобилем. Мне, конечно, говорили, куда поворачивать и где тормозить, но я ехал сам. Катался и на водном мотоцикле. Главное — верить в свои силы.

Третье — начать бороться каждый день, каждую минуту за свое выживание в этом мире на первом этапе и на втором этапе — за стабилизацию положения и развитие. Каждый день нужно ставить мини-задачи, реальные, и достигать их. Я вот сначала не мог отличить зубную пасту от крема для бритья, а еще же есть и после бритья... Мелочь, но из мелочей состоит жизнь.

Главное — запомнить, что в Гражданском кодексе есть статья 1084 «О компенсации вреда здоровью». Надо найти адвоката, Интернет. Есть сайт <http://www.tproi.narod.ru>, где все расписано. Это уже дает 50 процентов, что добьешься своего.

Четвертое — наладить нормальные бытовые условия для проживания, чтобы окружающие и близкие помогли их создать, чтобы потом инвалид мог все делать сам без посторонней помощи. Это подчеркивает его самостоятельность и независимость, полноценность для общества и семьи. Нужно наладить нормальный рацион питания, питаться с пользой, а не просто так... Ну, и каждую неделю ходить в русскую баню с березовым или дубовым веником...

И не пить?

Почему? После бани не грех и выпить 100 грамм и по праздникам. Почему не пить то?

Многие же ветераны и инвалиды спиваются.

Это от безысходности. Не знают, что и как делать, чего можно добиться в жизни. Надеюсь, мои советы и мой жизненный пример помогут избежать этой безысходности. Если что, заходите на мою страницу на сайте. Да хранит Вас Бог!

Декабрь 2006 г.

Перевод

Джеймс
Хейден

АДРЕНАЛИН

Перевод Марты Малиновской

Позвольте представиться: меня зовут Джим Хейден, Морская Пехота США. В данный момент в отставке. Служил во Вьетнаме с марта 1969-го года по март 1970-го в рядах второго батальона Пятого Морского полка. Был участником боевых наземных операций, а точнее — морским стрелком.

На моем счету 10 убитых вражеских солдат. Награда Военно-Морских Сил США за боевую доблесть в сражениях против сил Северного Вьетнама и награда за ликвидацию Командующего вооруженными силами противника в районе Дананга в период празднования Тэта в 1968 году, когда после трех дней боев из группы в 180 человек нас осталось в живых 45. Как мне удалось выяснить позже у Северо-Вьетнамского правительства, противник пострадал намного сильнее, всего пятеро из 5-го полка СВА выбрались оттуда живыми, из них трое скончались по пути домой. Это было одно из наиболее крупных сражений, в котором мы принимали участие.

После этой битвы мы в основном наткнулись на мины-ловушки, на нас напали мелкие группы противника, и обстреливали снайперы. Мы делали то, что, по утверждению Командования ВС США, Командования ВВС США и американской прессы, было просто невозможно осуществить. Мы отрезали врагу доступ к складам боеприпасов и продовольствия, мешая им восстанавливать силы и готовиться к нанесению контрудара. Мы продолжали атаковать хорошо закрепившегося противника с июня по сентябрь 1969 года, когда нам, наконец, удалось выбить их из подземных коммуникаций в окружавших нас горах. Последней «соломинкой», сломившей сопротивление противника, стало то, что я подстрелил их командующего — генерала.

Северяне предприняли контратаку против нас, выставив 9-й полк СВА, который перед этим был отправлен глубоко в тыл и доукомплектован. Новое оружие давало им шанс снова стать эффективной боевой единицей. После того, как их командование решило, что 9-й полк



достаточно силен, его перебросили через демилитаризованную зону — сквозь позиции армии, патрулирующей ДМЗ, — для нанесения мощного удара. За несколько часов нам удалось отбросить противника. Кроме того, для вьетнамских военных оказалось неожиданным, что терроризировавшие близлежащие территории отряды Вьетконга — это всего-навсего кучка радикалов, терпящих поражение за поражением и сдававшихся в плен целыми отрядами. После тщетной попытки нанести удар, равный по силе нашему во время Тэта, 9-й полк СВА с остатками бойцов Вьетконга атаковали Южновьетнамские силы и добровольческие отряды южан.

Пожалуй, самое крупное поражение СВА потерпела в период Тэта 1970 года. Они не смогли не только отразить наши атаки, но и организовать сопротивление Южно-Вьетнамским силам, разгромившим 9-й полк СВА и остатки вьетконговцев. Я не знаю, был ли разгром 9-го полка тотальным, и что стало с теми, кто остался в живых. Единственное, что мне известно точно, это то, что мы больше никогда о нем не слышали.

По мере уменьшения непосредственных атак постоянно возрастало число подготовленных для нас минных ловушек.

Мне присвоили звание капрала, и я возглавил новое отделение. Эти ребята были необстрелянными новичками — едва ли 3 недели в стране, когда я стал их командиром. Весь первый день мы учились обнаруживать и обезвреживать мины-ловушки, а также тому, как вести себя во время нападения противника. На второй день мы уже патрулировали территорию по периметру и использовали почти четыре рюкзака взрывчатых веществ типа Си-4, обезвреживая мины-ловушки. Потом нашему отделению было поручено обеспечение безопасности вдоль трассы, которую мы называли Дорогой Свободы, — это была главная до-

рога в порт Дананг. На третий день пришла очередь нашей роты находиться на постах наблюдения. Это было не очень сложно — мы могли поставить палатку и сидеть в ней целый день, слушая радио и играя в карты, пока не придет время возвращаться на ночлег.

В тот день, расставляя посты, я, как всегда, указывал на потенциальные места ловушек и приказывал ребятам не подходить к ним. Установив последний наблюдательный пост, я вдруг заметил пять колышков, торчащих из земли, и — четко помню — приказал своим людям не прикасаться к ним, поскольку они могли быть заминированы, а также сказал, что, как только появятся саперы, я пошлю их проверить и взорвать все, что бы там ни находилось. Я развернулся и пошел назад к моей группе. Но только я приступил к завтраку, как земля позади содрогнулась, и утренний воздух был расколот грохотом взорвавшейся мины. Пять человек погибли тогда. С тех пор вот уже тридцать с лишним лет каждую ночь меня преследует видение — кусок обгоревшего брезента, плавно планирующий к земле в столбе черного дыма и комьев земли.

Это было невероятной глупостью — начать привязывать тент к тем деревьям, на которые я указал. Это трагическое происшествие заставило меня написать рапорт и вернуться в США. А ведь я, бывало, стоял в полный рост под огнем противника.

Я подготовил останки моих солдат для отправки на родину. Я много чего повидал. Я никого и ничего не боялся до этого. Даже там любой куст был мне домом, где я чувствовал себя в полной безопасности. По крайней мере, я знал, чего хотел, и гордился всем, что я делал. Но после этого случая впервые в жизни в мою душу проник страх. Нет, не боязнь врага или минных ловушек. Я стал бояться своих собственных солдат. Я не

мог больше ими командовать, и был отослан домой.

Как и большинство вернувшихся домой ветеранов Вьетнама, я начал пить. Чем больше я пил, тем быстрее отключался. Чем больше я отключался, тем меньше я вспоминал. Чем меньше я вспоминал, тем легче мне было. Как раз тогда мой командир роты порекомендовал меня в Посольскую Школу Морской Пехоты, и меня отправили в Вашингтон на четыре месяца интенсивной подготовки и сплошной трезвости. Я выдержал все до последнего отборочного тура, после которого вылетел из программы. После этого первым делом пошел и написал до чертиков. С этого момента я старался быть пьяным до такой степени, до какой только может выдержать человеческий организм. Так прошли шесть лет моей жизни. Лишь бы при мне были выпивка и лекарства — я вырубался и был бесчувствен ко всему, что происходило вокруг.

Тогда еще никто толком не слышал о посттравматическом стрессе, не говоря уже о том, как с ним бороться. Как только я появлялся в Госпитале Ветеранов, врач сразу выдавал мне рецепт на тридцатидневный запас пиллол. А если я пытался заговорить о том, что произошло со мной во Вьетнаме, мне отвечали, что дело не в этом, а в моем воспитании. Каким-то образом все ставилось в вину моему отцу. Все это вкупе с лекарствами и алкоголем со временем вызвало во мне лютую ненависть к нему.

Однажды, в 1983 году, во время очередной промывки мозгов, сквозь туман моей почти уничтоженной памяти прорвалось ощущение, что мой отец отнюдь не так плох, как мне старались его представить. Постепенно я начал припоминать те хорошие часы, проведенные с ним, когда он брал меня на рыбную ловлю, и прочие вещи, которые мы делали вместе. Эти смутные воспоминания вначале были единственным, что помогало мне восстановить мое довьетнамское прошлое. Я стал бережно собирать каждый такой проблеск, я берегу их до сих пор. Мой отец боится, что я возвожусь это в культ, но ему не понять, с чем меня оставили врачи из ветеранского госпиталя. Так продолжалось до тех пор, пока месяца два-три назад я не начал разговаривать с людьми, которые были со мной во Вьетнаме. Они помогли мне раскрыться в моих воспоминаниях до того момента, когда в моем сознании произошла фундаментальная переоценка жизненных ценностей.

Как жертва посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) с тридцатилетним стажем, я могу те-

перь рассуждать о его причинах и последствиях. В каком-то смысле нетрудно понять, что это такое и как оно влияет на мозг человека. Если человек оказывается в ситуации, когда его жизнь под угрозой, в мозг выбрасывается поток адреналина. Чем больше подобных ситуаций в жизни человека, тем больше он привыкает к этому состоянию. Во Вьетнаме я пережил достаточно перестрелок, бессчетное количество минометных ударов с осколками, взрывавшимися в землю вокруг меня, и пулями, свистевшими у виска. Мне легко понять, как вызывается ПТСР и что это такое. Как и то, что от него пока нет лекарства.

После многих лет психологических сеансов и многих часов учебы я, пожалуй, могу сказать, что слышал практически все теории происхождения ПТСР, его причин. Не все теории можно принимать всерьез, но все они звучат очень убедительно. Однажды ночью, очередной раз «вернувшись» из Вьетнама, я смотрел какую-то телевизионную программу на одном из обучающих каналов. Там группа докторов обсуждала такое малопонятное явление в состоянии человека, как прилив адреналина. Они старались определить, как адреналин влияет на мозг человека, и почему люди приобретают зависимость от него. Я стал слушать очень внимательно. Пристраститься к адреналину? В жизни не слышал ничего более странного. Раньше я думал, что при резком выбросе адреналина в мозг люди способны совершать поступки, превышающие физические возможности человека, скажем, выломать дверцы, выбираясь из горящего автомобиля. Это нормальная реакция на экстремальный ужас и возбуждение. Только и всего. Человек может жизнь прожить и не испытать этого, а для тех, кто иногда все же сталкивается с подобным, такое состояние продолжается несколько минут и уходит бесследно. Так меня учили в колледже, то же мне говорили и врачи в госпиталях ветеранов.

И вот сейчас эти врачи рассуждали о том, что они замечают химические изменения, происходящие в мозгу у большого количества американцев. Они утверждали, что сначала не могли найти причину этого, и, соответственно, способы лечения. Затем они начали приглядываться к данной проблеме внимательнее и заметили определенную тенденцию: страдали парашютисты, гонщики, лыжники и так далее, и только очень небольшое количество людей вне перечисленных групп риска. Доктора объяснили это следующим образом: когда при стрессе осуществляется прилив ад-

ренина в мозг, адреналин не прекращает вырабатываться организмом, и мозг продолжает его требовать. Чем чаще испытываются подобные ощущения, тем больше они становятся необходимы человеку. Чем чаще требуется стресс, тем выше риск для здоровья.

Доктора продолжали беседовать, а я начал обдумывать некоторые происходящие со мной вещи, которых я раньше не замечал. Например, каждую ночь, когда я мысленно возвращаюсь во Вьетнам, я ощущал прилив адреналина. Это ощущение не было неприятным, просто меня долго учили, что это плохо. В конце концов, человек, убивший другого человека, должен испытывать угрызения совести и раскаиваться. Но со мной было не так. Даже в те ночи, когда я вдруг просыпался, чувствуя, что сердце готово выскочить из груди, весь в поту, мне все равно нравилось это ощущение. Так почему же я иногда боялся засыпать, а зачастую и просто не мог уснуть?

Именно тогда я понял, что вместе с нравящимся мне ощущением прилива адреналина приходит сожаление — да, именно сожаление о том, что удовольствие от этого прошло — и, наконец, более сильное чувство — раскаяние в том, что я не сделал ничего для того, чтобы мои люди остались в живых. Каждую ночь я словно переживал заново тот трагический день и видел плавно парящий над землей обгорелый брезент... И меня снова и снова охватывало раскаяние.

Некоторые называют это комплексом вины выживших. У меня было немного по-другому: меня не преследовал сам факт их смерти, а также то, что я выжил, в отличие от многих моих соратников, морских пехотинцев. Меня преследовала мысль, что я был причиной смерти этих пателей, чьи жизни их родные и близкие доверили мне. Я чувствовал, что предал их, дав им погибнуть. А я ведь видел многих хороших солдат, убитых или раненных, лежащими у моих ног, и это никак не повлияло на меня. Но за этих людей я не был в ответе! Я сам был одним из них, борющимся за выживание в условиях, в которых выжить невозможно. «Тот» случай был





особенным именно потому, что я был командиром отделения и отвечал за ту пятерку. Это была моя первая командирская должность и люди, которыми я руководил, пострадали в тот момент, когда именно я был на дежурстве.

Уже сейчас, в мирной жизни, я пришел к убеждению, что некоторые люди склонны к совершению по-настоящему неразумных поступков. Я также понял, что кто-нибудь всегда страдает от чьей-то глупости. Но все это не помогло мне в понимании того конкретного случая в моей жизни до тех пор, пока я не получил возможность поговорить с людьми, которые были со мной там, во Вьетнаме. Только тогда я понял, что вне зависимости от того, что бы я сделал, эти ребята все равно привязали бы палатку к тем деревьям. И погибли. Я сделал все, что от меня зависело, а погибли они из-за собственной глупости и неопытности.

Так что же такое посттравматические стрессовые расстройства? Это явления, затрагивающие мозг человека, и вызванные пристрастием мозга к адреналину, приводящие к химической от него зависимости, лечения от которой нет. То есть лучший способ лечения — попытаться приспособить свое мышление, заставить его понять, что нет ничего дурного в хорошем самочувствии после ночи, проведенной в сражении. Это нормальное ощущение, и нечего себя за него казнить.

Теперь о комплексе вины выживших. Вот это и есть то, что нас убивает. У всех нас в прошлом есть какое-то событие, ход которого нам хотелось бы изменить. Обычно, это событие, в корне поменявшее нашу жизнь. Но с этим можно бороться. Надо говорить о нем с другими, с теми, кто был рядом, когда все произошло, и не переставать обсуждать свой военный опыт открыто и честно: нам ничего не надо придумывать о том, что мы прошли. У нас достаточно, о чем вспоминать. Таким образом, нам не нужно тратить кучу денег или годы на психотерапию, чтоб начать чувствовать себя лучше в вопросах, кто мы

есть, что мы сделали и чего не сделали. От нас требуется лишь быть честными с самим собой, чтоб открыто смотреть этому монстру в глаза и победить его.

Да, конечно, каждый год мне бывает трудно в День матери. Но не потому, что люди погибли в той трехдневной битве у Дананга. Я был тогда «молодым» и не знал почти никого. Я не запомнил и тех сорока четырех, которые выстояли рядом со мной среди сотен убитых — своих и врагов. Сорок четыре таких же, как я, выживших по неизвестной причине в самой кровавой битве Вьетнамской войны...

Вот что я вам рекомендую для преодоления ПТСР и комплекса вины выжившего.

Организируйте группы. Мы попытались для обмена воспоминаниями и военным опытом соединить ветеранов, мужчин и женщин, которые служили в разных бригадах. Это не сработало. Вы должны говорить с теми, кто был с вами в одном месте и в одно и то же время. Таким образом, вы будто уже знакомы друг с другом и знаете, что вам пришлось пережить. В этом-то и есть самое главное.

Мы постоянно воздвигаем внутри себя стены, чтоб защититься от боли. Когда ты находишься в группе незнакомых людей, насколько близкими они бы не показались, они все равно останутся чужими, и мы никогда им не сможем доверять. Нам необходимо разговаривать с теми, кто был там одновременно с нами, и которые не являются для нас чужими. С теми, с кем мы рядом сражались.

Я сам много разговариваю с вьетнамцами, живущими рядом или учившимися со мной. И еще с теми, с кем я служил, общаюсь по электронной почте или ICQ. После пятиминутного разговора с одним из моих боевых товарищей я чувствую себя намного лучше, чем после многих лет групповой терапии или индивидуальных бесед с психиатром.

У меня был когда-то друг, который играл в русскую рулетку с револьвером 38-го калибра. Крутанув барабан с одним боевым патроном, он медленно-медленно нажимал на курок... Он не пытался покончить жизнь самоубийством, просто для него это был единственный способ вызвать приток адреналина к мозгу. Однажды, когда моего приятеля не было дома, его жена заменила боевой патрон холостым, чтобы он не смог застрелиться. Я так и не узнал, раскрылось ли когда-нибудь эта хитрость, но думаю, что в тот момент это было очень правильным решением. Я видел слишком много парней, покончивших с собой подобным

образом. Мы понимаем, что именно дуло у виска дает возможность ощущать себя так, как если бы мы были под вражеским огнем. Все тот же приток адреналина.

Да, я пристрастился к нему, и это мне нравится безумно. Да, я до сих пор убиваю вьетконговцев и северо-вьетнамцев каждую ночь в своих снах, и когда я просыпаюсь в холодном поту, мое сердце бьется, как сумасшедшее, но я больше не чувствую себя виноватым и не стыжусь, получая от этого удовольствие. И порой мне удается досмотреть мои сны до конца и проснуться счастливым. Звучит безумно, не так ли? Но не для боевого ветерана. Точно такое же чувство испытывает гонимый, который ест и пьет, думая о предстоящих стартах, или парашютист, прыгающий по выходным, на котором прыжки сняты каждую ночь в будни.

Это нормально — вновь и вновь переживать свой боевой опыт. Но, с другой стороны, мы убивали людей и должны раскаиваться по этому поводу. Ерунда. Если бы я не убил их первым, они бы убили меня, без рассуждений. Я просто оказался чуть-чуть расторопнее, нажимая на курок, или целился лучше, чем они, или просто увидел их прежде, чем они увидели меня. Вот почему они мертвы, а я жив. Раскаяние и угрызения совести — за что? Я солдат Морской пехоты США. Я делал то, к чему меня готовили. Я хорошо делал то, чему меня учили. Меня учили убивать людей. И нечего раскаиваться.

Я сошел с ума? Не более чем рыбак или охотник, покрывающий стены своего жилища трофеями — рыбой или головами оленей. Или гонимый, выставляющий на всеобщее обозрение все свои кубки и медали.

Самое главное заключается в том, что для человека абсолютно нормально чувствовать себя хорошо после выброса адреналина в мозг, вне зависимости от причин, вызывающих это. Проблема для нас, боевых вьетнамских ветеранов, в раскаянии, этому сопутствующем. В раскаянии, которое можно преодолеть, говоря со своими боевыми друзьями. Мы можем вспомнить все то хорошее, что мы вместе пережили, и научиться переносить смерть товарищей. Мы можем вспомнить их улыбки или то задорное выражение их лиц, когда они вытворяли что-нибудь озорное. Мы можем научиться вспоминать их жизнь, а не смерть. Мы не можем делать это, рассказывая боевые истории незнакомцам, которые никогда не знали их, но можем, деля воспоминания о них с теми людьми, которые знали их также как и мы.



Владислав Шурыгин

Капитан. Участвовал: Югославия, Приднестровье

Попал в десант — гордись, не попал — радуйся!

26 ноября 1994 года наш дважды красноконный сорок пятый отдельный полк специального назначения разведки ВДВ получил приказ к 4 декабря перебазироваться в Моздок.

По этому поводу была быстро сформирована передовая команда, которая должна была на пару дней раньше прибыть в на место назначения и подготовить все для развертывания полка.

Старшим этой команды был назначен замкомбата 901-го батальона майор Алексей Черушев. Человек, можно сказать, легендарный, прошедший путь в 901-ом (тогда еще ДШБ) от рядового да замкомбата.

Как водится, на Кубинке устроили пышные провода. Провожали Леху до 5 утра, а в 7 ему уже надо было быть на аэродроме.

Где-то около 3 часов ночи Леха, обедая расплывающиеся и на глазах теряющие человеческие черты лица товарищей, жалобно сказал:

— Мне бы собратиться еще! Мешок-ик... сложить!...

Понятное дело, что последняя просьба друга не могла оставить равнодушными собравшихся, и потерявшие человеческий облик мерзавцы успокоили убывающего на войну офицера очередным стаканом зелья и обещанием, что мешок его утром будет ждать в полностью собранном виде.

Что было дальше, пусть рассказы-вает Леха сам. Я лишь выступлю его стенографистом:

— Как летели — не помню, но, как выходил из «скотовоза», помню хорошо. Подхватил свой мешок, кинул на плечо и чуть не рухнул на спину. Ну, думаю, что-то ослабел совсем в полете или еще не протрезвел.

Пока мы шли примерно полкилометра до городка, почему-то оторвались лямки спальника и его пришлось забросить на плечо, а каркас рюкзака непонятно отчего выгнулся в обратную сторону и начал упираться углом

в поясницу. Я ухандокался так, что пот лил градом. Бойцы впереди бодро прыгают, а я сзади еле тянусь. Не могу понять, что со мной.

Наконец, пришли в казарму.

Надо сказать, что в эту казарму тогда стащили все имеющиеся на тот момент «спецназы». «Вымпел», «Альфа», «Вега», какую-то коржаковскую команду. И так получилось, что мы прилетели последними. У каждого был свой угол в казарме. И, естественно, все друг перед другом слегка понтоуются и ревниво наблюдают, у кого что есть.

«Вымпел» какие-то чумовые китайские спальники раскручивает. «Вега» «тушняк» на каких-то навороченных мини-горелках греет. У «альфонсов» неврубленные радиостанции на зарядке стоят. В общем — выставка достижений народного хозяйства. И тут вваливаемся мы.

Понятное дело — все морды в нашу сторону. Все же слышаны о том, что ГДЕ-ТО ТАМ есть целый суперпупер спецназ ВДВ. Всем интересно, а чем мы народ удивим.

Когда я, обливаясь потом, обрушил свой рюкзак на пол, что-то там грохнуло так, что народ кругом напряженно вывернул шею.

Развязываю спальник, и из него под ноги со звоном вываливается и раскатывается по полу штук десять пустых бутылок. Немой вопрос в глазах соседей я гордо проигнорировал, собирая в кучу раскатившуюся тару. Пусть думают, что я культурный человек и мусор по дороге не разбрасываю. Из горлышка одной бутылки торчал свернутый трубкой листок: «Если на бутылку не хватит, то сдашь эту тару!», внизу кривая подпись «Друзья».

Я начал развязывать рюкзак, не ожидая уже ничего хорошего.

Сверху лежала маска противогаза. На лбу у нее красовалась надпись красным фломастером: «Не забудь меня, милый!», оба «очка» были заклеены розовыми промокашками, на ко-

торых были старательно выведены женские глаза.

Потом я извлек на свет божий громадный танковый трак. К нему была веревкой привязана картонка с надписью все тем же красным фломастером «Для занятий физической культурой».

За спиной раздались смешки.

Следующим из рюкзака я выволок громадный узел из старой простыни, в котором прощупывалось что-то круглое, как бочонок. Проклиная все на свете, я начал его разматывать и на свет божий появился огромный — с полведра — цветочный горшок. В нем торчала картонка, на которой «кровавила» надпись: «Родная земля! Храни у сердца!».

Соседи начали откровенно ржать.

То, что лежало под ним, я выковыривал двумя руками, в последний момент ЭТО, завернутое в газету, просто разорвало бумагу, и под ногами грохнулся угол какой-то стены — три кирпича намертво спаянных раствором. Надпись нитроокраской на них гласила: «Закладной камень полка».

Про памперсы, женские прокладки и колготки «Дольчики» я уже не упоминаю.

Когда, наконец, я добрался до сиротливо лежащих на дне умывальных принадлежностей и полотенца у меня было полное впечатление, что я выступил с шефским концертом перед пионерами. Ржали все...

А потом была война.



История одной фотографии

Зульфат Закиров

Мы пили с Масхадовым чай

Записал Раян Фарукшин

Сентябрь 1995 года, блок-пост у села Бачи — Юрт. Зульфат Закиров (с СВД) и Еркен Минахов. Автор фотографии — чеченец, за это его ВАЗ проехал через пост без досмотра.

Спать хотелось страшно. Уже почти в полностью отключенном состоянии я заметил синий УАЗ-462. Вышел за ограждение и шагнул навстречу. Только тут я заметил на двери УАЗика ярко-зеленую эмблему Независимой Ичкерии! Палец автоматически обнял спусковой крючок.

Дверь машины открылась, и я увидел начальника штаба вооруженных сил Ичкерии Аслана Масхадова! Он спокойно, как будто знает меня сто лет, поздоровался и важно протянул какое-то удостоверение. Эта бумаженция, за подписью одного большого штабного генерала, разрешала ему проезд по территории, контролируемой федеральными войсками. Я внимательно осмотрел одного из главных наших противников в этой несуществующей войне. Пожилой, но крепко сложенный мужчина лет пятидесяти, с удивительно безмятежным выражением лица. Без усов и бороды. Масхадов был больше похож на простого российского прапорщика, чем на командира войск противника. Но большая красивая папаха, помпезные погоны и мудреные шевроны на новом камуфляже выдавали его высокое звание. Оружия у него я не заметил. Зато его оказалось в избытке у трех гориллоподобных телохранителей. Один, как собака в кость, впился в новенький АКС с подствольником, другой умело держал СВД. Третий и вовсе, как ребенка на руках, нежно качал в своих лапах гранатомет.

— Попрошу всех задержаться. Проезд временно закрыт. Я должен сообщить о вооруженных людях командиру. Подождите.

— Ну, раз надо, я подожду.

Я доложил майору. Командир, приказав оставаться сзади, подошел



к «духам» и поздоровался, каждому пожав вытянутую навстречу ладонь. Минуты три они говорили без свидетелей. Затем один из духов открыл заднюю дверь. Я снял АКС с предохранителя. Но дух вытащил из машины несколько арбузов и сказал: «Солдат! Держи!» Майор одобрительно кивнул головой. Я взял арбузы и понес их в палатку.

Майор пригласил всех в палатку. Масхадов зашел последним, положил на стол кислые лепешки. Разлив по кружкам чай и кое-чего еще, приступили к трапезе. Чечены вели себя подчеркнуто миролюбиво, не угрожали, не шипели, на свой язык не переходили. Ни намека на обострение. Даже шутить пытались.

Примерно через полчаса гости собрались отъезжать. Масхадов садился

последним. Попрошавшись с каждым по отдельности, он проронил: «Надеюсь, мужики, больше с вами не встретимся...»

О том, что Начальника Штаба всех чеченских бандформирований можно было взять в плен или убить, я тогда не задумывался. Кто, чего, как, — меня не волновало. Генерал решает — солдат исполняет. А если бы волновало, то до этих сегодняшних рассуждений я бы, скорее всего, не дождался. Правильно мы сделали или нет, пропустив Масхадова, я и сейчас не знаю. Отмечу лишь, что после этого наш пост обстреливали не так часто и интенсивно как раньше.

Майор о нашем знаменательном чаепитии до самого конца моей службы больше никогда не вспоминал. Забыл, наверное.

Мемориал погибшим в локальных войнах XX века в Уфе

Как-то так получается в нашей истории, что все четко поделено. Еще со времен первых князей-норманнов дело рядового воина — идти и умирать на очередном поле брани. Забота о семьях погибших, сохранение памяти павших — дело для любых правителей куда более скучное, чем планирование очередных походов и рисование разноцветных стрел на картах...

Поэтому идея создания памятника землякам, погибшим в Афганистане, не могла не возникнуть именно у молодых уфимских ветеранов. Она возникла не на пустом месте — именно в Башкирии уже был открыт самый первый в Советском Союзе памятник воинам-интернационалистам в городе Стерлитамаке. Вроде бы и вывод войск закончился, и можно было уже вспомнить всех поименно. Поэтому сначала все было охвачено невероятным энтузиазмом. Верили, что памятник будет открыт буквально в следующем году во многом благодаря стараниям Башкирской Республиканской организации Российского Союза ветеранов Афганистана во главе с председателем правления РСВА Дмитрием Купцовым. Сюжет мемориала был предложен уфимским архитектором Дмитрием Винкельманом.

Но проблемы начались с самого начала. Никому не нужный полуразрушенный пункт проката лыж и окружающая дикая поросль в парке Победы были решительно снесены на первом же субботнике с помощью проезжавшего мимо «Кировца». Сразу же выяснилось, что на этот участок претендует масса весьма почтенных организаций. А за поросль надо заплатить огромный штраф. В результате, от установки камня с надписью о том, что здесь будет установлен памятник воинам-интернационалистам, в 1989 году до открытия памятника прошло долгих 14 лет. За это время много воды утекло. Не все

участники той первой инициативной группы дожили до открытия памятника. Не стало того государства, что послало этих парней. Надежды на сбор необходимых средств в солдатскую каску, и попытки заработать на памятник самим были в итоге обречены на провал. Этих денег едва хватило на разработку части необходимой документации.

А затем началось — Кавказ, Приднестровье, Таджикистан. Появились мемориальные мраморные доски на домах, откуда ушли на службу погибшие. На Аллее Славы кладбища сооружена стела с колоколом из артиллерийской гильзы. И в ходе долгих споров и творческих конкурсов все-таки было принято решение о том, что памятник будет всем нашим землякам, погибшим в необъявленных войнах и «локальных конфликтах» после Великой отечественной. Потребовались многолетние усилия самих «афганцев» и подключение республиканского бюджета для того, чтобы эта идея наконец воплотилась в жизнь. В результате — в октябре 2003 года памятник наконец был открыт. Это было очень непросто.

В проеме двери то ли дома, то ли храма — фигура скорбящей женщины. До сих пор ждущей не вернувшегося солдата — сына, мужа, брата. На подходе к памятнику установлено 60 плит из черного гранита, на которых высечены фамилии погибших уроженцев республики. На плитах нет стран, где исполнили до конца свой воинский долг солдаты, только годы смерти.

Памятники



Но любому равнодушному к нашей общей истории очень многое говорят и 1951-й, с которого начинается этот скорбный мартиролог, и 1956-й, и 1960-е... От войны в Корее, через Вьетнам и Ближний Восток, к Афганистану продолжается этот долгий путь вдоль списка, который кажется бесконечным.

На момент открытия на плитах было высечено 685 фамилий, лишь половину из которых забрал Афганистан. Затем, в ходе работы над архивами к ним добавились еще один погибший в Венгрии и пятеро десантников, погибших в печально известной авиакатастрофе военного «борта» под Баку. И, как ни горько это сознавать, но список продолжает расти. Как раз в то время, когда писался этот материал, вернулся из очередной командировки в Чечню уфимский отряд спецназа внутренних войск МВД. Вернулся с невоюющего уже, если верить официальным рапортам, Северного Кавказа с очередным «грузом двести» и тяжело ранеными.

Поэзия

Андрей Шкарин

http://artofwar.ru/s/shkarin_a_j/

Капитан. Участвовал: Афганистан

ТРЕТИЙ ТОСТ...

*Третий тост — и умолкли слова...
Время словно в бессилье застыло...
Третий тост — наша память жива,
помним все, пусть давно это было.
Третий тост — затуманился взгляд...
...Вновь война, снова пламя и копоть.
Ведь погибших в ту пору ребят
и сегодня мы чувствуем локоть.*

*Он для нас словно времени мост,
снова слез не стыдятся солдаты.
Третий тост — он всегда третий тост.
Мы все помним, всех помним, ребята...*

*Мы равны — ни чинов, ни наград,
в том далеко-далеком вчерашнем.
Вновь война — не красивый парад,
вновь война — это больно и страшно.
Третий тост — сердце криком кричит —
то, бывшее, по-прежнему ранит.
Третий тост...
Мужики, помолчим...
И еще раз всех наших помянем...*

*Он для нас словно в прошлое мост,
снова слез не скрывают солдаты.
Третий тост — он всегда третий тост...
И горчит не вино — боль утраты...*

*Вновь у каждого свой перевал,
вновь свои рубежи и высоты.
Каждый Родину там защищал —
есть на свете такая работа.
Вновь под пулями мы в полный рост,
там — в Чечне, во Вьетнаме, в Афгане...
...Кто-то пьет «за любовь» третий тост,
мы ж — за тех, кто сегодня не с нами...
Мы ж — за тех, кто навеки не с нами...*

*Он для нас словно в прошлое мост,
снова слез не скрывают солдаты.
Третий тост...
Помолчим...
Третий тост...
Мы все помним...
Все в памяти свято...*

Александр Колесников

http://artofwar.ru/k/kolesnikow_a_1/

Я НЕ БЫЛ ТАМ

Я не был там...

*Я не был там, мне не понять, когда завыв от боли сильно,
Кричишь ему: «Давай, солдат, давай живи, давай родимый!»
А он лежит, в груди две пули, лежит и смотрит в небеса,
И дымной мутью наполнялись его красивые глаза.*

*Мне не понять его поступка, который сделал он тогда,
Ведь снайпер чичей, из «хрущевки», специально ранил пацана.
Под пули бросился на помощь, спасти, достать и притащить,
А в оптику уже смотрели, глаза желавшие убить.*

*Присел, спросил: «Ну как, брателло? Идти не можешь? Не беда,
Сейчас поможем, потерпи», — сказал он, охнул и затих.
Ворвались в тело две железки, ворвались быстро без следа,
Лишь дымной мутью наполнялись его красивые глаза.*

*А там, вдали, в глуби России, среди больших лесов и вод,
С тем, с кем учился, провожали, ушедший с ним же старый год.
А Новый год не будет лучше, для тех, кто все-таки пришел,
Ведь навсегда они остались, в тот старый, что уже ушел,*

*Забрав с собой Андрюху, Мишку и братьев «Твиксов» навсегда,
И ротного, что шел в атаку под песню Юры Шевчука.
Ушли и те, что штурмовали дворец Дудаева ТОГДА,
Шали, Аргун, Урус-Мартан, там тоже мертвым кто-то пал.*

*И восемь хлопцев из Казачки остались ночью у костра,
Десантников шестая рота, шагнула дружно в небеса.
«Махры» осталось очень много, выдавшей всяко, и юнцов,
Разведчиков морской пехоты холодных наших берегов.*

*Тех, кто в Андреевской долине, как бы споткнулся невзначай,
И для кого «Зеленый квартал» навеки домом родным стал.
Я не был там, мне не судить, кто должен и не должен жить,
Кто храбро пал, кто трусом сдох и кто подставил пацанов.*

*Я не был там, но я их помню и третий тост, всегда до дна,
Не чокаясь, скорбя от горя с того, что жизнь им не дана.
Я не был там, но лучше был бы, тогда, быть может, тот пацан,
Что снайпером убит был в Грозном, сейчас живехонький стоял.*

*И не пришлось бы офицерам смотреть в отцовские глаза,
(Когда тяжелою походкой, войдя в тот дом, где раньше жил),
Тот парень, что убит был в Грозном, а щас в гробу стальном лежит,
В глаза смотреть седой от горя, от смерти сына матери,
Ведь не заменят ей награды, улыбки сына Сашеньки.*

*Я не был там, но я уверен, за всех убитых пацанов
Россия призовет к ответу, когда-нибудь политиков.
Всех тех, кто продал, стреляя в спины и наживаясь на войне,
Всех их повесят и пусть посмотрят на эти «флаги» по всей стране.*

Сергей Школьников

http://artofwar.ru/s/shkolnikov_s_n/

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ

*А ты шел когда-нибудь
А ты шел когда-нибудь след в след?
Сантиметр всего, и тебя уже нет!
А ты падал лицом в раскаленный песок?
Когда пуля со свистом обжигала висок!
А ты друга собою в бою прикрывал?
Ты рыдал и молил, чтоб он не умирал!
Ты растяжку когда-нибудь находил?
Еще доля секунды, ты б ее зацепил!
Радость сердце щемила, приехав домой?
Потому что приехал - приехал живой!*

Алексей Муратов

http://artofwar.ru/m/muratow_a_i/

Участвовал: Чечня

СССР*

*включена лампа, и тихо
в доме пустом
это последнему сыну
мать пишет письмо*

* Первая буква в названии заглавная, так как Союз все же остался, остальные обычные, так как республик советских и социалистических уже нет.

Поэзия

*в окна стучит негромко
белой метели песок
дрожащей рукой неровно
выводит:
здравствуй, сынок*

*светится лампа ярко
по-честному в сорок свечей
серый конверт без марки
адрес:
Грозный в/ч*

*вечер
от двери дует
плечи кутает в шаль
ветер в окна бросает
пригорошни снега, дрожжа*

*знают и верят мамы
где-то мы — их сыны —
видим во сне кварталы
Тулы, Москвы, Костромы*

*дальше, как в старом фильме,
в старом плохом кино
даже под бронезиловом
пуля нашла письмо*

*дальше, как в старом фильме...
знаете лучше меня
Венгрия, Чехословакия
Афганистан, Чечня...*

*скорбен и длинен список
мест — ветеранов войн
сколько за ними скрыто
русских простых имен*

*память, она вне власти
помним всегда о них?
цвет триколора красный
ярче других своих*

*Память — она вне силы...
Память — она вне силы!
Память — она вне силы?*

Прямое попадание

Работая над альманахом, мы приняли решение по возможности не публиковать фотографии тел погибших. К смерти нужно относиться уважительно. Соприкасаясь с ней, очень сложно не перешагнуть грань и не скатиться в чернуху. Ведь чаще всего смерть выглядит неприглядно. А в наше время в мир и так выплескивается слишком много негатива. Цинизм стал явлением обыденным и давно никого уже не шокирует.

Наше решение вызвало бурную дискуссию. Конечно, эта неприглядная сторона войны тоже должна быть известна. Однако, соглашаясь с доводами других, мы все же остаемся при своем мнении.

А что вы думаете по этому поводу?

Аркадий Бабченко

Я со многим согласен. Но... Я и на войне старался лишней раз на мертвых не смотреть. И когда я по телевизору вижу тела, пусть даже боевиков, со стянутыми штанами, это у меня вызывает отторжение. Чисто психологически. Ни к чему это. К любой смерти нужно относиться уважительно.

Во всем должен быть баланс. Чернухи и так полно везде — и на ТВ, и в СМИ. Везде трупы, убитые, изнасилованные. Смерть замылена, осериалена. Может, не стоит следовать этому примеру? Альманах ведь делается не только для ветеранов.

Да, такие фотографии всегда вызывают интерес. Нездоровый интерес, по моему. Они шокируют. Но потом приходится только подогревать градус. Давать еще более шокирующие фотографии. А это тупик.

Во время Вьетнама журналисты в Штатах договорились не показывать чернуху. Стала ли от этого вьетнамская война менее страшной или менее правдивой? В первую Чечню по ТВ тоже трупы не показывали таким валом, как сейчас. Разве от этого она стала глянцеvoller? Теракт в Норд-Осте разве стал правдивее от того, что на всю страну транслировали оголенных женщин с отвалившимися челюстями? А если б не транслировали эту чернуху — он был бы глянцеvoller? Такую правду жизни показывать?

Миша

Есть такое понятие как усваиваемость информации. Предоставляя человеку литературное описание людской боли, автор передает собственные ощущения, которые находят отклик в сердцах, тем самым подсознательно вынуждая не причинять данную боль другим людям и постараться избежать самому.

В фотографиях смерти этого нет. У человека лишь разыгрывается нездоровое любопытство. Осадок остается не от боли, а от увиденного — противостоит природе человеческой. Это процесс не воспитательный, а уродующий человеческую психику. Люди, уже видевшие подобного рода картины, оказываются под ударом в первую очередь, поскольку возможен резонанс в сознании. Воспоминания становятся ярче, что может оказаться ударом по психически неуравновешенному разуму и послужить поводом для неадекватных действий.

Глеб Бобров

Смаковать фаршмак, разумеется, не надо, но и кастрировать документ, полноценное свидетельство, тоже недопустимо. Пример из жизни. Кто помнит знаменитую фотографию тела Зои Космодемьянской после казни? Ту самую, заснеженную, с отрезанной грудью? Помните?!

Теперь вопросы:

Это — страшное фото?

Да! Без всякого сомнения!

Это фото — этично, с точки зрения политкорректности?

Ни в коей мере!

Это фото должно ли было быть опубликовано для широких масс?

Да! Трижды — да! Безусловно!

Почему? Потому что это — Документ! Потому, что это — Свидетельство! Это надо показывать, как и фотодокументы из Освенцима, Бухенвальда и Дахау, как и фильм Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм». Там, где перестали показывать эти фотографии и эти фильмы — сейчас реабилитируют фашистских прислужников из числа национально озбоченных.



Андрей Грешнов

Странно звучит: мы решили не печатать фотографии тел погибших. А что вы ожидали увидеть на госпитальных фотографиях? Радостные лица выздоравливающих бойцов за чтением газеты «Правда»?

Госпиталь, это, прежде всего, «мясокомбинат», где латают и режут тела, пытаюсь спасти те остатки, которые еще можно спасти. Оттуда два потока — калеки и мертвцы. Давайте показывать одних, других не будем. Пусть у нас войны будут без этих страшных картинок. Как журнал «Мурзилка» для детей. Опять же, это будет способствовать патриотическому воспитанию молодежи — иди в армию, дорогой, не думай, за что ты воюешь, ведь трупов-то все равно нет и не будет.

Странно, для всех СМИ вышла такая разнарядка — смерть не показывать, слово «трупы» не употреблять. Только — «тела», «останки». Может, и говорить об этом тоже тогда не стоит? Или редколлегия трупов не видела и рваного мяса?

Думаю, что видела, поэтому надо давать все. Или вы дамские глаза побереечь собрались?

Ничего, весь мир созерцает горы трупов жертв нацистских концлагерей и, ничего, не содрогается. Если хотите делать не леденцового петуха на палочке, а нормальный мужской журнал, показывать нужно и должно все. Каждый человек имеет право знать, что его может ожидать в будущем и что означает война. И незачем ему будет домысливать в своем воображении, как это бывает, когда ноги оторвет, или кишки наружу вылезут. Просто уже будет знать.

Так, по-моему, будет правильнее.

Сергей Скрипник

Слова остаются словами! Домысливать и фантазировать — свойство человеческого мозга, но фиксация происходит в виде картинок. Закрепление прочитанного происходит за счет УВИДЕННОГО.

По той теме, которой посвящен номер, должно быть место для фотоматериалов, какими бы они не были страшными. Люди должны сопереживать вместе с героями, преодолевшими весь этот ужас — ранения и выздоровление, подлость и цинизм, предательство и унижение, но поднявшимися, победившими себя и систему.

Владимир Лисовой

Да мы просто не имеем права скрывать правду! Другое дело, что есть вопрос, как подавать информацию. Помните первый штурм Грозного? Фото безногого солдата на первой полосе? Бесстыдно циничное фото. Рейтинг, мать его! Вот о чем я — ради правды, но не ради рейтинга!

Андрей Грешнов

То, к чему вы опять идете, и называется ПРАВДОЙ ОБМАНА. Почему государство использует для пропаганды именно картинку, т.е. телевидение, а не радиовещание и газеты? Или власть имущие так глупы? А вы так умны? Вот, если бы к рассказу Толи Воронина «Коллектор» приложить кадры из видеофильма — фото с трупами наших танкистов, гниющими в говне, до которых никому нет дела, тогда бы это был не просто рассказ, а документ! И ведь эти кадры есть!!!! Боязно? Жутко? Подташнивает?

Любое издание — «формирователь» мнения о том или ином событии. Много вы (я) знаете (ли) про Вяземский котел? Много ли нового вы узнаете о нем из программы Сванидзе? То же, только в антисоветском духе. А на самом деле лучшим рассказом были бы фотографии раскопок полей, где под 20-сантиметровым слоем земли толща костей в 40 сантиметров. Та же война, но вид не сбоку, а в упор.

Насчет госпиталя я без ерничества. Насчет морга подавно. Это — конечный результат того, что делает с человеком война. То есть, ее начало — призывы идти защищать бог знает кого (а кого именно — олигархов и воров) под лозунгами патриотизма, а с другой стороны — то, чего вы так не хотите видеть на страницах альманаха.

Остаюсь при мнении, что человек, идя в военкомат, должен совершенно четко представлять себе, что его может ждать в итоге. И если, увидев это своими глазами, он не меняет мнения, а продолжает приближаться к военкомату или к военному училищу, то только тогда его выбор осознан. А самого его можно будет считать не пушечным мясом, а полноценным солдатом или офицером.

Дайте шанс еще живым людям смотреть на то, что делает его плоть обезображенной, дайте человеку шанс осознать то, что только человеческий ум, человеческое слово — решающий фактор решения проблем, а не война, создающая эту рваную плоть — цену «покупки» человека на ОБМАН, завернутый в красивую обертку от сладкой конфеты. Или вы стремитесь сделать так, чтобы молодой человек увидел это, уже когда бежал с железом в атаку? Или увидел это на себе, на своем товарище в новой Чечне, Грузии или еще где-нибудь?

Получается, что картину «Апофеоз войны» тоже бы писать не стоило, а стоило бы писать только батальные сцены без жертв?

Прямое попадание

Aletum

Когда начинают «приглаживать» правду, мне становится не по себе. У каждого факта, действия, события есть не только лицевая часть, но и изнанка... и вот при взгляде на эту изнанку, все скромненько глазки вниз опускают. Нет, правда, правда, только правда и еще раз правда — вот таким должен быть девиз нашего сайта, и ничего кроме правды... если сойдем с этого пути — грош нам цена.

Наш альбом — это не обвинение и не исповедь. Это попытка рассказать о поколении, которое погубила война, о тех, кто стал ее жертвой, даже если и выжил... Это должно быть гневным обвинением тому, кто разжигает войны, не отвечая за последствия. И только МЫ можем раскрыть трагедию 'потерянного' поколения людей, искалеченных войной морально и физически...

Илья Плеханов

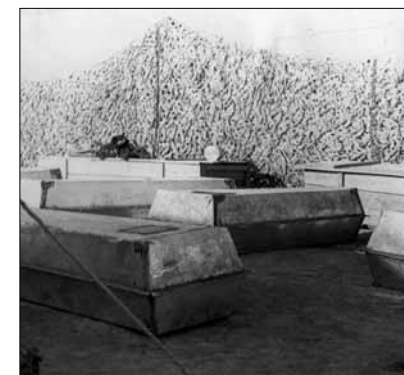
Причины, по которым лично я не хочу публиковать фотографии погибших, две. Первая — никогда бы не захотел увидеть в печати подобного рода фотографии своих знакомых и близких. Как мне представляется, большинство людей тоже. Вторая причина — альманах литературный. Тексты силой слова должны заставлять читателя домыслить, что может произойти и как. Нужно именно словами добиться этого. Да, можно забросать глаза страшными сценами, шокировать сетчатку внешним видом. Есть такой путь. Как, например, сербская книга фотографий о результатах бомбежки НАТО в Югославии в 99-м. Два тома фотографий, почти всех, кого собрали по кускам, и только с подписями: где, когда и кого. Сухие факты. Крышу рвет. Можно и нужно выпускать такие свидетельства по каждой войне. Но, думаю, что это — цель другого издания.

Номер и так получился более чем тяжелым. Можно его опять похоронить под фотографиями мертвых. Но цель ведь — показать, как люди выходят из этого состояния, поэтому не думаю, что фотографии трупов будут этому способствовать.

Миша

В первую очередь хотелось бы задуматься о ветеранах. Если бы на страницах Альманаха опубликовали фотографию Нефедьича, поднятого с глубины в порту Лобито — с синюшным распухшим лицом и вылезшими глазами, то не оставалось бы ничего иного, как отыскать редколлегия и поставить вопрос... ребром.

Такую возможность нельзя исключать. Картины такого рода надолго западают в память. Даже непознанное и обезображенное тело может оказаться вашим же знакомым. А вдруг родным? Это сильнейший удар.



Москва 400

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Начал читать первый номер литературного альманаха «Art of War». Хорошая полиграфия и великолепное содержание. Очень сильная проза. Зачастую авторы скупы на слова, да и средствами языка не всегда можно передать чувства. Сам факт выхода такого альманаха — крайне позитивен. Огорчает лишь небольшой тираж и то, что издан он, лишь благодаря энтузиазму неравнодушных людей. Также как и одноименный сайт. Увы, «позитив» с точки зрения официальной пропаганды совершенно иной: сюжеты из Чечни о «восстановлении» чего-то там (грандиозный попил бюджета за кадром) и т.п.

Юрий Полтвавец

Если говорить об общих впечатлениях, то для самиздата альманах выглядит вполне солидно (опять же спасибо современным технологиям). У альманаха видна концепция в его построении. Интересно со временем будет посмотреть, какие из рубрик окажутся наиболее «живучими». Любопытен и выбранный создателями формат — альманах, то есть сборник, не имеющий четкой периодичности выхода — осторожно и дальновидно, пути самиздата неисповедимы. Если следовать строгим терминам, то большая часть произведений в альманахе, наверное, относится к мемуаристике, а не к художественной литературе. Однако, на самом деле попробуй отличить «нарисованный» в реальном антураже событий сюжет от чьих-то воспоминаний. «Картинки» в голове рисуются с пугающей ясностью. (За исключением, может, случаев, когда в тексте много аббревиатур или жаргона, непонятных не воевавшему человеку.) Представленные в альманахе авторы стремились высказаться, рассказать, а не «щадить» своего читателя, поэтому периодически читаешь в состоянии некоторого шока от детальных описаний. Из-за этого шока иногда начинаешь «тормозить» — к примеру, не сразу чувствуешь иронию в тексте. Закрывает альманах на четвертой странице обложки стихотворение Анатолия Ягодина, погибшего в Первую чеченскую, «Если б выжить мне довелось...» Те, кому довелось, помнят оставшихся на тех войнах и пытаются уберечь живущих. Такие люди создали сайт «Art of War», такие люди туда пишут, такие люди теперь издают альманах. Бог им в помощь! Сюжетов еще хватит надолго...

Сергей Захаров

Вчера до ночи читала альманах, потом не могла уснуть, сидела, приходила в себя, обдумывая прочитанное. Если интересно мое мнение, скажу, что больше всего меня зацепило повествование на последней страничке (Бабченко и Грешнова). Мир и мы глазами людей, пришедших с войны... И вроде бы как я уже все это знала раньше, ну то есть так и думала, так и представляла, однако вот, вновь задумалась над тем, что я лично делаю, «живя за других», за погибших за меня. Живу ли я по Правде? Без лукавства и без «полу»?... У меня когда-то были тоже мысли, что «Трансвааль» — это своего рода наказание Божие за беспечность, за безразличие. Вот в Англии, думаю, взрывы в метро — точно наказание за то, что давали и дают приют бандитам разной масти, за всеядную толерантность и терпимость. И сегодня утром иду и думаю, что я бы, наверное, случись мне пережить что-то подобное, не вернулась бы в «этот мир», не преодолела бы себя, не нашла бы точки опоры в нем, разве только в каком-то служении. То есть, вот эту чуждость мира, его пошлость, лживость, глупую суету и пустоту чувствуешь, когда впервые откроешь Бога. А еще мое замечание — по-моему, не стоит мат писать так откровенно (можно ж сокращать, как это делают многие авторы на сайте АОВ, все понимают, что за слово подразумевается), все же это ненормативная лексика, хоть и общеупотребимая, «там молитва через мат, где в нагрудный крестик град пуль...», это все понятно, но все же вы литературный журнал, надо держать планку изначально.

Татьяна Печерникова



Кстати, хотела сказать, что сегодня по рассылке одного профессора Принстонского университета (выходца из России) получила статью о первом номере журнала «Art of War». Г-н профессор следит за новинками на рынке прессы, литературы и т.д. и обычно рассылает своим электронным подписчикам наиболее интересные материалы из России и бывшего Союза. Так что теперь про журнал узнают многие представители американской интеллигенции, говорящие по-русски. Поздравляю с первым выпуском!!! Желаю удачи журналу и его авторам!

Читательница

То, что сегодня Альманах читают не только те, кто был в горячих точках — 100% (сам знаю). Из 500 экземпляров сделали 1000, а могли бы и 5000 — рынок «проглотил» бы (извините за маркетинговую терминологию, не хотел показаться кошунственным). А читать будут, уже читают. Как читали и читают «Войну и мир». Как читали и читают книги об Отечественной 1941-1945. Сам на них вырос, хотя родился через 20 лет после того. Потому как тяга у нас в народе к знанию собственной истории очень сильна, и патриотов у нас много (если не все), только признаться в этом боятся самим себе и другим. И издание первого Альманаха, как первая весенняя ласточка. Появление которой говорит о том, что начинается новый этап в жизни «ArtOfWar». И если это еще ощущается не сильно, так только потому, что мы находимся В САМОМ НАЧАЛЕ ЭТОГО ЭТАПА. «Переход количества в качество» уже пошел!

Анатолий Голиков

Алексей Новоточинов

Сотрудник Советского Посольства в Бейруте, 1987-1990, арабист-востоковед

Критические заметки к книге резидента КГБ СССР в Ливане Юрия Перфильева «Террор. Бейрут — жаркий октябрь»

Хороших книг в последнее время мало, а по-настоящему достойных внимания, цельных и интересных, вообще единицы. Книга Юрия Перфильева, выдающегося советского дипломата, полковника советской, а позднее и российской внешней разведки, да и просто блестяще образованного человека, гуманиста и гражданина своей страны, является именно таковой. По странному стечению обстоятельств она до сих пор пребывает в забвении. Хотя и приоткрывает занавес над множеством тайн современности — как политических, так и просто человеческих.

Мне повезло — я оказался едва ли не первым ее читателем еще в рукописном варианте.

Судьба свела меня с этим удивительным человеком именно в Бейруте, где я работал сотрудником Советского Посольства с 1987 по 1990 год. Ежедневно наблюдая работу советского резидента «вживую», понимая ее важность для советской ближневосточной дипломатии, я и в страшном сне представить не мог, что много лет спустя окажусь свидетелем его человеческой трагедии, нескончаемой душевной боли за все происходящее в России. Стране, которой он полностью посвятил свою жизнь, которой верой и правдой служил тогда



• Юрий Перфильев

и остается верным до сих пор — и как гражданин, и как офицер, и как интеллигент, и как ученый-международник — Перфильев оказался не нужен.

Его книга — это, вне всякого сомнения, вызов нашему сволочному времени, времени мутаций в сознании нынешних «радетелей», расхищающих под шумок остатки былого могущества страны.

В качестве руководителя советской резидентуры Перфильев блестяще провел в Бейруте уникальную операцию по освобождению советских заложников, захваченных 30 сентября 1985 года ливанскими террористами. Он оказался тогда один на один с проблемой, которую, заявляю ответственно, вряд ли кто смог бы решить. Во всяком случае, из состава нашей миссии в Ливане. К слову сказать, наши заложники были освобождены в течение месяца, западные же томилась в плену по несколько лет.

Перфильев мог и сам оказаться заложником, как Валерий Мыриков и Николай Свирский, которые были взяты в нескольких десятках метров от забора миссии едва ли не за пять минут до того как в Посольство прибыл Перфильев.

И хотя тогда считалось, что незаменимых у нас нет, я утверждаю обратное — были и, слава Богу, все еще есть у нас незаменимые люди. Но чем меньше их остается в живых, тем тяжелее становится наша жизнь.

Автор, хотя и следует жанру остросюжетного детектива, однако не пренебрегает анализом событий, явно выходя за рамки общепринятых точек зрения относительно ситуации в регионе. На фоне добротной характеристики, Ливан — «Ближневосточная Швейцария», которую автор искренне любит, — может фигурировать, как «оплот, школа и идеология международного терроризма». Уже тогда, в середине 80-х, советское Политбю-

Рецензии



ро, как, впрочем, весь аппарат ЦК, или не видел, или не хотел видеть угрозы этой нетрадиционной мусульманской и международной проблемы для бездарной и тупой по своему содержанию и целям советской внешней политики на Ближнем и Среднем Востоке.

Как жаль, что именно в то время Москва не внимала советам своих подчиненных, налево и направо разбрасываясь глубокими знаниями профессионалов.

Теперь, спустя много лет, имея у себя в стране Чечню и тысячи трупов по обе стороны гражданской войны, работоторговлю и заложников, десятки тысяч беженцев, приходится только сожалеть, что именно в те годы уникальной работе советского КГБ в Бейруте не было придано особого внимания. А суть проблемы и ее последствия не были изучены «на упреждение».

Может быть, кому-то все-таки нужен этот бесценный опыт пресечения терроризма и работоторговли? А то вдруг кто-то из любителей депутатских кресел вдруг вспомнит о том, что перемещение мешков с гексогеном могут отслеживать только настоящие профессионалы — хорошо обученные, оснащенные и защищенные социально... Уже давно не секрет, что на формирование любого института сосуществования общества и власти, необходимо как минимум 36 календарных лет, т.е. по девять лет в каждом из четырех поколений последовательно, без проволочек и гражданских конфликтов, дополняющих и заменяющих друг друга здоровых физически, морально и нравственно людей.

Автор выдает читателю совершенно крамольные для советского времени идеи. Как бы мазками рисуя пеструю и противоречивую картину переговоров, он со ссылкой на видного ливанского политика и своего близкого друга Анри Сфейра повествует

Рецензии



• Алексей Новотчинов, автор рецензии

о бытовавшем в то время в маронитских кругах мнении о возможности урегулирования затяжного гражданского конфликта в Ливане посредством советского вооруженного вмешательства.

Ливанцы-христиане, да и представители иных конфессий, измученные многолетней войной, наивно верили в то, что, искусственно столкнув Москву с ненавистной им Сирией, которая, как они считали, оккупировала Ливан, смогут решить свои внутригосударственные проблемы.

Автор с какой-то излишней решительностью называет похитителей советских граждан «бандой», однако почти убедительно для читателя не считает Шейха Мохаммеда Фадлаллу, фактического и духовного лидера проиранской партии «Хизбалла» в Ливане, предводителем бандитов, высоко оценивая манеры, ум и образованность этого безусловно очень влиятельного не только в Ливане, мудрого и сильного человека. Юрий Перфильев, видимо, был первым «из неверных собак», кого лицом к лицу принимал Шейх Фадлалла, реальный Аяталла. Этот высший религиозный титул ему лично присвоил духовный лидер Ирана, лидер исламской революции Имам Хомейни, сделав его равным себе.

Это чрезвычайно важный факт. По статусу на такие переговоры должен был идти Посол СССР или, как минимум, Временный поверенный в делах Советского Союза. Но их смело и недвусмысленно заменил, реально рискуя своей жизнью, автор.

Видимо, идя на встречу со ставленником Имама Хомейни, проклявшего русских оккупантов Афганистана, полковник Перфильев не совсем понимал, что его может ожидать, и что список заложников легко может увеличиться, несмотря на серьезное политическое прикрытие и обеспечение операции.

Оригинально и по-новому выглядит в книге образ неутомимого борца за права палестинцев Ясира Арафата — в миру Абу Аммара. То, как советских заложников брали его бывший личный охранник Мугние по кличке «Гиена» и бывший шеф-охранник «Хадж», пытавшиеся затем вести переговоры от его имени, и их сподвижники, в книге описано до мельчайших подробностей, что создает несколько отличный от общепринятого образ лидера палестинцев. Арафат начал откровенно двойную игру в свою пользу, но сам оказался заложником ситуации, пытаясь выступить радетелем за свободу пленников.

Автор делает ряд смелых и неожиданных заключений о месте и роли палестинского лидера и его людей в этой истории. Недаром Арафат фигурирует в книге как «мастер мистификаций».

Нельзя не вспомнить и о бывших союзниках СССР. Их действительно было много. Однако не все рискнули сделать то, что сделали самые честные и дальновидные. Это, прежде всего, Прогрессивно-социалистическая партия Ливана и ее лидер Валид Бек Джумблат. Именно его друзья

без рассуждений стали на защиту Посольства при угрозе штурма. Они же готовили Перфильеву серьезное прикрытие, рискуя собой.

Тем не менее, террористам тогда удалось многое — они все-таки вынудили Дамаск отказаться от военной операции в Триполи, сорвали сирийскую операцию по «зачистке» пригородов Бейрута и палестинских лагерей Сабра и Шатила близ шиитского района Дахия. Тогда через Триполи шел поток фальшивых долларов и наркотиков, и его дележка между сирийцами, иранцами и ливанцами стоила многого. Что до удивительной точности напоминает события в Югославии, и наркотрафик через Албанию.

К сожалению, не удалось спасти Аркадия Каткова, моего коллегу-арабиста, выпускника МГИМО. Его зверски убили, расстреляв в упор, и подкинули труп на территорию спортгородка по дороге в международный аэропорт Бейрута.

Возможно, ни Ясир Арафат, ни Шейх Фадлалла, ни другие заинтересованные стороны не знали ничего о готовящемся захвате заложников. Будем считать, что так оно и было, ибо именно так в то время легли козырные карты ближневосточной политической игры к осени 1985 года.

Однако, все актеры этого нехитрого представления как-то сразу включились в свои роли и по ходу пьесы начали произносить свои тексты. Марионетки?

Говорят, что за Имадом Мугние — «Гиеной», до сих пор, хотя и безуспешно, охотится ЦРУ. У этих ребят с памятью все в порядке — ведь именно «Гиена» в апреле 1983 года организовал удар по американскому Посольству в Бейруте, одним махом угробив значительную часть американской оперативной региональной резидентуры. В октябре того же года он спровоцировал водителей-самоубийц направить грузовики с взрывчаткой на казармы, где находились американские и французские солдаты. Тогда погибло около 300 человек.

Недавно Мугние снова всплыл в Бейруте и прославился тем, что разработал план обстрела здания российского Посольства, того самого, где некогда трудился полковник Перфильев. В ходе перестрелки с охраной Посольства погиб некий Абу Харуб. В руках у него была обнаружена записка: «Я мщу за Грозный».

История продолжается. Одному Богу известно, что еще уготовано нашей стране, где до сих пор только и го-

ворят, что надобно вновь что-то перестраивать и обновлять и при этом обязательно бороться с терроризмом. Вот только неясно, где проходит грань между террором и насилием и как же все-таки быть с пониманием роли государства и отдельной личности, а значит, всех нас в этом очень сложном и болезненном процессе...

Не фантастика, а совершенно реальный факт — в ходе последней решающей встречи с Шейхом Фадлаллой 28 октября 1985 года Юрий Перфильев пошел на предельно отчаянный и вынужденный шаг — как бы между делом проинформировал лидера ливанских шиитов о том, что если заложников не освободят, то случайная советская ракета, к примеру СС-18, по не менее случайной траектории может взять да и случайно угодить, например, в шиитскую святыню — иранский город Кум или в не менее авторитетный шиитский центр — Мешхед, или куда-нибудь еще. Да и, не дай Бог, это случится во время полуденной молитвы.

Как видно, даже на уровне деловой фантазии реальное насилие, к великому сожалению, порождает еще большее ответное насилие. Вопрос очень непростой — на ком же из авторов насилия должна прерваться цепь взаимосвязанных кровавых событий? На отдельной личности или все же на государстве, которое зачастую именно своим всеподавляющим аппаратом и провоцирует отдельную личность на «подвиги»? Зачастую квалифицируя их, включая гражданские

акты осознанной самообороны и патриотизма, как происки экстремизма, бандитизма, терроризма, национализма, шовинизма, расизма и др.?

В книге неоднократно звучит чрезвычайно важная со всех точек зрения авторская мысль о том, что «великая держава не может долго ждать». Даже захват заложников не может нарушить этого процесса. Как не вспомнить великого и простого Высоцкого, прохрипевшего про капитана корабля: «...ему плевать, что человек за бортом». Государству почти всегда и почти все сходит с рук, оно слишком велико и слишком самозабвенно занято собой или делами и помыслами кучки, как правило, прохвостов, перефразируя Бомарше, «оправдывающих важностью цели полное убожество средств», чтобы опуститься до уровня понимания бед конкретно взятого человека.

В такой странной для цивилизованного человека мысли звучит вся глубина трагедийности положения должностного лица с погонями и в высоком звании дипломата, обремененного обязательностью выполнения особого задания государства. Издержки в виде города Кум и его мирного населения не в счет...

Однако, в ходе операции советскому резиденту-полковнику первого Главка КГБ СССР, который, позднее, уже в Москве, так и не станет генералом, видимо, было не до вымыслов и шуток — слишком высоки были ставки, если даже такой сильный и волевой человек как президент Сирии Хафез Асад с его безраздельным



• Алексей Новотчинов в ходе рабочей поездки в одну из стран Персидского Залива

Рецензии

влиянием, как в самой Сирии, так и в соседнем вассально зависимом Ливане, пошел на попятную перед кучкой террористов, действительно отменив военную операцию в Триполи и «зачистку» в пригородах Бейрута и палестинских лагерях.

До сих пор сомневаюсь в том, что такой влиятельный и обладавший отнюдь неслабой военно-политической машиной, ныне покойный Асад пошел на этот шаг только по просьбе Москвы. Вне всякого сомнения, она была. И также, вне всякого сомнения, она была учтена. Но очевидно было и что-то другое, более цельное, аргументированное, значимое и ценное, что сдержало этого непреклонного и жесткого человека от точечных и фронтальных военных актов в те дни. Хотя, как и следовало ожидать, чуть позже он с лихвой наверстал упущенное, и кое-кто из ливанских и иных нарушителей спокойствия и баланса сил в регионе без особого шума и пыли расстался со своей головой.

При этом, глядя на прожитое спустя почти 20 лет, представляется, что каждый из героев остросюжетной и трагической книги Юрия Перфильева делал свое незатейливое дело посвоему, со своей собственной справедливостью и правдой в душе. Правда же, к великому моему удивлению, у всех оказалась опять одна — ставки снова были выше, чем понятие «собственная жизнь». Кто-то спасал заложников, рискуя собой, кто-то убивал Аркадия, не шадя живота своего во благо воли другого, кто-то своими плечами и головой спасал репутацию великой державы и мировой идеологии, ставя на кон свои жизни...

Обо всем остальном, что осталось за кадром и между строк, читайте и судите сами. Книга, напечатанная издательством «21 век — согласие», хотя и забытая, но очень важная, как однажды написанный малоизвестным мыслителем свод простых истин и правил, еще послужит прогрессивному человечеству в его высокой миссии «уцелеть», сохранить свое цивилизованное, все еще неодурманенное и неизуродованное разного рода «-измами» лицо и душу.

Во всяком случае, хочется на это надеяться.

Бейрут — Триполи — Дамаск — Каир — Фаиз-Абад — Тегеран — Москва. Январь 2004 года.

Вне рубрик

МОЛЧАНИЕ КОМАНДИРОВ

Говорят, что более-менее значимые литературные произведения появляются через 10-20 лет после окончания войны. Это время необходимо для осмысления. Что происходило с нами ТАМ?

После Афгана прошло уже почти двадцать лет. Временные рамки соблюдены. И, безусловно, произведения, достойные именоваться новой окопной прозой, уже создаются. Но дело в том, что это именно «окопная» проза — проза солдат и младших офицеров. Найти воспоминания старшего офицерского состава практически невозможно. Редкие материалы стали проскальзывать только сейчас, да и то в небольшом количестве. В чем же причина?

Своим мнением делится Артем Шейнин.

Я про офицеров, тем более старших, понимаю меньше, чем про солдат, но есть у меня одно свое объяснение.

Полагаю, что многие из них не готовы писать еще и потому, что это предполагает некоторый уровень откровенности, рефлексии и неизбежной самокритики.

А чем выше уровень командира, офицера, тем «чувствительнее» его ошибки и их последствия. Тем труднее даже с годами признать их и тем более признать вслух.

Солдатам было по 18-20 лет, мальчишки по сути, да и отвечал каждый сам за себя, ну или максимум за свое отделение — человек семь-восемь. «Замками» были уже лейтенанты. Поэтому наши ошибки и их последствия легче. И признать нам это проще. И слабости наши простительнее.

Но и то ведь двадцать лет порой нужно, чтобы о них открыто сказать. Хотя бы о том, что били, допустим, тебя по молодости, или о том, что в госпитале лишнюю неделю «пробалдел», потому что не сразу волю в себе нашел вернуться. Хотя, казалось бы, хрен ли страшного признать сорокалетнему мужику в слабостях себя восемнадцатилетнего? Да и кто от ошибок и слабостей моих страдал-то кроме меня самого? Ну, все те же десятков-полтора моих молодых, кото-

рые потом сами стали дедами и все поняли и простили.

Так и то ведь удивляются некоторые даже этой откровенности...

А теперь представим, что тебе было не восемнадцать, а сорок. И был ты полковником, и зависели от тебя несколько сот, а то и тысяч человек. И ошибки твои и слабости на десятках, а то и сотнях людей отражались. Кто-то жизнью за них платил, кто-то здоровьем, кто-то душой. Я сейчас не только и не столько про боевое управление говорю, сколько вообще про жизнь — война ведь только ее часть...

Я это к тому, что для старшего офицера, чтобы начать писать, придется сделать больше усилий над собой. Степень откровенности нужна большая, готовность к рефлексии. Или нужно сознательно идти на то, что ты только половину, только часть СВОЕЙ ПРАВДЫ описываешь.

Но ведь чем выше ты был, тем больше тех, кто и другую сторону знает. Тех, кто в горах в рацию орал в отчаянии: «Куда вы, б..., нас заперли и на какой?!» А может не в рацию, но вслух. А может, и не вслух даже, а про себя думал, понимая, что не всегда «отец-командир» по уму действует. Ну, кто безгрешен-то, кто не ошибается?

Но многие ли готовы к тому, чтобы САМИМ в этих ошибках признаться? Ведь это же заслуженные люди, со статусом.

Или другой вариант: готов ли человек к тому, что, прочитав его рассказы, многие скажут: «Ну конечно, его почитать, так он герой и почти ангел. А вот я помню, как он...» Из песни слов не выкинешь — когда нас летом 84-го в бригаду привезли, то вместо приветствия мы узнали, что по числу сломанных челюстей бригада стойко удерживает в контингенте первое место. Может, это и «бравлада» была, про первое место, но то, что в главных претендентах ходили — точно. Не знали этого старшие офицеры? Да знали, конечно. Все ли офицеры делали для того, чтобы это исправить? Мягко говоря, не уверен. И про то, что бригаду «отдельной, гвардейской, пятидесятишестилитровой» называ-

ли, наверняка, знали. И что некоторые офицеры в ППД просто не просыхали, причем не только от браги и водки.

Умалает ли это достоинства командира, как офицера и человека сейчас? Нет, по-моему. Легко ли им сейчас, а главное стоит ли, про все это писать? Не знаю, не уверен. Ведь если обо всех этих «других» сторонах начнет писать старший офицер, комбриг, то звучать и восприниматься это будет совсем по-другому, чем когда вспоминает это солдат или даже лейтеха какой сопливый. Мы в значительно меньшей степени повязаны неким негласным корпоративным кодексом — я же на все это со стороны смотрел и никак от меня это не зависело. А им, «большим», приходится думать о том, что их слова, их правда куда больший вес и звучание имеют и о возможном вреде от их слов им в сто раз больше задумываться приходится.

Так что мне кажется, что помимо «организационно-технических» тут еще и психологические проблемы имеются.

Начнет старший офицер чистую фактуру выписывать — операции, замыслы, осуществление, номера частей, взаимодействие с «союзниками» и т.п. Бесценный материал. Но обязательно найдется кто-то, кто вставит: «а что ж вы, товарищ генерал, умолчали о том-то и о том-то, что ж вещи своими именами не называете?» Надо это генералу? Не уверен.



Продолжение следует...